

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Таврическая Академия (структурное подразделение)
Юридический факультет
Кафедра гражданского и трудового права

**IV Всероссийская научно-практическая конференция
«Толкование правовых актов (теоретико-правовой,
конституционно-правовой, гражданско-правовой и
трудо-правовой аспекты)»
19 ноября 2020 года**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Симферополь

2021

Составители:

Сонин О.Е. – к.ю.н., заведующий кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»;

Черткова Ю.В. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»;

Руденко А.В. – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Все статьи опубликованы в авторской редакции.

Т 52   **Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): материалы IV Всероссийской научно-практической конференции.** – Симферополь, 2021. – 140 с.

В сборнике содержатся научные статьи по современным проблемам правотолкования и правоприменения. В статьях констатируется факт господства в науке и судебной практике интуитивного подхода. Поэтому ставится задача преодолеть интуитивную юриспруденцию, перейти к рациональному правотолкованию. Естественным для такого рода изданий является разнообразие понимания проблем правотолкования. Но все это разнообразие имеет направленность на разработку совместными усилиями специалистов в области теории права, конституционного права, гражданского и трудового права новейшего учения о толковании правовых актов.

Сборник адресуется юристам-ученым, судьям, адвокатам и другим специалистам, интересующимся проблемами правотолкования и правоприменения.

УДК 340.132.6

© Юридический факультет
Таврическая Академия
ФГАОУ ВО «КФУ имени
В. И. Вернадского», 2021

Е.В.Басос,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»

E.V. Basos,
candidate of legal sciences,
associate Professor of civil and business law
The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
e-mail: BASOS@yandex.ru

Толкование принципов жилищного права

Interpretation of the principles of housing law

Аннотация: в статье анализируются общие особенности толкования специальных (отраслевых) принципов права с учетом их правовой природы, на основе которых автором раскрывается содержание принципов жилищного права.

Ключевые слова: толкование, принципы права, жилищное право

Abstract: the article analyzes the General features of the interpretation of special (branch) principles of law, taking into account their legal nature, on the basis of which the author reveals the content of the principles of housing law.

Keywords: interpretation, principles of law, housing law

Толкование права – это важнейший этап в механизме правового регулирования, присутствующий как в деятельности субъектов правотворческой деятельности, так и правоприменительной. При этом, по справедливому замечанию П. Сандевуара, именно «...принципы играют ключевую и направляющую роль в разработке и толковании права» [1, с.170], поскольку представляют собой основу юридического рассуждения. Однако уяснение смысла, содержания принципов в силу их краткости, абстрактности и универсальности является наиболее сложным по сравнению с традиционными нормами.

Проблема толкования принципов права, в первую очередь, поднимает дискуссионный для юридической науки вопрос об их понятии и правовой природе. В отечественной юриспруденции приоритетной считается точка зрения С.С. Алексеева, согласно которой принципы права это основные начала, идеи, составляющие «сжатое, концентрированное выражение содержания права» [2, с.150], однако такая точка зрения на современном этапе подвергается критике, поскольку складывающееся на ее основе понимание принципов права носит сугубо субъективный характер и зависит от оценочной деятельности ученых, хотя принципы, напротив, имеют объективную природу и

представляют собой нормативную форму выражения ценностей общества [3, с.65]. Двойственность и противоречивость правовой природы принципов отмечает и И.В. Гойман, который, с одной стороны, указывает, что «принципы права по своей сущности являются обобщенным отображением объективных закономерностей развития общества» [4, с.84], а, с другой, признает их «... идеологической основой происхождения правовых явлений» [4, с.84-85].

С позиции системного и логичного толкования права обоснованной представляется позиция В.В. Ершова, который выстраивает следующую модель взаимодействия форм правового регулирования: **основополагающие (общие) принципы национального и/или международного права** (обладают фундаментальностью, общезначимостью, стабильностью и вырабатываются в правореализационной практике) – **специальные принципы национального и/или международного права** (отражают специфику конкретных правоотношений и вырабатываются управомоченными правотворческими субъектами в процессе конкретизации общих принципов) – **нормы права** (вырабатываются в результате исследования, восприятия и конкретизации принципов права, как общих, так и специальных) [5, с.148-150]. Именно установленная последовательность восприятия и конкретизации указанных правовых форм позволяет, по мнению автора, обеспечить «... повышение степени определенности права, ожидаемость, непротиворечивость и транспарентность как правотворческих, так и правореализационных процессов» [5, с.150].

Целью настоящей статьи является анализ принципов жилищного права, исходя из их правовой природы и интегративной концепции права.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе толкования принципов жилищного права.

Предмет исследования составляют нормы жилищного законодательства, доктринальные положения и материалы судебной практики.

Толкование принципов жилищного права осложнено наличием в юридической науке двух позиций относительно оценки их смысловой сущности: первая точка зрения заключается в том, что принципы жилищного права не являются универсальными и обладают разной направленностью (частной или публичной) [6, с.12], вторая – система принципов жилищного права объединена единой целью – обеспечить жилищные интересы граждан [7]. Представляется, что второй подход более оправдан, поскольку объединяет в себе и личные потребности частных субъектов, и реализацию социальной функции государства.

Основными принципами жилищного права являются:

1) *необходимость обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления гражданами права на жилище, неприкосновенность жилища, недопустимость произвольного лишения жилища, безопасность жилища* (ч.1 ст.1, ч.1, 4 ст.3 Жилищного кодекса РФ (далее - ЖК РФ)).

Данные принципы являются конкретизацией международной нормы о праве человека на достаточный жизненный уровень, который необходим для

поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, закрепленной во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 года, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом 16.12.1966 года Генеральной Ассамблеей ООН, а также конституционных положений о праве каждого на жилище, о гарантированности неприкосновенности жилища, исключении случаев произвольного лишения граждан жилища (ст. 40, 25 Конституции РФ).

В соответствии с преамбулой Постановления Пленума Верховного суда РФ от 2 июля 2009 года №14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» конституционное право граждан на жилище относится к основным правам человека и заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных основаниях, в предоставлении жилища из государственного, муниципального и других жилищных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, в оказании содействия гражданам в улучшении своих жилищных условий.

Конкретный перечень мероприятий, которые должны осуществлять органы публичной власти в целях обеспечения условий для реализации гражданами права на жилище предусмотрен в ст. 2 ЖК РФ. К ним, в частности, относятся: содействие развитию рынка недвижимости в жилищной сфере, государственный жилищный надзор и муниципальный жилищный контроль, создание инвалидам условий для беспрепятственного доступа к общему имуществу в многоквартирных домах и т.д.

Следует отметить, что отечественное жилищное законодательство в качестве принципа закрепляет только одно требование к жилищу – безопасность, что предполагает соответствие жилого дома в целом и жилых помещений в его составе техническим требованиям, градостроительным, санитарным правилам и нормам и др. В частности, жилой дом, как индивидуальный, так и многоквартирный, по своим техническим характеристикам должен быть надежным и обеспечивать безопасное пребывание в нем граждан и сохранность инженерного оборудования. Жилые помещения, а также помещения общего пользования в многоквартирном доме, должны быть обустроены и оборудованы таким образом, чтобы предупредить риск получения травм жильцами при передвижении внутри и около жилого помещения, при входе в жилое помещение и жилой дом и выходе из них, а также при пользовании инженерным оборудованием.

Требования к безопасности жилых домов и помещений конкретизируются ФЗ от 30.12.2009 года №384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», ФЗ от 30.03.2009 года №52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Положением о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом (далее – Положение о признании помещения жилым помещением),

утвержденного постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 года №47, Санитарно-эпидемиологическими требованиями к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях (СанПиН 2.1.2.2645-10), утвержденными постановлением Главного гос. санитарного врача РФ от 10.06.2010 года.

Выселение из жилых помещений происходит исключительно в судебном порядке в случаях, предусмотренных законом, а ограничение в получении коммунальных услуг за ненадлежащее исполнение обязанности по их оплате возможно только после письменного предупреждения (уведомления) потребителя-должника в сроки и в порядке, установленные постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 года №354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов». При этом согласно п.40 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 года №22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договорам социального найма или принадлежащим им на праве собственности» следует учитывать, что само по себе наличие задолженности по оплате коммунальной услуги не может служить безусловным основанием для приостановления или ограничения предоставления такой коммунальной услуги. Действия исполнителя коммунальной услуги по приостановлению или ограничению предоставления коммунальной услуги должны быть соразмерны допущенному нанимателем (собственником) нарушению, не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения, не нарушать прав и законных интересов других лиц и не создавать угрозу жизни и здоровью окружающих.

2) в развитие принципа безопасности жилища закреплены положения о необходимости *обеспечения сохранности жилищного фонда и целевого использования жилищного фонда* (ч.1 ст. 1 ЖК РФ.)

Реализация данных принципов обеспечивается путем осуществления государственного учета жилищного фонда РФ, основной задачей которого является получение информации о местоположении, количественном и качественном составе, техническом состоянии, уровне благоустройства, стоимости объектов фонда и изменении этих показателей, а также мониторинга использования жилищного фонда и обеспечения его сохранности, проводимого посредством систематизации и анализа официальной статистической информации

3) гражданам гарантируется *беспрепятственное осуществление жилищных прав, свобода выбора жилых помещений для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных основаниях, предусмотренных законодательством, возможность восстановления нарушенных жилищных прав и их судебная защита* (ч.1,4,5 ст.1 ЖК РФ).

Граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. При этом осуществление жилищных прав и исполнение жилищных обязанностей не должно нарушать права, свободы и законные интересы других граждан (ч.2 ст.1 ЖК РФ). Пользование жилым помещением возлагает на лиц, в нем

проживающих, обязанность взаимно уважать и соблюдать интересы друг друга. Собственник жилого помещения, в первую очередь, обязан соблюдать интересы проживающих с ним членов семьи, которые, по общему правилу, имеют аналогичное праву собственника право пользования жилым помещением, заключающееся в возможности личного проживания в данном жилом помещении. Таким образом, собственник жилого помещения обязан согласовывать свое право пользования с правами членов своей семьи, тем самым претерпевая определенные ограничения своего права собственности. При предоставлении жилого помещения на основании различных договоров найма собственник жилого помещения обязан соблюдать интересы нанимателя и членов его семьи.

В соответствии со ст. 27 Конституции РФ, ст. 1 Закона РФ от 25.06.1993 года №5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

Кроме названных принципов, непосредственно обозначенных в ст. 1 ЖК РФ «Основные начала жилищного законодательства», исходя из положений жилищного законодательства, можно выделить и иные принципы: свободы выбора способа управления многоквартирным домом, обеспечения жилищных прав граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, приоритета жилищных прав несовершеннолетних и др.

Наряду с принципами п. 2 ст. 7 ЖК РФ устанавливает требования, которыми необходимо руководствоваться при регулировании жилищных правоотношений: добросовестность, гуманность, разумность и справедливость.

Содержание такой категории как «добросовестность» противопоставляется термину «злоупотребление правом» и соответственно предполагает отсутствие действий по осуществлению своих субъективных жилищных прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо злонамеренное осуществление прав. По справедливому замечанию Е.А. Суханова добросовестность поведения лица «... определить заранее невозможно ввиду ее тесной связи с конкретной ситуацией, а потому толкование данного вопроса следует предоставить судам, правоприменительной практике» [8, с.2]. Добросовестность участников жилищных правоотношений презюмируется, поэтому при рассмотрении спора в суде обязанность доказывания недобросовестности возлагается на противоположную сторону спорных отношений.

Гуманность предполагает уважение человеческой личности, исключение обстоятельств, причиняющих страдания и неудобства. В жилищном праве гуманность проявляется, в частности, в возможности сохранения права пользования жилым помещением на определенный срок за бывшим членом семьи собственника, если у него отсутствуют основания приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, а также если его

имущественное положение и другие заслуживающие внимания обстоятельства не позволяют ему обеспечить себя иным жилым помещением (ч.4 ст. 31 ЖК РФ).

Разумность – это универсальное понятие, присущее как правовому регулированию в целом, так и поведению отдельных субъектов в частности. К основным аспектам проявления разумности в рамках механизма нормативного регулирования можно отнести: определение с учетом актуальных условий, в которых существует и действует правопорядок, оправданных пределов, которыми могут и должны ограничиваться реализация правоспособности, свобода волеизъявления и осуществление конкретных субъективных прав; повышенная в оправданных пределах формализация регулирования наиболее важных для правопорядка общественных отношений; признание особой значимости отдельных видов имущества; обеспечение неотвратимости и адекватности ответственности за нарушение обязательств и причинение внедоговорного вреда. Разумность поведения субъекта права – это стремление участника правоотношения соизмерять свое поведение со здравым смыслом, общими представлениями об осторожности и предусмотрительности и экономической целесообразности, правами и охраняемыми законом интересами других субъектов [9, с.19].

Требование справедливости тесно связано с иными требованиями и принципами жилищного права и, в первую очередь, предполагает возможность полноценной реализации гражданской правосубъектности, обеспечение равенства субъектов, защиту более слабых и менее защищенных участников жилищных правоотношений, признание значимости сложившихся между гражданами отношений (например, семейных), недопустимость произвольных ограничений и лишений в жилищной сфере и т.д. [10, с. 33-34].

Подводя итог, следует отметить, что в целях эффективного функционирования жилищного законодательства и обеспечения баланса частноправовых и публичных интересов, толкование принципов жилищного права, осуществляемое в соответствии с общепризнанными принципами международного и национального права, должно обеспечивать системное единство норм жилищного права.

Список литературы

1. Сандевуар, П. Введение в право. – М.: Интратэк-Р, 1994. – 324 с.
2. Алексеев, С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития - надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2000. – 252 с.
3. Корнев В.Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №1(41). С.64-70.
4. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 520 с.
5. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018. – 628 с.

6. Иншакова, А.О., Кагальницкова Н.В. Жилищное право в доктрине, национальной правовой и законодательной системе // Вести Волгоградского гос. ун-та. Серия 5. Юриспруденция. – 2016. – №3 (32). С.9-15.

7. Киракосян, С.А., Куцина, С.И. Принципы российского жилищного права // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №15.

8. Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой гражданского права, деканом юрид. факультета МГУ им. Ломоносова Е.А. Сухановым // Законодательство. – 1998. №10. С.2-9.

9. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №8 (105). С.11-21.

10. Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex Russica. – 2019. – №8 (153). С. 27-36.

УДК 340.13:347.4

З.Р. Бахриева

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
Симферополь

Э.Э. Мухамедова,

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Симферополь

Z.R. Bakhrieva

Ph.D. in Law, Associate Professor department (faculty)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol
e-mail: zore.bakhrieva@inbox.ru

E.E. Mukhamedova,

Ph.D. in Law, Associate Professor department (faculty)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol
e-mail: elmirio@ukr.net

**Толкование правовой нормы - ст. 431.2 Гражданского кодекса
Российской Федерации о заверениях об обстоятельствах**

The interpretation of the legal norm-Article 431.2 of the Civil Code

Of the Russian Federation on assurances about the circumstances

Аннотация. В статье исследуются проблемы толкования и применения на практике правовой нормы - ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющей последствия предоставления одной из сторон договора недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих значение для его заключения, исполнения и прекращения.

Ключевые слова: толкование, заверения об обстоятельствах, недостоверные заверения, гарантии, правомерное действие, сделка, договор, обязательство, возмещение убытков.

Abstract. The article examines the problems of interpretation and application in practice of the legal norm-Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes the consequences of providing one of the parties to the contract with false assurances about the circumstances relevant for its conclusion, execution and termination.

Keywords: interpretation, assurances about the circumstances, false assurances, guarantees, lawful action, transaction, contract, obligation, compensation for losses.

В российском гражданском праве возникают новые правовые конструкции регулирования договорных отношений. В связи с появлением с 1 июня 2015 г. в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (№ 51-ФЗ, принятый Государственной Думой 21 октября 1994 года, далее по тексту – ГК РФ) механизма привлечения к ответственности за недостоверные заверения об обстоятельствах остается немало вопросов относительно правовой природы данного правового института. Более того, за пять лет его применения успела сложиться противоречивая судебная практика, так как имеются трудности однозначного понимания того, что сказано законодателем, что, в свою очередь, подтверждает актуальность и необходимость проведения специального исследования, посвященного проблемам толкования правовой нормы - ст. 431.2 ГК РФ о заверениях об обстоятельствах.

Так, прежде всего, обращает на себя внимание сама формулировка ст.431.2 ГК РФ, что вызывает трудности в определении правовой природы введенного законодателем нового понятия – заверений. Обращаясь непосредственно к содержанию п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, следует отметить, что законодатель не дает определение заверения об обстоятельствах, но при этом указывает, что такие обстоятельства должны иметь значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относиться к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящиеся к третьему лицу).

Как видим, указанный перечень не является исчерпывающим, то есть стороны могут определять иные случаи заверений об обстоятельствах. Кроме того, указанное правовое положение также позволяет нам сделать вывод о возможности заверения обстоятельств как при заключении договора, так и до или даже уже после его заключения, то есть фактически заверения могут даваться контрагентами в любой момент времени.

В юридической литературе предпринимались попытки определения правовой природы заверений, при этом их сравнивали с обязательствами, называли самостоятельными сделками, а также им придавался деликтный

характер и даже предлагалось расценивать факт предоставления недостоверных сведений как объективную сторону правонарушения (деликта), которое явилось причиной возникновения у потерпевшего финансовых потерь [1, с. 53].

По нашему мнению, сравнивая заверения с указанными правовыми категориями, следует иметь ввиду следующее. В силу обязательства одна из его сторон, именуемая должником, обязуется что-либо совершить (либо воздержаться от определенного действия) в пользу кредитора. Причем кредитор имеет право требования от должника исполнения его обязанности. Такое понимание обязательства следует из п. 1 ст. 307 ГК РФ. Однако, что касается заверений об обстоятельствах, их сущность подразумевает утверждение фактов, установление обстоятельств, следовательно, заверение не следует расценивать как обязательство сделать что-либо.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ стороны обязаны действовать добросовестно, в том числе предоставлять друг другу необходимую информацию. Так, обращаясь к п. 1 ст. 944 ГК РФ, в силу которого «при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику», можно сделать вывод о том, что сообщение о таких обстоятельствах является одной из обязанностей страхователя. Как видим, здесь имеет место заверение об обстоятельствах, причем необходимо обратить внимание на то, что законодатель обязывает сторону совершить такое заверение (сообщить об обстоятельствах) в момент заключения договора. Следовательно, указанной обязанности корреспондирует соответствующее право страховщика требовать ее исполнения. При этом, казалось бы, что за неисполнение данной обязанности не установлены какие либо последствия, так как в силу п. 2 ст. 944 ГК РФ «если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, страховщик не может впоследствии требовать расторжения договора либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем».

Однако согласно п. 3 ст. 944 ГК РФ если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, такая сделка может быть признана недействительной. При этом применяются последствия, установленные п. 2 ст. 179 ГК РФ для сделок, совершенных под влиянием обмана. Причем в первом абзаце п. 2 ст. 179 ГК РФ поясняется, что обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Таким образом, считаем, что несообщение страхователем известных ему обстоятельств, имеющих существенное значение, также можно расценивать как намеренное умолчание об обстоятельствах.

В отличие от договорных обязательств, возникающих на основании заключенного между сторонами договора, обязанность страхователя о

сообщении различных сведений, как разновидности действий, которые могут предшествовать заключению договора, на наш взгляд, можно было бы рассматривать в качестве самостоятельной сделки, но тогда, как юридический факт, такое заверение должно обладать способностью порождения определенных последствий в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

А.Ю. Буркова, анализируя природу заверений, указывает на их сходство с гарантиями, применяемыми в международной практике. По ее мнению, и заверения, и гарантии указывают на определенные факты, являются подтверждениями, которые дает лицо по определенным вопросам, имеющим существенное значение для принятия контрагентом решения, заключать с данным лицом сделку или нет [2, с. 32].

Считаем, что в таком понимании заверения как особой формы заявлений, имеющих юридически значимый характер, как особой формы волеизъявления сторон правоотношений может быть признана в качестве юридического акта как разновидность правомерных действий.

Д.Н. Кархалев признает заверение правомерным действием, что означает возможность применения норм о признании его недействительным. При этом он также указывает на то, что отношения по поводу заверений об обстоятельствах при заключении договора носят организационный характер [3].

Однако не все авторы придерживаются такой точки зрения. В частности, С.Будылин считает, что заверение, в отличие от гарантии, вообще не имеет сделочной природы. При этом автор поясняет, что «некоторые действия участников гражданского оборота не являются юридическими актами. Такие действия могут влечь определенные правовые последствия, но не потому, что на это направлена воля совершающего действие лица, а в силу действия права, причем независимо от того, предвидело ли лицо эти последствия. К этому классу действий и относятся заверения» [4].

Также нельзя не отметить неудачность самой структуры п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, так как, минуя дефиниции заверения об обстоятельствах и недостоверных заверений в том числе, указывается на обязанность возмещения другой стороне по ее требованию убытков, причиненных недостоверностью таких заверений, или уплаты предусмотренной договором неустойки.

Вышеизложенное требует пояснения. Во-первых, что касается возмещения убытков, полагаем, что сторона, которой причинены убытки в результате предоставления недостоверных сведений, вправе требовать возмещения и реального ущерба, и упущенной выгоды, что было бы невозможным в случае признания не договорной, а деликтной природы заверений. Во-вторых, вместо убытков стороне предоставляется право взыскания предусмотренной договором неустойки.

Кроме того, заслуживают особого внимания положения, которые содержатся во втором и третьем абзацах п. 1 ст. 431.2 ГК РФ. Они закрепляют возможность применения указанных последствий, как к незаключенным, так и к недействительным договорам, а также содержат правило о том, что предусмотренная настоящей статьей ответственность наступает в том случае,

если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения.

Не вдаваясь в теоретические исследования различий незаключенного и недействительного договора, в контексте обсуждаемого лишь подчеркнем, что для наступления указанных последствий это не имеет особого значения. А что касается условия наступления ответственности о разумных основаниях стороны исходить из такого предположения, в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» разъясняется следующим образом: «лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность» [5].

Кроме указанного, наряду с возможностью взыскания убытков или неустойки законодатель также прямо закрепил для стороны, полагавшейся на недостоверные заверения контрагента, имеющие для нее существенное значение, право отказаться от договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон (п. 2 ст. 431.2 ГК РФ). И здесь нельзя не отметить диспозитивный характер изложенного правила, не исключающего возможность его изменения сторонами. Все же, если управомоченная сторона решит воспользоваться односторонним отказом от договора, то здесь следует иметь в виду, что такая мера оперативного воздействия на контрагента не требует от заинтересованного лица обращения в суд, то есть для расторжения договора достаточно одностороннего волеизъявления.

Относительно закрепленного в п. 3 ст. 431.2 ГК РФ правила о том, что сторона, заключившая договор под влиянием обмана или существенного заблуждения, вызванного недостоверными заверениями, данными другой стороной, вправе вместо отказа от договора требовать признания договора недействительным, считаем, что указанная возможность признания сделки недействительной, равно как и взыскание в таких случаях убытков представляется возможным и на основании положений ст.ст. 178 и 179 ГК РФ. Однако нельзя не признать, что наличие специальных правил исключает такую возможность. Например, согласно п. 3 ст. 944 ГК РФ «страховщик не может требовать признания договора страхования недействительным, если обстоятельства, о которых умолчал страхователь, уже отпали».

Анализируя положения п. 4 ст. 431.2 ГК РФ, устанавливающего возможность применения указанных выше последствий для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, обратимся к комментарию А.Г. Карапетова, подчеркнувшего, что ответственность за ложные заверения наступает независимо от того, знал ли обманщик о том, что он сообщает ложную информацию, то есть даже при отсутствии вины. Как поясняет автор, специфика корпоративных договоров (например, акционерного соглашения) или договора об отчуждении акций или доли требует применения

жесткого стандарта ответственности, принятого в отношении сугубо коммерческой деятельности, даже если стороной договора является лицо, не являющееся профессиональным предпринимателем [6, с. 51-52].

Таким образом, учитывая всё вышесказанное, следует сделать вывод о том, что заверения об обстоятельствах следует расценивать как разновидность юридических актов. Это - утверждения о фактах, за достоверность которых сторона несет ответственность. Благодаря данному институту участники гражданского оборота получили возможность минимизировать риски в случае недобросовестного поведения стороны договора. Однако во избежание двусмысленности требуется дополнительная интерпретация правовой природы заверений. Также законодателю необходимо уточнить требования относительно самой формы выражения заверений, в том числе и ответить на вопрос о том, должны ли они включаться в договор или прилагаться в качестве составной части.

Список литературы

1. Ильина А.А. Проблемы определения правовой природы института заверения об обстоятельствах / А.А. Ильина // Научные горизонты. – 2020. - № 2 (30). – С. 49 – 58.
2. Буркова А.Ю. Заверения об обстоятельствах как новелла российского права / А.Ю.Буркова // Законодательство и экономика. – 2015. – № 7. - С. 32-36.
3. Кархалев Д.Н. Заверения об обстоятельствах в предпринимательских отношениях / Д.Н. Кархалев // Вестник арбитражной практики. – 2020. - N 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
4. Будылин С. Правовая природа заверений и гарантий. Поступок или сделка? / С.Будылин. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2016/1/22/pravovaya_priroda_zaverenij_i_garantij_postupok_ili_sdelka (дата обращения: 26.10.2020).
5. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 49 от 25.12.2018г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (дата обращения: 25.10.2020).
6. Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия возмещения потерь в новой редакции ГК РФ / А.Г. Карапетов // Закон. – 2015. - № 6. – С. 43-56.

УДК 347

С.А. Зарубенко,
соискатель кафедры международного частного и
гражданского права МГИМО МИД России
юрисконсульт ООО «СКФ Арктика»

S.A. Zarubenko
postgraduate education part-time student

Толкование понятие морского судна: гражданско-правовой аспект

Interpretation of the concept of a vessel: civil law aspect

Аннотация: В статье автор демонстрирует высокую практическую значимость толкования понятия судна, как вещи, с точки зрения гражданского права и, как специального сооружения, с точки зрения законодательства о торговом мореплавании. Автором обозначены основные сложности, которыми обусловлено отсутствие единообразного подхода к понятию судна, на основе анализа действующего законодательства, предложенных изменений в него, доктрины и судебной практики.

Ключевые слова: морское судно, недвижимая вещь, плавучесть, самоходность, торговое мореплавание, государственная регистрация прав на недвижимость.

Abstract: In the article the author demonstrates high practical significance of the interpretation of the concept of a vessel as res from the perspective of civil law and as a special construction from the perspective of merchant shipping legislation. The author specifies main difficulties that lead to the absence of the unified approach to the concept of a vessel based on the analysis of the legislation in force, proposed amendments to it, doctrine and judicial practice.

Keywords: marine vessel, immovable property, floatability, self-propulsion, merchant shipping, state registration of rights for immovable property.

В российском праве понятие морского судна определяется в соответствии с национальным законодательством и международными договорами Российской Федерации, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В национальном законодательстве Российской Федерации понятие морского судна раскрывается в общих положениях гражданского права об объектах гражданских прав (вещах) и специальных положениях Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее - КТМ РФ), посвященных морскому судну. Некоторые международные договоры, к которым присоединилась Российская Федерация, содержат понятия судна, которые, как правило, применимы к целям договора и ограничены сферой его применения [1, с. 77]. Так, например, Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море 1972 года определяет «судно» как «все виды плавучих средств, включая неводоизмещающие суда и гидросамолеты, используемые или могущие быть использованными в качестве средств передвижения по воде» (подпункт «а» правил 3 части «А»). Международная конвенция об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 года содержит следующее определение судна: «любое морское судно и морское плавучее средство любого типа» (ст. 1).

Понятие морского судна является сложным межотраслевым понятием. Согласно нормам гражданского законодательства судно является вещью.

Морские суда могут относиться как к движимым вещам, так и к недвижимым вещам, в зависимости от своих характеристик. К недвижимым вещам относятся морские суда, подлежащие государственной регистрации (п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Соответственно, к движимым вещам относятся морские суда, которые не подлежат государственной регистрации. Вопрос о том, какие суда подлежат регистрации, решается в зависимости от технических характеристик судна и регулируется положениями КТМ РФ и подзаконных актов. Так, в соответствии с п. 1.1. ст. 33 КТМ РФ не подлежат государственной регистрации шлюпки и иные плавучие средства, которые являются принадлежностями судна, суда массой до 200 килограмм включительно и мощностью двигателей (в случае установки) до 8 киловатт включительно, а также спортивные парусные суда, длина которых не должна превышать 9 метров, которые не имеют двигателей и на которых не оборудованы места для отдыха, беспалубные несамоходные суда, длина которых не должна превышать 12 метров.

Как известно, вещи являются недвижимыми либо по своей природе (земельные участки, участки недр), либо в силу прочной связи с землей, что делает невозможным их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению¹ (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства), либо по иным причинам в силу прямого указания закона (подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания) [1, с. 433]. Таким образом, морские суда, подлежащие государственной регистрации являются так называемой «недвижимостью в силу закона» [4, с. 307]. Законодатель мог счесть целесообразным распространение правового режима недвижимых вещей на морские суда, как минимум, по трем причинам: во-первых, морские суда, подлежащие государственной регистрации, являются высокотехнологичными сооружениями, и контроль со стороны государства преследует цели безопасности, во-вторых, они обладают высокой стоимостью, вследствие чего необходим повышенный контроль над их оборотом, в-третьих, такие суда являются источниками повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), и, как следствие, существует необходимость обеспечить возможность установить судовладельца (например, в случае загрязнения водной среды).

Между тем, поскольку морские суда специально предназначены для перемещения в пространстве, их отнесение к недвижимым вещам является в значительной степени условным. К ним применяются не все правила о недвижимости, а только их часть. Так, например, регистрация прав на суда, ограничений (обременений) этих прав (ипотека и другие), их возникновения, перехода и прекращения осуществляется не в Едином государственном реестре недвижимости в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ

---

¹ Критерий невозможности перемещения без несоразмерного ущерба назначению является условным, поскольку известны случаи перемещения зданий, амбаров, мостов, разбора и переноса брусчатых зданий. С учетом постоянного развития технологий такого перемещение становится все более легкоосуществимым. Более подробно см., например, [9].

«О государственной регистрации недвижимости», как это предусмотрено п. 6 ст. 131 ГК РФ, а в особых реестрах судов в соответствии с положениями КТМ РФ, Приказом Минтранса России «Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов» от 19 мая 2017 № 191, Приказом МЧС России «Об утверждении Правил государственной регистрации маломерных судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» от 24 июня 2016 № 340. Кроме того, среди норм гражданского права, регулирующих аренду, к морским судам в большей степени применимы не правила об аренде недвижимости (§§ 4,5 гл. 34 ГК РФ), а правила об аренде транспортных средств ((§§ 3 гл. 34 ГК РФ)¹. Применимое право для права собственности и иных вещных прав на морские суда определяется по праву страны, где эти суда зарегистрированы (ст. 1207 ГК РФ), а не по праву страны, где это имущество находится, как в случае с «традиционными» недвижимыми вещами (ст. 1205 ГК РФ). Таким образом, морское судно как объект гражданских прав имеет особое регулирование, в зависимости от своих характеристик может являться либо движимой вещью, либо недвижимой вещью, к которой, однако, применяются лишь некоторые правила о недвижимых вещах, а также правила о движимых вещах и специальные правила, учитывающие отраслевую специфику.

Подход, учитывающий такую особенность правового регулирования морских судов, предложен в проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект), подготовленном рабочими группами, образованными Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, в рамках проводимой в настоящее время реформы вещного права. Так, предложенная в Проекте новая редакция ст. 130 ГК РФ, посвященной недвижимым и движимым вещам, больше не содержит специального упоминания о воздушных и морских судах и судах внутреннего плавания как о недвижимых вещах. Как указано в п. 5. ст. 130 ГК РФ в редакции, предложенной в Проекте, вещи, не относящиеся к недвижимым, являются движимыми. Правила о недвижимых вещах могут применяться к движимым вещам в случаях, предусмотренных законом. Представляется, что данный подход в большой степени соответствует фактическому правовому регулированию морских судов, учитывает специфику таких объектов гражданских прав, и воспринимает международный опыт по данному вопросу. Так, например, в английском праве судно является движимой вещью, правовое

---

¹ КТМ РФ предусмотрены специальные формы договоров, в соответствии с которыми судно передается во временное владение или пользование фрахтователю: договор фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартер) (гл. XI), договор фрахтования судна на время (тайм-чартера) (гл. X).

регулирование которой имеет определенные особенности: нет общедоступного рынка судов, применяются специальные правила о регистрации судов и прав на них [6, с. 5-6].

Между тем пока нет ясности, в каких именно случаях предполагается применять правила о недвижимых вещах к морским судам в соответствии с Проектом. Особый интерес в этой связи представляет вопрос о передаче титула на судно, поскольку в соответствии с общими положениями гражданского законодательства титул на движимую вещь переходит при ее фактической передаче (п. 1 ст. 223 ГК РФ), титул на недвижимую вещь – при регистрации перехода титула (п. 2 ст. 223 ГК РФ). Необходимость регистрации перехода титула на морское судно, а также его значение – будут ли права, их ограничения (обременения) возникать с момента внесения записи в реестр в соответствии с принятой в Российской Федерации моделью регистрационной системы, основанной на принципе внесения, имеет огромное практическое значение как для самого собственника суда, так для залогодержателей, фрахтователей, последующих покупателей судна, поскольку согласно известной правовой максиме никто не может передать больше прав, чем у него имеется¹.

В соответствии с нормами специального закона, регулирующего отношения, возникающие из торгового мореплавания (ст. 7 КТМ РФ), под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания, открытый перечень которых перечислен в ст. 2 КТМ РФ. Из данного определения можно выделить три критерия: самоходность или несамоходность, плавучесть и использование в целях торгового мореплавания. В связи с тем, что в определении используются антонимы «самоходный» и «несамоходный», что охватывает все объекты, независимо от их способности самостоятельно передвигаться, данный признак является излишним. Интерес представляет тот факт, что в некоторых зарубежных юрисдикциях самоходность имеет определяющее значение. Например, в Южной Корее несамоходные объекты (например, несамоходные баржи) не признаются судами, несмотря на большой размер [7, с.18-19]. В ст. 2 КТМ РФ цели торгового мореплавания приведены в виде открытого списка, что оправдано в связи с постоянным развитием технологий, созданием новых видов сооружений, освоением новых морских участков, и, как следствие, появлением

---

¹ Иллюстрацией может служить дело *The Vicky (aka the Gulf Trader)* (1994), рассмотренное Верховным Судом Южной Африки. В данном деле судно было в ипотеке. Поскольку к залогодателю обратились кредиторы, требования которых не были обеспечены, залогодатель решил продать судно аффилированной компании. Залогодержатель освободил судно от ипотеки для того, чтобы должник мог продать судно аффилированной компании, и затем снова получил судно в ипотеку уже от нового собственника. Между тем суд установил, что купля-продажа судна была осуществлена не в соответствии с законом Южной Африки, поскольку не было физической передачи, как того требовали положения закона о купле-продаже движимых вещей. Таким образом, новый собственник не приобрел право собственности на судно, а, следовательно, не мог передать его в залог. Согласно решению суда, новая ипотека не порождала юридических последствий, в то время как освобождение судна от ипотеки было признано действительным. В результате, кредиторы с необеспеченными требованиями смогли инициировать продажу судна и получить удовлетворение из стоимости судна, и требование залогодержателя не имело преимущества [8, с. 71-72].

новых видов деятельности, подпадающих под понятие торгового мореплавания [3, с. 73-74]. Между тем этот факт нивелирует значение такого критерия отнесения объекта к судну как использование объекта в целях торгового мореплавания. Таким образом, следует согласиться с мнением, высказанным в доктрине, о том, что единственным имеющим практическое значение критерием является плавучесть [3, с. 74]. При этом характеристика плавучести означает потенциальную возможность плавать, а не фактическое нахождение на поверхности воды. Плавающие объекты, специально для этого непредназначенные, как то снесенные в море грузы [3, с. 75] или сооружения, которые, находясь в море, жестко закреплены на морском дне (искусственные острова, нефтяные вышки) не являются судами [2, с. 92]. Дополнительно можно отметить, что использование термина «сооружение» призвано подчеркнуть, что судном является искусственно созданный человеческим трудом объект [3, с. 74]. Некоторые ученые считают, что для признания того или иного объекта судном достаточно перечисленных в ст. 7 КТМ РФ признаков [2, с. 93]. Однако в доктрине и судебной практике для определения возможности отнесения того или иного объекта к морским судам обращают внимание на иные свойственные им характеристики, как, например, конструкция объекта, наличие флага, экипажа (признак «обитаемости») [5, с. 113], мореходных качеств, минимального навигационного оборудования, названия, судовых документов, регистрации в качестве судна [2, с. 92].

Принятие во внимание дополнительных критериев отнесения объекта к морскому судну влечет за собой ряд важных последствий. Такими последствиями могут выступать, например, налоговые последствия в части возникновения транспортного налога. Так, в деле № А40-1715/15, рассмотренном Арбитражным судом г. Москвы, Общество с ограниченной ответственностью «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть» оспаривало начисление Межрегиональной инспекцией Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 1 транспортного налога, пени и штрафных санкций в отношении принадлежащей ему на праве собственности морской ледостойкой стационарной платформы. Налоговый орган указал, в том числе, что регистрация объекта в государственном судовом реестре является презумпцией квалификации его в качестве судна, и, соответственно, транспортного средства. Суд всесторонне рассмотрел вопрос о статусе платформы, в том числе учел положение п. 1 ст. 7 КТМ РФ и пришел к выводу об отсутствии у спорной платформы признаков судна, поскольку она была закреплена на месторождении на постоянной основе на морском дне. Таким образом, в данном случае суд исходил из признаков судна, приведенных в КТМ РФ, а не только из факта регистрации платформы в государственном судовом реестре. Данное решение Арбитражного суда г. Москвы поддержали суды вышестоящих инстанций.

Еще одним возможным последствием принятия во внимания такого критерия отнесения объекта к судну, как наличие регистрации в одном из реестров судов является определение применимого срока исковой давности. Такой спор был рассмотрен Арбитражным судом Архангельской области в деле № А05-9138/2017, предметом которого являлось взыскание убытков,

причиненных танкерному судну в результате аварии. В качестве причины аварии было определено нахождение на пути следования судна необозначенного на морских навигационных картах подводного препятствия (предположительно затонувшего судна). С высокой степенью вероятности было установлено, что затонувшим судном являлась сухогрузная баржа-площадка, которая была зарегистрирована в Государственном судовом реестре морского порта Архангельск и принадлежала пароходству. Пароходство возражало против удовлетворения иска и ссылалось на пропуск истцом специального срока исковой давности, аргументируя его применение тем, что регистрация в Государственном судовом реестре свидетельствовала о том, что затонувшая баржа является судном, а для требований, вытекающих из столкновения судов установлен двухгодичный срок исковой давности, который исчисляется с момента столкновения судов (п. 1 ст. 409 КТМ РФ). Истец ссылался на то, что баржа, затонув, утратила признак плавучести, а, следовательно, и статус судна и являлась затонувшим имуществом, к навалу на которое применяется общий трехгодичный срок исковой давности (ст. 411 КТМ РФ, п. 1 ст. 196 ГК РФ). Суд, оценив обстоятельства дела, поддержал позицию истца и удовлетворил иск. Суды вышестоящих инстанций, включая Верховный Суд Российской Федерации, согласились с решением Арбитражного суда Архангельской области.

В судебной практике также выявлены иные последствия принятия во внимание судом дополнительных критериев отнесения объекта к судну по сравнению с установленными в ст. 7 КТМ РФ. Так, например, ФАС Дальневосточного округа в постановлении от 22.08.2011 по делу № А59-4400/2010 поддержал решения нижестоящих судов о признании недействительной сделки купли-продажи судна, которое конструктивно погибло и фактически представляло собой металлолом, и применении последствий ее недействительности на основании ее несоответствия требованиям закона или иных правовых актов ввиду непроведения аукциона, поскольку исходил из того, что регистрация судна в реестре судов влечет за собой признание его недвижимым имуществом, несмотря на его фактическое состояние. Другим примером является установление Морской арбитражной комиссией при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в деле № 1/1998 МАК компетенции на рассмотрение спора в случае, когда военное судно было списано из боевого состава Военно-Морских Сил России, но, тем не менее, характеристик судна не утратило.

Таким образом, толкование понятия судна, как вещи, с точки зрения гражданского права и, как специального объекта, с точки зрения законодательства о торговом мореплавании имеет большое значение и влечет за собой существенные практические последствия. Между тем специфика данного объекта и как объекта гражданских прав, и как сооружения, а также постоянное развитие технологий, влекут за собой отсутствие единообразного подхода к понятию морского судна в доктрине и правоприменительной практике. Представляется, что изменения в этой сфере, предложенные в ходе проводимой реформы вещных прав, заслуживают поддержки, однако, потребуют внесения

дополнительных изменений в действующее законодательство и детальной проработки в судебной практике.

Список литературы

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) : учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. - 1280 с.
2. Международное морское право (частное и публичное) : учебник / под общ. ред. В.Н. Коваля. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2017. - 228 с.
3. Морское право : учебник / под ред. В.Ф. Сидорченко, М.В. Кротова. – СПб.: СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – 728 с.
4. Российское гражданское право : учебник: 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд. – М.: Статут, 2010. – 958 с.
5. Сидорченко В. Ф. Морские спасатели. - Санкт-Петербургский гос. ун-т. - Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. - 270 с.
6. Bowtle, Graeme. The law of ship mortgages London ; Hong Kong : LLP, 2001 XLVI. – 399 с.
7. Lee Sik, Chai. An Introduction to Korean Maritime Law. Seoul. Korean University Press, 1999. - 345 с.
8. Richard Henderson. Postgraduate Diploma in International Maritime Law. Module A – Ship Finance Law. Lloyd’ Maritime Academy, World Maritime University. - 132 с.
9. Р.С. Бевзенко. Понятие недвижимости, виды прав на недвижимость и основания приобретения и прекращения прав на недвижимость. [Видеозапись] / Юридический институт «М-Логос». Онлайн-курс «Правовой режим недвижимого имущества и сделок с ним: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные практические вопросы».

УДК 347.77

А.А. Молчанов,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
Е.В. Зайцева,
адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

A.A. Molchanov,
Doctor of law, Professor
Professor of Department of Civil law and civil procedure
of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: alexmol53@mail.ru
E.V. Zaytseva,
Postgraduate student of Department of Civil law

Соавторство при создании служебных объектов патентного права в системе МВД России

Co-authorship in the creation of work-related objects of patent law in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов соавторства при создании служебных объектов патентного права в системе МВД России. В статье анализируется понятие соавторства, а также условия распределения личных неимущественных и имущественных прав на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы, созданные в соавторстве.

Ключевые слова: соавторство, служебные объекты патентного права, исключительное право, автор, работодатель.

Abstract: The article is devoted to the study of the issues of co-authorship in the creation of work-related objects of patent law in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article analyzes the concept of co-authorship, as well as the conditions for the distribution of personal non-property and property rights to work-related inventions, utility models, industrial designs created in co-authorship.

Keywords: co-authorship, work-related objects of patent law, exclusive right, author, employer.

Система правовой охраны служебных результатов интеллектуальной деятельности постоянно совершенствуется в последнее время. При этом, особое внимание уделяется вопросам осуществления и охраны прав авторов – создателей служебных изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, и правообладателей. Между тем, служебный объект патентного права зачастую может создаваться совместным творческим трудом двух и более лиц – соавторов, чье правовое положение нередко вызывает трудности на практике и требует отдельных разъяснений, в связи с чем целью настоящей работы является исследование вопросов соавторства при создании служебных изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере законодательного регулирования осуществления и охраны прав соавторов в системе МВД России. Предметом изучения являются нормы гражданского законодательства в рассматриваемой сфере.

Участниками правоотношений, складывающихся по поводу служебных объектов патентного права в системе МВД России, в соответствии с п. 1 ст. 1370 ГК РФ, выступают авторы (соавторы) – сотрудники и работники, состоящие в трудовых или служебных отношениях с работодателем; работодатель в лице непосредственно МВД России и входящих в его систему Федеральных государственных казённых учреждений МВД России, а также наследники авторов.

Сотрудник (работник) системы МВД России, творческим трудом которого создана служебная разработка, признается ее автором. В соответствии со ст. 1347 ГК РФ, пока не доказано иное, в качестве автора служебного результата интеллектуальной деятельности понимается лицо, указанное в заявке на выдачу патента на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец. Не может быть автором сотрудник (работник), согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ, оказавший только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь, способствовавший оформлению прав или использованию результата творческого труда, а также осуществлявший контроль за выполнением соответствующих работ.

Каждому автору (соавтору) служебного объекта патентного права в системе МВД России, согласно п. 3 ст. 1370 ГК РФ и, в частности, п. 3 ст. 1228 ГК РФ, принадлежит право авторства, неотчуждаемое и не переходящее по наследству. Создание служебной разработки творческим трудом нескольких лиц предопределяет получение каждым из авторов правового статуса соавтора. Соавторство в отношении служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца в системе МВД России гарантирует одновременное возникновение права авторства у каждого из нескольких лиц на конкретную создаваемую служебную разработку[1, с. 415].

Для того, чтобы у каждого из нескольких лиц одновременно возникло право авторства на созданный ими результат интеллектуального труда, необходимо их коллективное творческое участие в создании технического или художественно-конструкторского новшества. Не имеют значения равная степень участия в процессе создания служебной разработки, а также работа в одном месте и в одно время. Совместность творческого труда может означать не только взаимодействие при непосредственном общении сотрудников, но и сотрудничество, разделенное во времени. Обязательными условиями являются непосредственное созидательное участие каждого из соавторов в создании служебного объекта патентного права, а также выраженный в объективной форме результат их творческих усилий.

В свою очередь, законодателем в п. 1 ст. 1383 ГК РФ определен особый случай признания соавторства на объекты патентного права при отсутствии совместного творческого труда. Так, если в процессе экспертизы установлено, что разными заявителями поданы заявки на идентичные изобретения, полезные модели, промышленные образцы и эти заявки имеют одну и ту же дату приоритета, патент на указанный объект права может быть выдан только по одной из таких заявок лицу, определяемому соглашением между заявителями. Все авторы, указанные в заявке, при выдаче патента признаются соавторами в отношении идентичных результатов труда в технической или художественно-конструкторской сферах.

Не может быть признано соавторством оказание простого технического содействия, организационной или материальной помощи, осуществление руководства процессом получения результата интеллектуального труда, если любой вид такой деятельности не расценивается в качестве творческой. Кроме

этого, не могут возникать отношений соавторства между автором (сотрудником, работником) и казённым учреждением МВД России при получении патента на служебный объект, так как их права четко разграничены[2, с. 475].

Соавторство в отношении служебных объектов патентного права неделимо, так как создаваемое техническое или художественно-конструкторское новшество не может быть поделено на части. Это обуславливает возможность пользования правами на такую разработку в равной степени всеми соавторами по отношению к результату творческого труда целиком. То есть после создания служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца, сотрудники (работники) системы МВД России – соавторы служебной разработки, выступая собственниками полученных ими результатов творческого труда, приобретают на них равные по объему права владения и пользования непосредственными объектами права, без определения долей.

Исключительное право и право на получение патента на служебное изобретение, служебную полезную модель и служебный промышленный образец, созданные в соавторстве, по правилам п. 3 ст. 1288 ГК РФ, первоначально принадлежат соавторам, однако в силу п. 3 ст. 1370 ГК РФ, по закону переходят работодателю – казённому учреждению МВД России, при условии, что иное не предусмотрено в трудовом или гражданско-правовом договоре между казённым учреждением МВД России и сотрудниками (работниками).

Исключительное право и право на получение патента могут возвратиться к соавторам в случае бездействия работодателя в отношении определения юридической судьбы служебной разработки – если после осуществления возложенной на сотрудников (работников) обязанности по уведомлению работодателя о создании служебного объекта патентного права работодатель в течение четырёх месяцев не подаст заявку на выдачу патента, не передаст право на получение патента другому лицу, не сообщит работнику о сохранении информации о созданном изобретении, полезной модели, промышленном образце в тайне (абз. 2 п. 4 ст. 1370 ГК РФ).

Если исключительное право по правилам абз. 3 п. 4 ст. 1370 ГК РФ возвратилось соавторам служебной разработки, исключительные права на такой результат, в силу п. 4 ст. 1228 ГК РФ, принадлежат соавторам совместно. Кроме этого, взаимоотношения между соавторами регламентируются п. 2 ст. 1348 ГК РФ таким образом, что каждый из них в таком случае вправе использовать результат совместного творческого труда по своему усмотрению.

На отношения соавторов – сотрудников (работников) системы МВД России, связанные с распоряжением исключительным правом и с распределением доходов от использования изобретения, полезной модели, промышленного образца, созданных в соавторстве, распространяет свое действие общее правило, установленное п. 3 ст. 1229 ГК РФ, посвященное случаям совместной принадлежности нескольким лицам исключительного права на результат интеллектуальной деятельности. В таком случае распоряжение исключительным правом на служебный объект патентного права,

созданный сотрудниками системы МВД России в соавторстве, осуществляется правообладателями совместно.

Получение казённым учреждением МВД России патента на служебную разработку и возникновение в связи с этим удостоверенного патентом исключительного права на нее, опосредует возникновение права соавторов на вознаграждение, которое также возникает, в силу абз. 3 п. 4 ст. 1370 ГК РФ, когда работодатель примет решение о сохранении информации о служебном объекте патентного права в тайне и сообщит об этом сотрудникам (работникам), либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него обстоятельствам. Вознаграждение, на которое в таком случае имеют право соавторы, по своей правовой природе не является заработной платой[3, с. 66].

Сотрудники системы МВД России, создавая объект патентного права в связи с выполнением трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя в соавторстве могут заключить соглашение в устной или письменной форме. Однако наличие соглашения не является обязательным для установления отношений соавторства по поводу служебных изобретений, служебных полезных моделей, служебных промышленных образцов[4, с. 225]. В то же время, заключение соглашения между сотрудниками-соавторами гарантирует соблюдение права каждого из них и позволит регулировать многие спорные вопросы.

Взаимоотношения соавторов, которым исключительное право принадлежит совместно также зависят от заключенного между ними соглашения. Поэтому соглашением может быть установлен иной порядок распоряжения исключительным правом на указанные разработки. Также, если соглашением не предусмотрено иное, доходы от совместного использования служебного объекта патентного права, созданного в соавторстве, либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат интеллектуальной деятельности распределяются между всеми правообладателями в равных долях. В соглашении между правообладателями, кроме этого, может быть установлен размер и порядок распределения вознаграждения, а также иной порядок осуществления принадлежащего им исключительного права на служебный объект. В то же время, распоряжение правом на получение патента на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец осуществляется соавторами совместно. Несмотря на совместность распоряжения исключительным правом, меры по защите своих прав на служебный результат творческого труда каждый из соавторов все же вправе принимать самостоятельно.

В случае, если исключительное право на служебную разработку по правилам абз. 2 п. 4 ст. 1370 ГК РФ возвратилось к соавторам, оно также может перейти к наследникам правообладателей с правом осуществления всех полномочий, входящих в состав исключительного права в том объеме, в котором они принадлежали авторам-наследодателям[4, с. 229]. Исключительное право переходит по наследству на оставшуюся часть срока его действия,

продолжительность которого установлена ч. 1 ст. 1363 ГК РФ для изобретений – 20 лет, для полезных моделей – 10 лет, для промышленных образцов – 5 лет.

Федеральный закон РФ от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ дополнил п. 4 ст. 1370 ГК РФ положением о том, что к наследникам на оставшийся срок действия исключительного права на служебную разработку также переходят и права авторов-наследодателей на вознаграждение.

Таким образом, соавторы служебных изобретений, полезных моделей, промышленных образцов выступают самостоятельными участниками патентно-правовых отношений, чье правовое положение имеет свои особенности, которые необходимо учитывать для эффективной охраны прав всех соавторов. При этом, соавторство при создании служебных разработок в системе МВД России можно определить как права нескольких сотрудников (работников) на созданное ими совместным творческим трудом служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец, вне зависимости от степени участия каждого из соавторов в создании результата интеллектуального труда.

Список литературы

1. Молчанов А.А. Гражданское право (общая и особенная части): курс лекций. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – 488 с.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. Москва: Проспект, 2016. – 912 с.

3. Молчанов А.А., Афанасьева Е.С. Исключительное право казённых учреждений на служебные произведения в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (67). С. 64 – 67.

4. Гражданское право: учебник в 3 томах. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. – 752 с.

УДК 342.722

Ю.Н. Моцная,
Юридический институт
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Email: yuliya.mocnaya@icloud.com

J.N. Motsnaya,
The Law Institute of Sevastopol State University
Email: yuliya.mocnaya@icloud.com

**Принцип равенства мужчины и женщины при использовании методов
вспомогательных репродуктивных технологий**

The principle of equality between men and women when using methods of assisted reproductive technologies

Аннотация: В статье проведен анализ действующего федерального законодательства, закрепляющего репродуктивные права человека и конституционного принципа равенства мужчины и женщины. Рассмотрены разные позиции, относительно надления одинокого мужчины правом на вспомогательные репродуктивные технологии, а так же выделены пробелы правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, равенство мужчины и женщины, гендерное равноправие, суррогатное материнство, репродуктивные возможности человека.

Abstract: The article analyzes the current federal legislation that enshrines human reproductive rights, as well as the constitutional principle of equality between men and women. Different positions are considered regarding the granting of a single man the right to assisted reproductive technologies, and gaps in legal regulation in this area are highlighted.

Key words: assisted reproductive technologies, equality of men and women, gender equality, surrogate motherhood, human reproductive capabilities.

Вопросы гендерного равноправия занимают особое место в социальных проблемах современного общества. В соответствии с частью 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации[1] и общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Таким образом, сущность принципа заключается в том, что женщины и мужчины являются независимыми (свободными) и равными субъектами, обладают равной автономией воли в реализации своих прав и законных интересов.

Однако в связи со спецификой некоторых областей данное равенство не всегда проявляется на практике. Так наиболее уязвимыми для дискриминации являются трудовые и семейные правоотношения, где ущемление прав проявляется в сторону слабого пола. Говоря о репродуктивных правах данное равенство, все чаще нарушается в сторону мужчин. Примером тому может служить положение статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья населения Российской Федерации»[2], где одинокий мужчина лишается права на рождение ребенка при помощи вспомогательных репродуктивных технологий, что нарушает принцип гендерного равенства, сформулированный в международных правовых актах и в ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

В пункте третьем данной статьи четко определены субъекты, которые имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ):

- супруги;
- мужчина и женщина, не состоящие в браке;
- одинокая женщина [3].

Вместе с тем норма, устанавливающая право на применение методов ВРТ мужчины и женщины, не состоящих в браке, не может быть реализована без внесения соответствующих изменений в Семейный кодекс РФ[4]. В настоящее

время Семейный кодекс РФ (п. 4 ст. 51 и п. 3 ст. 52 СК РФ) связывает возможность применения ВРТ только с лицами, состоящими в браке, что по-прежнему создает неопределенность в правовом статусе субъектов при данном виде медицинского вмешательства. Часть 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ содержит положения, согласно которым лица, состоящие в браке и давшие свое согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений. При буквальном толковании данной статьи можно сделать вывод о том, что какие-либо правомочия и обязательства по отношению к рожденному ребенку есть только у лиц, состоящих в браке. Так, согласно ч. 3 ст. 52 СК РФ только супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства[5]. Таким образом, мужчине чтобы воспользоваться методами вспомогательной репродукции нужно обязательно вступить в брак.

Следует отметить, что в нашей стране круг субъектов, имеющих доступ к ВРТ достаточно широк по сравнению с зарубежными странами. Так, к примеру, во Франции только супруги разных полов или же мужчина и женщина в доказанном двухлетнем совместном сожительстве могут стать субъектами ВРТ, одинокие женщина или мужчина не могут воспользоваться данной возможностью согласно Закону «О биоэтике»[6]. А в Германии и Нидерландах доступ к данным технологиям предоставлен вовсе только супружеским гетеросексуальным парам[7].

Ключевым остается вопрос о возможности применения ВРТ для одинокого мужчины. На сегодняшний день, мнения специалистов разделились. Одни считают, что мужчина должен стать независимым субъектом во вспомогательной репродукции, другие поддерживают действующее законодательство и против наделения мужчин данной автономией. Представляется актуальным рассмотреть мнения сторон.

Итак, одни считают, что мужчина, не состоящий в браке, должен иметь возможность реализовать свое репродуктивное право наравне с женщиной и закон не должен чинить препятствий для реализации их права на создание семьи и свободного доступа к медицине.

Первый аргумент, основан на нарушении конституционного принципа равенства мужчины и женщины и свободного доступа к медицине, закреплённых в статьях 19 и 41 Конституции РФ.

Второй же, наделяет возможностью воспользоваться своими репродуктивными правами отдельные группы населения. Например, если женщина проходит лучевую терапию, больна онкологическим заболеванием, она может при жизни сохранить свои ооциты. В свою очередь супруг, предоставив свой генетический материал, мог бы воспользоваться программой "Суррогатное материнство" и в результате воспитывать своего собственного ребенка.

Правда, к таким ситуациям не готово действующее семейное законодательство, так как возникла бы сложность установления происхождения родившегося ребенка.

Между тем имеют место судебные споры о признании незаконным отказа органов загса в государственной регистрации рождения детей с указанием в качестве отца одинокого мужчины, не состоящего в браке, заключившего договор суррогатного материнства, а также об оспаривании отказа в предоставлении услуги по суррогатному материнству одинокому мужчине, не состоящему в браке. Практика судов, удовлетворивших требования одиноких мужчин о регистрации их в качестве отцов детей, рожденных от суррогатных матерей, а также о понуждении к предоставлению услуги по суррогатному материнству, мотивированная ссылкой на нарушение принципа гендерного равенства, не поддерживается Верховным Судом Российской Федерации[8].

Однако, признавая мужчину в качестве полноправного субъекта правоотношений в этой сфере, мы встаем перед сложнейшей проблемой этического характера - допустимостью применения к мужчинам такого метода ВРТ, как суррогатное материнство. Теоретически данный метод позволит любому мужчине, не вступая в интимные отношения с женщиной, используя донорскую яйцеклетку, иметь генетически своего ребенка.

Сторонники установленной на сегодняшний день в законе нормы, категорично не согласны с данной возможностью, основываясь в первую очередь на то, что данное новшество законодателя поспособствует появлению множества этических вопросов связанных с посмертной репродукцией или же допуска гомосексуальных пар к ВРТ,

Ключевой аргумент против поправок в закон, базируется в первую очередь на главной цели ВРТ - лечения естественных репродуктивных способностей человека или же бесплодия, а никак не создания альтернативы рождения детей, как это принято сейчас считать. Таким образом, методы ВРТ могут применяться только для лиц, способных биологически создать ребенка, то есть для одиноких женщин (так как репродуктивная функция женщины является решающей в продолжение человеческого рода) или гетеросексуальных пар.

Опираясь на вышесказанное, можно прийти к выводу, что в вопросах репродукции невозможно достичь полного равенства в правовом статусе мужчины и женщины, что достаточно обосновано в связи с разными биологически заложенными возможностями обоих полов. И для решения подобных вопросов следует в первую очередь обращаться к главной цели ВРТ—восстановлению человеку его репродуктивных способностей, а не расширение его репродуктивных возможностей. И хоть наука и вправду развивается стремительней закона, последний должен рационально подходить к правовому регулированию подобных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 августа. № 31.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2011. 28 ноября. №48
3. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (постатейный) (Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А., Савина Л.В., Соколова Н.А., Хлистун Ю.В.)
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 1996 г. 1 января. № 1.
5. Павлова Ю. В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. - 2013. - № 6 (52).
6. Law on Bioethics, “LOI no. 2011-814 du 7 juillet 2011 relative à la bioéthique,” <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000024323102&fastPos=2&fastReqId=823265692&categorieLien=cid&oldAction=rechTexte>
7. Darryl R. J. Macer Infertility and assisted reproductive technologies (ART)// Ethics and assisted human reproduction Journal – pp.136-145 URL:<https://www.eubios.info/Papers/EART.htm>
8. Вавилычева Т. Тенденции развития российской судебной практики по вопросам прав человека в области биомедицины // "Прецеденты Европейского суда по правам человека", 2017, N 9.

УДК 347.2/.3

Е.В. Некрасова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

E.V. Nekrasova,
Candidate of Legal Sciences (PhD), associate professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: elvnekrasova@yandex.ru

**Реализация способов защиты прав на недвижимое имущество:
проблемы правоприменительной практики**

**Some problems of implementing methods of protecting rights on real estate
in the context of law enforcement practice**

Аннотация. Статья посвящена таким способам защиты вещных прав на недвижимое имущество, как исключение из Единого государственного реестра

недвижимости сведений о кадастровом учете объекта, границах или правообладателе и иску о признании права или обременения отсутствующим. Исследуется возможная сфера применения указанных способов защиты, их правовая природа и место в системе способов защиты гражданских прав. Следует заметить, что неопределенность в указанной сфере, на практике, приводит к трудностям избрания надлежащего способа защиты. В статье анализируются соответствующие правоприменительные акты судебных инстанций и научные подходы к решению указанных вопросов.

Ключевые слова: *иск о признании права или обременения отсутствующим, vindикационный иск, негативный иск, недвижимое имущество.*

Abstract. The article is devoted to such methods of protecting property rights to real estate, such as the exclusion from the Unified State Register of Real Estate information on cadastral registration of an object, its borders and a claim for recognition of a right or encumbrance as absent. The possible scope of these methods of protection, their legal nature and place in the system of methods of protecting civil rights are investigated. It should be noted that the uncertainty in this area, in practice, leads to difficulties in choosing the appropriate method of protection. The article analyzes the relevant acts of the courts and scientific approaches to solving these issues.

Key words: *claim on recognition of the right or encumbrance as absent, vindication claim, negatory claim, real estate.*

Отношения собственности занимают центральное место в системе гражданского оборота и представляют собой основу функционирования рыночной экономики современного государства. Стабильность экономических отношений во многом зависит от наличия действенного механизма защиты субъективных вещных прав, в случае их нарушения.

Особое место в структуре объектов гражданских прав занимает недвижимое имущество. С учетом особенностей правового статуса недвижимых вещей, система способов защиты прав на них имеет отличительные особенности. Для защиты вещных прав, в том числе прав на недвижимое имущество, применяются способы защиты предусмотренные ст. 12 ГК РФ и предусмотренные гл. 20 ГК РФ «Защита права собственности и других вещных прав». Кроме этого, посредством судебного правотворчества, появились альтернативные способы защиты права собственности на недвижимое имущество, не предусмотренные действующим законодательством. Таким образом, сформирован такой способ защиты права, как исключение из Единого государственного реестра недвижимости сведений о кадастровом учете объекта, границах или правообладателе и иск о признании права или обременения отсутствующим. Однако, отсутствие установленного законом порядка применения указанных механизмов защиты, служит причиной возникновения проблем и трудностей в процессе правоприменения.

С появлением в Российской Федерации системы кадастрового учета объектов недвижимости и государственной регистрации вещных прав, в правоприменительной практике, получил распространение такой механизм защиты нарушенных прав, как исключение сведений из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). В судебной практике встречаются различные формулировки исковых требований, направленных на корректировку реестра прав и различные походы к основаниям применения указанного механизма защиты. Рассматривая вопросы, связанные с

исключением из ЕГРН сведений необходимо разграничивать категории сведений, которые подлежат исключению. В частности, могут быть исключены: сведения об объекте недвижимости и аннулировании кадастрового номера объекта если объект прекратил свое существование в натуре, исключение сведений о координатах границ земельного участка или объекта капитального строительства в случае внесения в реестр некорректных сведений. Вследствие возникновения спора о местоположении границ земельного участка, нередко возникают ситуации, при которых изменение сведений, содержащихся в ЕГРН сопряжено с необходимостью исправления кадастровой ошибки. Таким образом, исключение сведений из ЕГРН об объекте недвижимости не обязательно связано с его гибелью или иным прекращением права собственности на него. Так, в Решении Дмитровского городского суда от 21 марта 2017 г. по делу № 2-951/2017 указано: истица просила признать недействительными и исключить из ЕГРН сведения о местоположении границ принадлежащего ей на праве собственности земельного участка. В обоснование своих требований истица ссылается на то обстоятельство, что в ходе межевания принадлежащего ей земельного участка выяснилось, что его границы неверно отмежеваны, в результате чего данные ЕГРН об описании местоположения его границ не соответствуют его фактическим границам, что нарушает законные права истца как собственника. Поскольку защитить нарушенное право истца иным способом не представляется возможным, суд полагает правильным иск удовлетворить, признать недействительными и исключить из ЕГРН сведения об описании местоположения границ - координатах характерных точек границ земельного участка. Удовлетворяя заявленные истцом требования, суд считает необходимым отметить, что исключение из состава сведений ЕГРН записей об описании местоположения границ земельного участка не влечет за собой прекращение его права собственности на указанный земельный участок [7].

Интересным является иск о признании отсутствующим права на объект недвижимого имущества, который является единственным способом защиты права, в случае регистрации в Едином государственном реестре недвижимости права на объект за лицом, не обладающим таковым правом. Возникновение подобных споров обусловлено, прежде всего, допущением ошибок при проведении первичного государственного кадастрового учета объектов. Так, фактически, один и тот же объект недвижимости может быть дважды поставлен на кадастровый учет под разными кадастровыми номерами или разными литерами. Соответственно, ввиду приведенных выше обстоятельств, возникает ситуация, когда в Единый государственный реестр недвижимости внесены сведения о двух самостоятельных объектах недвижимости, право на каждый из которых может быть зарегистрировано, хотя это один и тот же объект недвижимости. Следует заметить, что признание права отсутствующим является эффективным инструментом устранения неопределенности в отношении правообладателя недвижимого имущества и широко используется в судебной практике для защиты и восстановления нарушенных прав. Интерес представляет то, когда возможно применять данный способ защиты прав.

В п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что в случаях, когда запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП) нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими [6]. То есть, сфера реализации исследуемого правового способа защиты характеризует его специфику и определяется методом исключения. Требовать признания права или обременения отсутствующим можно в том случае, если другие способы защиты исчерпаны. Получается, что в указанном аспекте, изучаемый способ защиты носит, по своей сути, восполнительный характер – он восполняет существующий в законе пробел и применяется при невозможности использовать иные, формально установленные способы [4, с. 140]. Согласно пункту 58 Постановления Пленума № 10/22 правом на обращение в суд с иском о признании права обладает лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, то есть владеющий собственник. Следует заметить, что Постановлением Пленума № 10/22 ограничена сфера применения названного иска строго перечисленными ситуациями, когда: а) право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами; б) право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество; в) ипотека или иное обременение прекратились [5, с. 146]. Однако, имеются исключения, которые можно обнаружить в судебной практике:

- иск о признании отсутствующим зарегистрированного права собственности на объект, который не обладает признаками недвижимого имущества, вправе заявить арендатор земельного участка, которому участок предоставлен его собственником для строительства объекта недвижимости, а также в исключительных случаях лица, законные права которых нарушены юридическим фактом регистрации права собственности иного лица на спорный объект (*Определение ВС РФ от 25.05.2017 по делу № 308-ЭС16-20201*);

- иск о признании отсутствующим зарегистрированного обременения в виде договора аренды земельного участка вправе заявить арендатор такого земельного участка в отношении другого арендатора, если такое обременение зарегистрировано незаконно (*Постановление АС ВСО от 23.09.2015 по делу № А33-23905/2014*);

• виндикационный иск либо иск о признании права собственности заявить невозможно, и при этом собственник не владеет имуществом (Постановление ФАС СКО от 01.04.2014 по делу № А32-14032/2013) [10].

Относительно места исков о признании отсутствующим права на объект недвижимости в системе способов защиты гражданских прав в юридической доктрине и правоприменительной практике сформировалось несколько подходов. Первый подход сводится к тому, что иск о признании права отсутствующим является разновидностью иска о признании права и является одним из вариантов закрепленного в ст. 12 ГК РФ универсального способа защиты - признания права [9, с. 10]. Безусловно, указанная позиция заслуживает внимания, поскольку сущность исков о признании права на объект и признании права отсутствующим своей целью имеет констатацию судом определенных правовых обстоятельств – наличие или отсутствие права на объект. Вместе с этим, имеется иная точка зрения, согласно которой иск о признании права или обременения отсутствующим представляет собой разновидность негаторного иска [8, с. 84; 4, с. 142]. Следует заметить, что эту точку зрения поддерживает большинство ученых и ее придерживается судебная практика [3; 1]. Третья точка зрения, что данный иск является самостоятельным способом защиты права, не предусмотренным положениями статьи 12 ГК РФ [2, с. 12]. Недостатком такого подхода является то, что российское гражданское законодательство имеет перечень способов защиты, предусмотренный ст. 12 ГК РФ, который ограничен способами защиты, предусмотренными законом, но иск о признании права или обременения отсутствующим в законодательстве РФ не назван, как отдельный способ защиты, на сегодняшний день и, соответственно, не может рассматриваться как самостоятельный способ защиты до внесения соответствующих изменений в законодательство.

Таким образом, несмотря на то, что иск о признании права или обременения отсутствующим не включен в систему способов защиты гражданских прав, установленных статьей 12 ГК РФ, указанный способ защиты представляет собой самостоятельную составляющую в обеспечительном элементе всей правовой модели системы оборота недвижимости. Признание права или обременения отсутствующим является эффективным инструментом устранения неопределенности в отношении правообладателя недвижимого имущества и широко используется в судебной практике для защиты и восстановления нарушенных прав и интересов.

Однако, ввиду отсутствия четкой законодательной регламентации вопросов, связанных с применением указанного механизма защиты и неоднозначности судебной практики, ряд практически значимых аспектов остается неурегулированным. Таким образом, необходимо четко определить правовую природу, сферу применения и условия удовлетворения иска о признании права или обременения отсутствующим.

Список литературы

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=143244&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7706819385094712#01144552907581804>.
2. Микрюков В. А. Признание обременения отсутствующим - самостоятельный способ защиты гражданских прав? // Хозяйство и право. - 2012. - № 11. - С. 8-13.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/.
4. Петрушкин В.А. Иск о признании права (обременения) отсутствующим в системе способов защиты прав на недвижимость // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. - 2013. - Т. 155. - Кн. 4. - С. 137-144.
5. Попов И.В. О сфере применения иска и условиях удовлетворения требования о признании права или обременения отсутствующим // Сибирское юридическое обозрение. - 2019. - Том 16. - № 2. - С. 146. С. 141-148.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. - 2010. - № 109.
7. Решение от 21 марта 2017 г. по делу № 2-951/2017 Дмитровский городской суд. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V1aRmOWbAWV5/>.
8. Усачева К.А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе (часть вторая) // Вестник гражданского права. - 2013. - Т. 13. - № 6. - С. 84-189.
9. Файзрахманов К.Р. Признание вещного права отсутствующим как правовое средство : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Файзрахманов Карим Рафисович. - Казань, 2016. - 29 с.
10. Харитонов И. Иск о признании права отсутствующим (не надо так). URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/20/isk_o_priznanii_prava_otsutstvuyuschim_ne_nado_tak.

УДК 349.1

Ф.К. Ногайлева,
ассистент кафедры трудового и социального права,
Санкт-Петербургский государственный университет
М.А. Ботдаев,
кадастровый инженер, юрист,
СРО «Кадастровые инженеры Юга»

F.K. Nogaylieva,
lecturer at the Department of Social and Employment Law,
Saint-Petersburg State University
f.nogaylieva@spbu.ru
M.A. Botdaev,

**Толкование ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ
в контексте правового регулирования трудовых отношений**

**Interpretation the Constitution of the Russian Federation (part 2 of Art. 67.1)
in the context of employment relations regulation**

Аннотация: Поправки в Конституцию РФ в 2020 году внесли в повестку правовой науки доктринальное толкование новых положений. Одна из формулировок (о вере в Бога) оценивается многими не только как политический идеал, но и как реальная программа действий. В статье предложено доктринальное (функциональное и языковое) толкование ч. 2 ст. 67.1 и определена степень влияния новой нормы на трудовые отношения с верующими работниками (данная проблема является предметом иных научных изысканий авторов).

Ключевые слова: толкование Конституции, вера в бога, свобода совести, свобода вероисповедания, светское государство, секуляризм, постсекулярное общество, баланс конституционных ценностей, верующий работник.

Abstract: Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 introduced the doctrinal interpretation of the new provisions to the agenda of legal science. One of the provisions (about faith in God) is regarded not only as a political ideal, but also as a real program of action. The article gives the doctrinal (functional and linguistic) interpretation and determines the influence of the part 2 of Art. 67.1 on labor relations with religious employees (this problem is the subject of the authors' other scientific researches).

Keywords: interpretation of the Constitution, belief in God, freedom of conscience, freedom of religion, secular state, secularism, postsecular society, balance of constitutional values, religious employee.

«Что же касается случаев, которые обыкновенно правоведами изъясняются, то они состоят или в истолковании слов, или в отличении правильного от неправильного» Марк Фабий Квинтилиан

В большинстве доктринальных источников определение толкования права строится из двух элементов: 1) процесс толкования как логическая операция по уяснению и разъяснению смысла правовых норм; 2) цель толкования – практическая применимость правовых норм, направленность на обеспечение возможностей правореализации [8, с. 295; 17, с. 440; 9, с. 491; 19, с. 5]. Наиболее емким представляется ставшее классическим определение толкования, данное С. С. Алексеевым: деятельность по установлению содержания акта для его практической реализации [2, с. 290].

В российской правовой системе особую сложность представляет собой толкование положений Конституции РФ, которая не содержит специальных указаний на этот счет. Тем не менее, с опорой на текст Основного закона учеными выводятся некоторые принципы толкования: 1) признание прав и свобод человека высшей ценностью; 2) толкование положений с учетом исторической матрицы; 3) необходимость учета конкуренции равновеликих

конституционных ценностей [6, с. 222-225]. Конституционный Суд РФ как единственный орган, осуществляющий официальное толкование Основного закона (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ), в определении от 5 ноября 1998 г. № 134-О «По делу о толковании ст. 81 (ч. 3) и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации» указал, что цель судебного толкования заключается в устранении неопределенности в понимании конституционных положений и обеспечении надлежащего их соблюдения, применения и исполнения.

Поправки в Конституцию РФ, принятые на референдуме и вступившие в силу в 2020 году, ознаменовали собой преобразование ряда правовых институтов; их правовое значение и место в системе российского права еще предстоит устанавливать в законотворческой и правоприменительной практиках, осмысливать в правовой доктрине.

Одной из поправок, вызвавших широкую народную дискуссию, стала ч. 2 ст. 67.1 Основного закона, согласно которой Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

Свое *доктринальное толкование* этой нормы полагаем правильным начать с оговорки о том, что Конституция как объект толкования не однородна, она является политическим и юридическим документом, содержащим не только правовые, но и социально-экономические, политические категории [18, с. 13]. Отдельного исследования, безусловно, заслуживает вопрос о том, что тогда оказывается первично: судебное ли толкование Конституции РФ порождает конституционную политику или социально-политическая обстановка в стране влияет на результат толкования. Тем не менее, сейчас, на этапе уяснения и осознания новых резонансных норм, критически важным для любого вида толкования является учет именно социально-политического контекста общественной жизни.

С рассмотрения социально-политического контекста начнем и мы *функциональную составляющую* (толкование с учетом факторов и условий, в которых функционирует, реализуется толкуемая норма) нашего доктринального толкования.

Социальный контекст весьма однозначно свидетельствует о росте религиозности населения России и увеличении роли религии во всех сферах жизни человека. Стабильно увеличивается численность тех, кто считает себя верующими или скорее «религиозными людьми»: за три года (с 2015 по 2017) эта цифра увеличилась с 35 до 53%; одновременно наблюдается резкое сокращение числа атеистов и неверующих – с 26 до 13% [7].

По результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в июле 2015 г., за минувшую четверть века доля тех, кто признает, что вера поддерживает их в определенных ситуациях, выросла более чем в 2 раза: с 23% до 55%; четверть всех опрошенных (26%) признает, что религия помогает им в жизни постоянно (с 5% в 1990 г.) Число верующих, исповедующих православие, возросло с 33% до 79%, ислам, – с 3% до 7%.

Главным аналитическим выводом исследования стало утверждение о том, что религия, утрачивая свои институциональные позиции, все больше становясь делом частного уклада и повседневного внимания каждого человека [5].

Политический контекст. С введением в Конституцию РФ ч. 2 ст. 67.1 проявилась с новой силой естественная, органическая для современного светского государства правовая коллизия между ценностями секуляризма и свободой вероисповедания и усилились сопутствующие политические споры.

В правовой науке *дихотомия противоборствующих позиций* о включении формулировки о вере в Бога в Конституцию РФ такова.

Первая позиция констатирует наступивший *дисбаланс между конституционными ценностями* светского государства и свободы вероисповедания и свободы совести. Упоминание Бога в Основном законе и отнесение всех граждан к числу верующих нарушает ст. 14, 19 и 28 Конституции РФ: формулировка создает презумпцию того, что каждый гражданин России верит (или должен верить) в Бога, и свою очередь, способна поставить граждан в неравное положение в зависимости от наличия этой веры [13, с. 108]. Отмечается также несовместимость формулировки с республиканским механизмом легитимации властных институтов [1, с. 20].

Вторая позиция кардинально противоположна первой. По мнению авторов, поправка в ч. 2 ст. 67.1 свидетельствует о *сложившемся в России постсекулярном обществе*, которое продолжает быть светским, но стремится к учету социальных функций религии и признаёт значимость религиозных институтов [3, с. 34]; способна послужить более эффективному правовому регулированию религиозных прав и свобод и упорядочению государственно-конфессиональных отношений [14, с. 23].

Ряд исследователей оценили формулировку о вере в Бога как восстановление исторической справедливости: благодаря ей установлен базовый мировоззренческий ориентир, который был когда-то утрачен и которого стране не хватало [16, с. 13]; благодаря ней будет нейтрализован сохранившийся в ст. 28 Конституции РФ атеизм советского прошлого и будет исправлено искаженное представление о светском государстве через признаки права вне всякой связи с нравственностью [15, с. 34-35]. Отдельные авторы, в целом положительно оценивая нововведение, утверждают, что более естественным явилось бы расположение положений из ч. 2 ст. 67.1 в преамбуле Конституции РФ [4, с. 339].

Мы склонны разделять первую позицию, руководствуясь правилами *языкового толкования*. Если при буквальном толковании нормы ч. 2 ст. 67.1 исключить из нее причастный и деепричастный обороты, то остается фраза «Российская Федерация признает исторически сложившееся государственное единство». *Цели такого признания*, сделанного именно в Основном законе, – укрепление национального самосознания, а через него, суверенитета и федерализма; введение идеи единства в качестве константы государственной политики на многие годы вперед; воспрепятствование развитию любых центробежных сил в целостном государстве. Однако *средства для достижения этих целей*, на наш взгляд, предусмотрены именно в упомянутых причастном и

деепричастном оборотах: сохранение памяти предков о тысячелетней истории, переданных нам идеалах и вере в Бога, обеспечение преемственности в развитии Российского государства.

Суммируя вышесказанное, приходим к выводу, что содержание ч. 2 ст. 67.1 не устанавливает новых основ светскости или религиозности государства, не принуждает граждан к вере в Бога и, тем более, не расставляет приоритеты между религиями, а формирует концепцию определенной государственной политики (цель), определяя при этом ее опорные точки (средства).

К сходным выводам пришел Конституционный Суд РФ в своем Заключении «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» от 16 марта 2020 г.:

«Включение в текст Конституции РФ указания на веру в Бога не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в РФ, не ставит граждан в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности и призвано лишь *подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики* той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» (курсив мой – Ф.Н.)

Итак, нами установлены социальный контекст (рост религиозности граждан) и политический контекст (государственное единство) дальнейшего толкования ч. 2 ст. 67.1 применительно к конкретным правоотношениям. Конституция является актом прямого действия, поэтому, на наш взгляд, пробелы в правовом регулировании любых правоотношений могут и должны устраняться путем обращения к тексту Конституции РФ.

Характеризуя состояние трудовых правоотношений в последние годы, необходимо выделить усиление договорных начал и индивидуализацию условий труда (попутно отметим, что вынужденность широчайшего применения с марта 2020 года дистанционного труда в связи с пандемией еще больше проявила и вывела на новый уровень индивидуализацию).

Неоднозначным основанием для индивидуализации трудовых правоотношений, которое уже набрало обороты в Европе (множество решений Европейского суда по правам человека и Суда Евросоюза) и США (сотни решений Верховного суда) и начинает проявляться в России, являются особенные *потребности работников, соблюдающих религиозные нормы*.

В опубликованных исследованиях одного из авторов этой статьи излагается концепция правового регулирования труда таких работников и дается развернутая характеристика понятий «религиозные нормы», «работник, соблюдающий религиозные нормы» [10; 11; 12]. Здесь же отметим для краткости, что под соблюдением религиозных норм нами понимается

следование предписаниям вероучения, содержащимся в религиозных нормах. Соблюдение не тождественно вероисповеданию, поскольку является более узким понятием. Вероисповедание представляет собой принадлежность к какой-либо религии или конфессии и не всегда предполагает соблюдение его последователем религиозных норм.

Работник, соблюдающий религиозные нормы, в трудовых правоотношениях может испытывать потребности в изменении или изначальном установлении для него индивидуальных условий труда или особенностей выполнения им своих трудовых обязанностей. Например, работница-мусульманка желает носить платок на работе; повар-иудей просит исключить из круга его обязанностей обработку свинины и другого мяса, не соответствующего правилам кашрута; врач акушер-гинеколог, исповедующий христианство, по религиозным мотивам не желает участвовать в оказании медицинских услуг по прерыванию беременности; работница-буддистка просит предоставить ей отпуск вне утвержденного графика для совершения паломничества и т.д.

Учет особенных потребностей работников как субъектов трудового права осуществлен на федеральном уровне в разделе XII Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников»: здесь содержатся нормы-дополнения, нормы-исключения, нормы-предоставления, урегулировавшие труд женщин и лиц с семейными обязанностями; несовершеннолетних работников и т.д.

Вероисповедание и соблюдение религиозных норм работником не является достаточным и объективным основанием для того, чтобы сходным образом закрепить особенности труда таких работников в ТК РФ. К тому же, такое закрепление, во-первых, создаст почву для дискриминации других работников; во-вторых, не осуществимо на практике в силу невозможности установить исчерпывающий перечень потребностей работников и корреспондирующих обязанностей работодателя по изменению условий труда (этому препятствуют многообразие религий и верований, разнородность требований религиозных норм, а также особенности личной интерпретации работником содержания этих норм).

Вместе с тем, определенные решения по учету религиозных потребностей работников в России существуют, например, установление Рождества в качестве выходного дня уравновешено наделением в ст. 4 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» субъектам РФ предоставлено полномочие объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях по просьбе религиозных организаций. Это полномочие реализуется преимущественно в субъектах, в которых значительная часть населения исповедует иные религии, помимо православия (республики Татарстан, Крым, Калмыкия, республики Северного Кавказа и другие).

Разумеется, это лишь одно проявление учета религиозных потребностей верующих работников, и, пожалуй, единственное возможное на федеральном уровне. Далее возникает вопрос, чем руководствоваться таким работникам при

необходимости удовлетворить иные потребности (внешний вид, выполнение молитв и т.д.) Выше мы упоминали о тенденции усиления договорного регулирования, которое в полной мере способно решить проблему индивидуализации условий труда. Но только в том случае, если работодатель, имеющий для этого возможности (мы не рассматриваем случаи опасных, непрерывных производств и ситуации, в которых изменить условия труда невозможно в силу объективных причин), желает пойти навстречу работнику, осознавая важность религии в его жизни и влияние удовлетворенности работника на эффективность труда.

Нередки случаи, когда работодатель не желает договариваться с работником или вовсе объявляет на своем предприятии политику религиозной нейтральности. Работнику ничего не остается, как доказывать факт его косвенной дискриминации на основании религии: нейтральные и общие для всех правила внутреннего распорядка работодателя ставят верующего работника в неблагоприятное положение по сравнению с другими работниками. Известно, что правоприменительные решения о признании прямой или косвенной дискриминации работников в России практически не выносятся.

Социальным последствием такой осторожности судов и иных уполномоченных органов и вытекающей из нее невозможности защитить интересы верующих работников может стать эксклюзия из рыночно-трудовых отношений, уход в теневую самозанятость, эмиграция в другие государства. Авторы склонны усматривать в таких последствиях проявления угрозы государственному единству, о политике которого идет речь в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ. До принятия этой нормы работники в спорах с работодателем могли апеллировать к ст. 28 Конституции РФ, но попадать при этом в круг противоречий и спора о балансе между ст. 28 о свободе вероисповедания и ст. 14 о светском государстве.

Принятие ч. 2 ст. 67 Конституции РФ, не умаляющей конституционной ценности, заложенной в ст. 14, ознаменовало собой переход к новому балансу светского-религиозного в государстве: «светское» не есть атеистическое, «светское» означает уважительное ко всем религиозным и нерелигиозным убеждениям. Норма ч. 2 ст. 67.1 имеет потенциал как прямого действия (при ссылке работником на нее как на основание своих требований), так и косвенного, мировоззренческого, изменяющего сознание и внутреннюю политику работодателей в отношении верующих работников.

Список литературы

1. Акопян А.В. Народ – «Бог» республики» (о целесообразности включения понятия «Бог» в Конституцию Российской Федерации) // Научный электронный журнал Меридиан. - 2020. - № 7. - С. 18-20.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х томах. Т. II. - М.: Юрид. лит., 1982. - 360 с.
3. Астапов С.Н. Бога – в Конституцию: о специфике постсекулярного общества в России // Религия и общество – 14. Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. -

Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2020. - С. 32-34.

4. Бадалов А.О. Проблема закрепления Бога в Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы современного законодательства. Сборник статей участников V Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Былинкиной, С.В. Дубовиченко, О.В. Садовской. - М.: МФЮА, 2020. - С. 335-340.

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 2888. Религия: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (дата обращения: 13.06.2017).

6. Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. - М.: Инфра-М, 2013. - 320 с.

7. Кочергина Е. Религиозность: исследование АНО «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2017/07/18/religioznost/> (дата обращения: 5.01.2018).

8. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. В 2-х томах. Т. II. - М.: Проспект, 2007. - 756 с.

9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. - 552 с.

10. Ногайлиева Ф.К. Равенство непохожих: защита свободы вероисповедания работников в США // Юридические исследования. - 2019. - № 3. - С. 39-45.

11. Ногайлиева Ф.К. Религиозные нормы как регулятор трудовых отношений // Право и политика. - 2018. - № 8. - С. 68-80.

12. Ногайлиева Ф.К. Содержание трудового правоотношения с работником, соблюдающим религиозные нормы // Юридическая наука. 2018. - № 5. - С. 44-48.

13. Носкова К. Поправка в Конституцию об указании веры в Бога как косвенный отказ от светского государства // Научные исследования молодых ученых. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. - Пенза, 2020. - С. 106-108.

14. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения Церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. - 2020. - № 5. - С. 23-37.

15. Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 8. - С. 32-42.

16. Пряхин В.Ф. О Боге, о душе, коронавирусе и конституции. Философские заметки политолога // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. - 2020. - Т. 9. - № 1. - С. 13-21.

17. Теория государства и права. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. - 672 с.

18. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д. ю. н. 12.00.02. М., 1997. - 369 с.

19. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. - М.: Юрид. лит., 1979. - 168 с.

УДК 340.115

В.В. Онищенко,
Старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права
Юридического факультета
Таврической академии

(структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Симферополь

V. V. Onishchenko,
Senior Lecturer,
Department of Civil and Labor Law,
Faculty of Law, Taurida Academy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol
e-mail: vikion@bk.ru

К вопросу поиска методов подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства

On the search for methods approaches to the study of the legal content of the provisions of civil legislation

Аннотация. В статье проводится некоторый анализ подходов к исследованию и выявлению юридического содержания положений гражданского законодательства. Установлено, что преобладающий подход не может быть назван методологическим, поскольку он основан на интуиции и не предполагает использования какого-либо методологического инструментария. Этот подход господствует в практике применения положений гражданского законодательства в России.

Ключевые слова: правотолкование, положения законодательства; юридическое содержание законодательства; текстуально закрепленные правовые нормы; логически закрепленные правовые нормы.

Abstract. The article provides some analysis of approaches to the study and identification of the legal content of the provisions of civil legislation. It is established that the prevailing approach cannot be called methodological, since it is based on intuition and does not involve the use of any methodological tools. This approach dominates in the practice of applying the provisions of civil legislation in Russia.

Keywords: legal interpretation, provisions of legislation; legal content of legislation; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms.

Методологический инструментарий необходим для познания юридического содержания положений законодательства, в том числе и гражданского, а также для реального владения умениями и навыками для выявления этого содержания.

Попытки осуществления поиска методов подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства производились неоднократно.

К проблеме методологических подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства в разной мере детально обращались Р.ф. Иеринг, В.А. Белов, В.Г. Ротань, О.Е. Сонин, Ю.В. Черткова и другие ученые.

В настоящей статье осуществлена попытка постановки проблемы методологических подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства. В настоящее время существует два методологических подхода к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства. Но есть еще и третий подход к познанию этого объекта. Но третий подход нельзя назвать методологическим, поскольку он не предполагает использования каких-либо методов вообще. Более того, он отрицает использование каких-либо методологических инструментов, а потому и не может быть назван методологическим.

Ф.К.ф. Савиньи исследовал действовавшее в Германии вплоть до конца девятнадцатого века римское гражданское право. Ф.К.ф. Савиньи признает теорию толкования, то есть науку о методах познания юридического содержания положений актов гражданского законодательства, «недостаточной и хотя эта недостаточность является случайной (так сложилось), но даже наилучшим образом разработанная теория толкования не может быть признана имеющей ценность, ибо толкование – это искусство, которое, как и любое другое «невозможно передать или приобрести через правила» [1, с.389]. Ф.К.ф. Савиньи отрицает какие-либо методологические подходы к познанию юридического содержания положений гражданского законодательства.

Еще один классик мировой цивилистической науки - Г.Ф. Пухта, характеризовал юридическую герменевтику, то есть науку, исследующую методологические инструменты познания юридического содержания положений актов законодательства, как «весьма поверхностную, бесполезную, не проникающую в суть дела дисциплину». Ей он противопоставлял «юридический такт и разум», полагая, что «внешние правила полезны только слабым головам» [цит. по: 2, с. 57].

С Г.Ф. Пухтой в дискуссию вступать трудно. Так утвердился иррациональный, интуитивный подход к правотолкованию. Он утвердился и в континентальной Европе, и в Германии, которая, по свидетельству современных исследователей, склонна искать содержание права исключительно в пределах законодательства. Интуитивная юриспруденция прочно утвердилась и в России. Параллельно с этим в науке, законодательстве и, само собой разумеется, в судебной практике утверждается идея судебного правотворчества.

Но параллельно с этим осуществляются попытки рационального осмысления юридического содержания положений законодательства. Одну из таких попыток предпринял В.А. Белов путем использования в качестве методологического средства (инструмента) понятия рефлекса объективного права (рефлексивного действия права, рефлексивных правовых норм) [4, с. 326]. В своих научных поисках В.А. Белов опирается на ранее разработанные научные положения, в которых проявилось его стремление «свести к одной правильной точке зрения ряд загадочных до сих пор почти не исследованных или неправильно понятых явлений и раскрыть их для юридического понимания» [5, с. 563].

В работах В.А. Белова понятием рефлекса объективного права охватывается и та проблематика, которая охватывает выявление юридического содержания положений актов гражданского законодательства и которую нет никакой необходимости включать в понятие рефлекса объективного права или смежных с ним понятий. Может быть, дело даже не в отсутствии указанной необходимости, а в том, что использование в таком случае понятия рефлекса объективного права не служит цели познания соответствующей правовой реальности, а уводит в сторону от этой цели (возможно, даже в противоположную).

Покажем это на примере п.1 ст. 426 ГК («публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.)»).

Раскрывая содержание рефлексивного эффекта, заложенного положением абзаца первого п.1 ст. 426 ГК, В.А. Белов пишет: «Логическое преобразование данной нормы дает нам следующие выводы: 1) коммерческая организация должна заключать договоры об осуществлении ею публичной деятельности со всяким обратившимся; 2) всякий и каждый может исходить из того (полагаться или рассчитывать на то), что ни одна коммерческая организация, занимающаяся публичной деятельностью, не откажет ему в заключении договора на осуществление ею такой деятельности. Возможно ли в такого рода высказываниях заменить слово «должна» словом «обязана» (в смысле «несет юридическую обязанность»), а слова «может исходить из того» - словом «вправе требовать» (имеет субъективное право)? Ответ на первый вопрос столь же спорен, сколь однозначен и несомненен ответ на вопрос второй, - ни в коем случае! Ни о каком «субъективном праве всякого и каждого требовать заключения публичного договора» не может быть и речи. Перед нами – еще одна категория юридических возможностей, образовавшихся в результате рефлексивного действия права (норм ст. 426 ГК)» [4, с. 326-327].

Вместо рациональной обработки нормативного текста с использованием при этом надлежащего методологического инструментария, В.А. Белов усмотрел в приведенном выше законодательном положении рефлексивное действие права, а юридическое содержание положения абзаца первого п.1 ст. 426 ГК раскрыл сугубо интуитивно и, как представляется, - неправильно.

О применении норм права «по аналогии и по противоположности» В.А. Белов пишет и при анализе вопроса подбора норм – предписаний» [4, с. 215-217] при характеристике рефлексивных правовых форм [4, с. 325-326]. Однако, применение правовых норм «по противоположности» он выводит за пределы «рефлексивных правовых норм», хотя как раз результат, полученный путем использования вывода от противоположного (a contrario) в наибольшей мере

подпадал бы под формулировку «обратное действие права», отождествляемую В.А. Беловым с формулировкой «рефлексивное действие права».

Избежав в последнем случае расширения содержания понятия рефлексивного (обратного) воздействия права, В.А. Белов расширяет это содержание за счет правовых явлений, которые находятся в сфере действия п. 1 ст. 426 ГК. Положение абзаца первого п.1 ст. 426 ГК сформулировано громоздко, его формулировка очень уж далека от формулировок, которые напоминают суждения имплицативного типа. Поэтому оно в особенности нуждается в рациональной обработке с помощью надлежащего методологического инструментария.

В.А. Белов не стремится использовать при интерпретации п.1 ст. 426 ГК методологический инструментарий, к которому в данном случае относятся понятия правовой нормы, гипотезы и диспозиции. Он «логически преобразовывает» положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК, а далее интуитивно и произвольно делает вывод о том, что «должно» еще не означает «обязано», а «может рассчитывать» на заключение договора не означает предоставление субъективного права на заключение договора [4, с. 326-327]. Между тем, безотносительно к содержанию п. 1 ст. 426 ГК «должен» всегда означает «обязан». Другое дело, что положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК не обязывают заключать публичные договоры и не предоставляют права на заключение публичных договоров. Обязанность заключать публичные договоры текстуально закреплена в положении абзаца первого п.3 ст. 426 ГК: формулировка, запрещающая отказываться от заключения договора, в результате ее грамматического преобразования может интерпретироваться как обязанность совершить положительные действия – заключить договор.

П.3 ст. 426 ГК может быть согласован с п.1 той же статьи одним из двух таких способов. Первый: обязанность осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему правовому явлению, интерпретируется как обязанность заключить договор. Второй: обязанность заключать публичные договоры интерпретируется как обязанность осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого.

После такого согласования обнаружен порочный логический круг. Положение абзаца первого п. 1 ст. 426 ГК указывает на наличие обязанности осуществлять соответствующую деятельность (и заключить договор) в отношении каждого как на признак публичного договора, что предполагает наличие положения, обязывающего или осуществлять соответствующую деятельность в отношении каждого или заключать договоры с каждым обратившимся. А п. 3 ст. 426 ГК предусматривает обязанность осуществлять деятельность и заключать договоры в случаях, когда договор является публичным. Получается, что п.1 ст. 426 ГК отсылает к п. 3 той же статьи, а п. 3 ст. 426 ГК отсылает обратно к п.1 той же статьи.

Полагаем, необходимо установление правовой нормы, диспозиция которой устанавливала бы обязанность осуществлять деятельность (заключать договоры) в отношении каждого, а гипотеза определяла бы сферу, в которой эта

диспозиция действует. Но такая правовая норма не устанавливается. Есть правовые нормы, которые распространяются на отдельные сферы имущественных отношений. Так, п. 1 ст. 12 Закона «О защите прав потребителей» возлагает на продавца (исполнителя) обязанность возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. В этом законодательном положении логически закреплена правовая норма, обязывающая соответствующих лиц заключать договоры с потребителями. Подпункт 5 п.1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» запрещает экономически или технологически необоснованный отказ либо уклонение от заключения договора.

Поэтому ст. 426 ГК нуждается в дополнении положением, которое устанавливало бы обязанность лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, заключать договоры и определяло бы сферы, где эта обязанность действует.

Изложенное дает основание для вывода о том, что неприемлемым является как сугубо интуитивное выявление юридического содержания положений гражданского законодательства, так и использование для этого ненадлежащих средств, которые в научной литературе преподносятся как методологические инструменты, но на самом деле не способны выполнять методологическую функцию.

Список литературы

1. Савиньи Ф.К.ф. Система современного римского права. Том I. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
2. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
3. Иеринг Р. ф. Избранные произведения в 2 т. Т II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с.
4. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. - 521 с.
5. Иеринг Р. ф. Избранные труды. В 2 т. Т.I. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

УДК 347.1

Е.А Остапова
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Севастопольский государственный университет»
ostapov-a@mail.ru

E.A. Ostapova
postgraduate student of the Department of Civil Law and
Procedure Law Institute of the Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University»
ostapov-a@mail.ru

О перспективах внедрения в гражданское право России понятия распорядительных сделок

On the prospects of the introduction the concept of administrative transactions into the civil law of Russia

Аннотация: В последнее время в науке гражданского права России высказывается мнение о необходимости разделения сделок на обязательственные и распорядительные, квалифицируя в качестве последних действия сторон по исполнению договора. Однако, действующее гражданское законодательство не дает общих оснований для признания действий сторон по исполнению договора сделками.

Ключевые слова: сделки, распорядительные сделки, цессия, исполнение договора.

Abstract: Recently, in the science of civil law in Russia, an opinion has been expressed about the need to divide transactions into obligatory and administrative ones, qualifying the latter as actions of the parties to execute the contract. However, the current civil legislation does not provide general grounds for recognizing the actions of the parties to execute the contract as transactions.

Keywords: transactions, administrative transactions, cession, performance of the contract.

Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В последнее время ряд ученых высказывает мнение о необходимости разделения сделок на обязательственные и распорядительные. Такое мнение учитывает опыт Австрии, Германии, Эстонии и Швейцарии. Так, В.В. Ровный высказал мнение о том, что для отрицания принципа разделения при классификации сделок в российском праве нет оснований, поскольку такое разделение не вступает в противоречие с действующим законом. Когда привычная конструкция сделки с обязательственным эффектом не справляется с объяснением некоторых гражданско-правовых ситуаций, на помощь приходит конструкция сделки-распоряжения [1, с. 58-68].

Пояняя широкому кругу читателей, что такое «распорядительная сделка», А.Г. Карапетов пишет: «Речь идет о тех случаях исполнения договорного обязательства, когда должник во исполнение своих обязательств по договору переносит на кредитора вещные или иные имущественные права (права собственности на вещь, право требования к должнику, права на акции или доли участия в ООО и др.)» [2]. При этом автор приводит ряд частных примеров из законов и судебной практики.

Так, К.И. Скловский обосновывает иную позицию, согласно которой, если иметь в виду, что сделка - всегда действие, а действия по передаче права не бывает, то приходится признать, что и распорядительная сделка (в том числе и вещный договор) - фиктивная конструкция, связь которой с реальностью проявляется лишь в том, что она так или иначе прибавляется, конечно условно, к какому-либо факту. Однако, нигде закон не допускал вариант присвоения одной сделке вида двойной сделки, каждая из которых порождает свои последствия [3, с.54].

Сторонники идеи распорядительных сделок не только игнорируют фундаментальное положение статьи 223 ГК, но даже вопреки этому законодательному положению утверждают, что должник «переносит» на кредитора вещные или иные имущественные права. Законодатель говорит о том, что у приобретателя вещи по договору право на нее «возникает» с момента ее передачи (статья 223 ГК). В дополнение к этому законодатель определяет в статье 224 ГК понятие передачи. Следовательно, сама по себе передача вещи лицу, которое может быть квалифицировано как приобретатель по договору (независимо от каких-либо других юридических фактов, в том числе и от воли отчуждателя), влечет возникновение у приобретателя права собственности на переданную вещь. А ученые пишут о том, что должник соответствующее право «переносит», совершая при этом распорядительную сделку, которая направлена на непосредственное распоряжение им своими правами на имущество путем переноса их на кредитора. «Переносить», конечно, можно и бессознательно. Человек, например, может быть переносчиком болезней, микробов и вирусов. Но в гражданских отношениях человек действует, как правило, сознательно и по своей воле. То есть «переносить право» означает выражать волю на такой «перенос», а термин «возникает» совершенно не предполагает выражение должником воли на возникновение у приобретателя прав. И термин «возникает» уже давно утвердился в российском законодательстве. Во всяком случае он употреблялся в статье 135 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года. Так что гражданское законодательство не давало и не дает никаких оснований квалифицировать действия, направленные на исполнение обязательства, как сделки.

Можно, конечно, писать научные труды, размышляя о том, каким должно быть законодательство, какие правовые конструкции целесообразно было закрепить в нем. Но все-таки перед этим следует не только констатировать наличие соответствующих научных разработок, но и изложить то понимание соответствующей правовой конструкции, которое вытекает из действующего законодательства. Но нет традиции проявлять внимание к букве закона. Так и появился термин «распорядительные сделки», употребляемый в том значении, которое придается ему сегодня в научной литературе.

Еще в работе, опубликованной в 1926 году, М.М. Агарков обратил внимание на такие юридические факты, которые являются правомерными действиями, порождают или прекращают правоотношения, но не являются сделками, поскольку они не содержат в себе волеизъявления, направленные на достижение юридических последствий [4, с. 134-135]. Позднее М.М. Агарков

обозначил такие юридические факты как юридические поступки [5, с. 352]. О.А. Красавчиков вполне обоснованно значительно расширил содержание понятия юридических поступков, включил в содержание этого понятия, в частности, «исполнение должником лежащей на нем по обязательству имущественной (а в определенных случаях и неимущественной) обязанности» [6, с. 213]. В постсоветское время эти идеи поддержал и развил М.И. Брагинский [7, с. 360-361].

Однако, еще в 1970 году О.С. Иоффе пытался ввести в научный оборот понятие вспомогательных сделок, которое он определил как «односторонние сделки, совершаемые на основе уже существующего правоотношения – в целях его конкретизации, изменения или прекращения, в частности путем исполнения» [8, с. 256].

Л.Г. Ефимова поддержала идею односторонних сделок, совершенных в порядке исполнения договора [9, с. 104-105]. Но она специализируется на проблемах банковского права и имеет в виду, прежде всего, исполнение обязательства, основанного на договоре банковского счета. Особенность этого договора заключается в том, что его исполнение предполагает выражение воли владельцем счета на списание денежных средств со счета и на перечисление их соответствующим получателям. Владелец счета выражает также волю на выдачу ему наличных денежных средств, которые до этого учитывались на счете как безналичные. Указанные волеизъявления должника есть не что иное, как сделки, в связи с чем договор банковского счета приобретает в соответствующей части характер рамочного. Но рамочные договоры – это лишь эпизод в совокупности правовых форм гражданского оборота, а передача имущества во исполнение гражданско-правовых договоров и обязательств и возникновение в этой связи у приобретателей права собственности на это имущество – это основной массив гражданского оборота. Поэтому распространять схему юридических фактов и правоотношений, складывающихся между сторонами договора банковского счета, на весь гражданский оборот, было бы неоправданно.

В развитие общей идеи о переносе отчуждателем права собственности на вещи и прав на другие блага при их передаче во исполнение договора (обязательства) сторонники идеи распорядительных сделок ссылаются также на конкретные положения законодательства и судебную практику их применения. Здесь будет предпринята попытка опровергнуть доводы о том, что уступка права предполагает волеизъявление сторон на заключение договора и отдельное волеизъявление на осуществление уступки, то есть совершение распорядительной сделки во исполнение указанного договора.

В пунктах 1 и 2 статьи 389.1 ГК дважды говорится о договоре между cedentом и цессионарием, «на основании которого производится уступка». В этой связи В.В. Байбак пишет: «Пункт 1 комментируемой статьи закрепляет важнейший для гражданского права принцип разделения сделок на обязательственные и распорядительные, разграничивая соглашение об уступке требования (обязательственная сделка) и саму уступку (распорядительная сделка)» [10, с. 593]. Но для того, чтобы утверждать, что в пункте 1 статьи 389.1

ГК закрепляется не просто правовая норма, а «важнейший для гражданского права принцип», надо было выявить характер соотношения между пунктами 1 и 2 статьи 389.1 ГК, который, на наш взгляд, является таковым. В пункте 1 статьи 389.1 ГК текстуально закрепляется общая правовая норма, в соответствии с которой цедент и цессионарий имеют права и несут обязанности, предусмотренные Гражданским кодексом и договором между ними. Эта правовая норма является общей, поскольку из текста и контекста пункта 1 статьи 389.1 ГК четко видно, что она распространяется на все отношения, которые могут возникнуть между цедентом и цессионарием по поводу уступки требования. Еще одна общая правовая норма, текстуально закрепленная в пункте 1 статьи 389.1 ГК, обнаруживается при толковании путем грамматического преобразования словосочетания «договором между ними, на основании которого производится уступка». Эта правовая норма может быть сформулирована таким образом: «Права и обязанности, в юридической форме которых производится уступка требования, возникают на основании договора (при условии, что заключен договор)». Иными словами, в соответствии с пунктом 1 статьи 389.1 ГК сначала возникает юридический факт (заключение договора), а потом возникают права и обязанности, в процессе реализации и исполнения которых производится уступка требования.

В пункте 2 статьи 389.1 ГК («требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, если законом или договором не предусмотрено иное») текстуально закреплены две специальные (по отношению к указанным выше общим нормам) правовые нормы: 1) обычно (если законом или договором не предусмотрено иное) требование переходит к цессионарию в момент заключения договора; 2) в случаях, предусмотренных законом или договором, требование переходит в другой момент (очевидно, в момент, определенный соответствующим законом или договором). Эти две правовые нормы являются специальными, поскольку сфера их действия сужена по сравнению со сферой действия второй из названных выше двух общих норм правовой нормы, которая текстуально закреплена в пункте 1 статьи 389.1 ГК и которая распространяется на все отношения по поводу уступки требования. Указанные две специальные правовые нормы исключают применение в сфере их действия общей правовой нормы, которая установлена пунктом 1 статьи 389.1 ГК и в соответствии с которой права и обязанности у цедента и цессионария возникают, если между сторонами заключен договор. Точнее, формулу «если сторонами заключен договор» можно было бы принять, но при условии, что она не будет толковаться так, что есть разрыв во времени между заключением договора и переходом права требования к цессионарию, поскольку момент заключения договора является и моментом перехода требования.

Таким образом, как правило (если иное не предусмотрено законом или договором), требование от цедента к цессионарию переходит в момент заключения договора. Для такого перехода нет необходимости в указании в договоре на переход прав в момент заключения договора: раз договор подписан, то он в соответствии с общим правилом пункта 1 статьи 432 ГК

считается заключенным (в соответствии со статьей 163 ГК он считается заключенным с момента его нотариального удостоверения, а в соответствии со статьей 164 ГК – с момента его государственной регистрации). Требование же переходит к цессионарию в момент заключения договора (пункт 2 статьи 389.1 ГК). Это не делает договор уступки права требования реальным, а лишь означает, что для перехода требования от cedenta к цессионарию, по общему правилу, не требуется никакого другого юридического факта (кроме заключения договора). Поэтому пять вариантов перехода уступаемого требования, о которых пишет В.В. Байбак [10, с. 595], относятся к оговорке «если законом или договором не предусмотрено иное», установленной пунктом 2 статьи 389.1 ГК (варианты второй-шестой), а первый вариант («стороны могут выразить волеизъявление на немедленное распоряжение непосредственно в договоре об уступке, и тогда момент заключения договора и момент перехода прав совпадают» [10, с. 595] не соответствует содержанию пункта 2 статьи 389.1 ГК: указанные два момента совпадают не тогда, когда стороны «выразили волеизъявление», а всегда в силу пункта 2 статьи 389.1 ГК, при условии заключения договора.

Вторая специальная правовая норма, текстуально непрямо закрепленная в пункте 2 статьи 389.1 ГК, предусматривает, что в случаях, установленных законом или договором, требование переходит к цессионарию в момент, установленный соответствующим законом или договором (а не в момент заключения договора). Но при этом в пункте 2 статьи 389.1 ГК не содержится какого-либо указания на необходимость совершения распорядительной сделки в случаях, подпадающих под оговорку «если законом или договором не предусмотрено иное». Это означает, что переход требования происходит в момент наступления любого юридического факта, предусмотренного законом или договором. Могут ли среди таких юридических фактов находиться действия сторон договора, предполагающие волеизъявление? Это не исключено, но в таком случае договор об уступке требования приобретает характер предварительного (статья 429 ГК) или рамочного (статья 429.1 ГК). А правовые конструкции предварительного договора, рамочного договора в соответствии с действующим законодательством не предполагают использования правовой конструкции распорядительной сделки, а имеют в виду совершение обычных обязательственных сделок.

Что касается разделения договора об уступке требования и самой уступки, предусмотренного пунктом 1 статьи 389.1 ГК, то соответствующая общая правовая норма не может применяться, поскольку она противоречит специальным правовым нормам, установленным пунктом 2 статьи 389.1 ГК.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», в пункте 5 изложена правовая позиция, согласно которой: «по общему правилу, требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, например договора продажи имущественного права (пункт 2 статьи 389.1 ГК РФ). Однако законом или

таким договором может быть установлен более поздний момент перехода требования. Стороны вправе установить, что переход требования произойдет по истечении определенного срока или при наступлении согласованного сторонами отлагательного условия. Например, стороны договора продажи имущественного права вправе установить, что право переходит к покупателю после его полной оплаты без необходимости иных соглашений об этом (пункт 4 статьи 454, статья 491 ГК РФ). В договоре, на основании которого производится уступка, может быть также предусмотрено, что требование перейдет в момент совершения отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку (отдельного двустороннего документа о переходе требования). Если cedent уклоняется от подписания такого документа, исполнивший свои обязанности цессионарий вправе требовать перевода права на себя (статья 12 ГК РФ)».

По нашему мнению, согласно изложенной позиции допускается возможность заключения «отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку», поскольку в силу статьи 421 ГК стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. В то же время в качестве правовых последствий уклонения cedent от подписания такого соглашения (отдельного двустороннего документа о переходе требования), наступают последствия принудительного характера, и ни о какой свободной воле передающего лица речь не идет, а только о его обязанности совершить действия во исполнение договора.

Поскольку, в случае заключения договора уступки права требования цессионарий уже имеет право требовать перевода прав на себя, независимо от воли cedent, а только в зависимости от наступления определенного срока, наступления или не наступления определенных событий, основания для определения действий сторон по передаче прав как самостоятельной сделки, отсутствуют.

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что внедрение в гражданское право России понятия распорядительной сделки, как сделки, направленной на распоряжение правами и существующей наряду со сделкой, являющейся основанием для возникновения прав и обязанностей, не оправданно.

Имеющиеся правовые механизмы, способы защиты права в большинстве случаев позволяют обойтись без разграничения сделок на обязательственные и распорядительные, а тем более без придания последним абстрактного характера.

Список литературы

1. Ровный В.В. Принцип разделения. Распоряжения в обязательственных сделках. // Сибирский юридический вестник// № 1(80) 2018. - 58-68 с.
2. Карапетов А.Г. Распорядительная сделка и ее абстрактность: "за" и "против" // https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditelnaya_sdelka_i_ee_abstraktnost_za_i_protiv.

3. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности (4-е издание, дополненное) // URL: <http://www.consultant.ru/> с. 54.
4. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1./ М.М. Агарков. М.: «Центр ЮрИнфоР», 2002. - 134-135 с.
5. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2./ М.М. Агарков. М.: «Центр ЮрИнфоР», 2002. - 352 с.
6. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. – 213 с.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. - 360-361 с.
8. Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юридическая литература, 1970. – 256 с.
9. Ефимова Л.Г. Банковское право. Учебное и практическое пособие. М.: Изд-во "БЕК", 1994. – 104-105 с.
10. Байбак В.В. Комментарий к статье 389.1 ГК РФ / В.В. Байбак // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: Статут, 2017. – 593, 595 с.

УДК 347

Н.В.Петров,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»

И.В. Петрова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета АНО ВО
«Северо-Кавказский социальный институт»

N.V. Petrov,
Candidate of Law, Associate Professor,
North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol
e-mail: petrov_sksi@mail.ru

I.V. Petrova,
Candidate of Law, Associate Professor,
North Caucasian Social Institute, Russia, Stavropol
e-mail: petrova_sksi@mail.ru

Толкование права и судебное правотворчество: соотношение понятий

Interpretation of law and judicial law-making: correlation of concepts

Аннотация: В статье осуществлен анализ характера детерминации категорий толкования права в современной России, исследована специфика официального толкования и правотворчества. Предложено авторское понимание перспектив повышения эффективности интерпретационного процесса.

Ключевые слова: толкование права, судебное усмотрение, правотворчество, правовая норма, материальное право, процессуальное право.

Abstract: The article analyzes the nature of determination of categories of interpretation of law in modern Russia, examines the specifics of official interpretation and law - making. The author's understanding of the prospects for improving the efficiency of the interpretation process is proposed.

Keywords: interpretation of law, judicial discretion, law-making, legal norm, substantive law, procedural law.

Целью исследования выступило изучение соотношения понятий судебного толкования и правотворчества, а также роли и места судебных актов в толковании права. Кроме того, целью научной статьи является выявление социальных истоков и причин возникновения толкования права; анализ основных аргументов, используемых в научных дискуссиях по данному вопросу; выяснение соотношения правотворчества с толкованием; определение нормативно установленных целей и принципов судебного правотворчества; уточнение круга субъектов этой деятельности и др.

Объектом исследования служит процесс толкования материальных правовых норм и формы такой интерпретационной деятельности, а также выявление отличий от смежных правовых категорий в системе правотворчества.

Предметом исследования выступают научные представления об оценочных категориях в отечественной науке. Рассмотрены основные этапы и достижения в развитии научного дискурса в данной сфере, обозначены и оценены наиболее значимые работы ученых, внесших значимый вклад в исследование данного правового феномена. Авторами выделены основные тенденции в исследовании оценочно-понятийной проблематики на современном этапе.

Методы исследования: общенаучные (анализ, в том числе системный, а также синтез, индукция, дедукция и др.), а также частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический, юридико-лингвистический и др.).

Выводы. Вполне очевидно, что официальное толкование права и правотворчество строятся по сходным моделям: обнаружение несовершенства правовой системы, оценка существующего положения, выработка решения, его официальное оформление в виде общеобязательного юридического документа. Только при описании толкования акцент в основном делается на познавательной составляющей, в то время как суть правотворческой деятельности видится обычно в принятии властного решения, а подготовительная интеллектуальная деятельность остается несколько «в тени». Что касается результата деятельности, то в обоих случаях он выражается в

создании официального документа, обладающего обязательной юридической силой. Разумеется, актом официального толкования не могут вноситься изменения и дополнения в интерпретируемый закон или иной источник права – это противоречило бы самой природе толкования права. Однако, скорее всего, интерпретационный акт будет нести в себе новое юридическое содержание. Как предполагается, происходит лишь уточнение исходного смысла толкуемой правовой нормы, однако это не отменяет того обстоятельства, что акт толкования права содержит в себе такие положения, которые не были предусмотрены в изначальном тексте закона.

Толкование права (интерпретация), как известно, представляет собой особую интеллектуально-волевою деятельность, направленную на установление точного смысла правовых предписаний. Объектом интерпретационной деятельности выступает текст закона, подзаконного нормативно-правового акта, договора или иного источника права. Предмет толкования (т.е. то, что надлежит выявить в результате познавательных операций) – это подлинный смысл, заложенный в нормативном тексте. Судебное правотворчество, без сомнения, представляет собой правовой феномен «пограничного» характера; это означает, что оно развивается на пересечении различных сфер юридической деятельности, является результатом их взаимодействия, сочетает в себе отдельные признаки других явлений правовой жизни общества. Наиболее близкие связи, по всей видимости, существуют у судебного правотворчества с такими явлениями, как толкование права и судебное усмотрение.

Впрочем, относительно того, какой именно смысл правового предписания должен обнаруживаться в процессе толкования, не существует единой теоретической позиции. Дело в том, что выражение «истинный смысл» страдает некоторой неопределенностью и не дает толкователю четкого ориентира – к какой именно цели стремиться и как оценивать полученный результат с точки зрения истинности. Первый подход сводится к тому, что при толковании права необходимо выявить волю законодателя. Таково, в частности, мнение Н.М. Коркунова: «если случайно выражения закона окажутся шире действительной воли законодателя, законом должно считать только то, что составляло действительную волю законодателя. Ошибка или неправильность языка не может служить источником права. Поэтому, ближайшим образом, задачу толкования законов составляет изъяснение воли законодателя, насколько оно выразилось в законодательном акте» [1, с. 149]. Аналогично решал эту проблему Е.В. Васьковский: «задача толкования норм может быть определена наиболее точным образом так: толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель» [2, с. 30]. Второй подход основан на том обстоятельстве, что фактически текст источника права может не совпадать с намерениями его создателя; воля законодателя и непосредственный смысл закона могут расходиться. В соответствии с этой точкой зрения, толкованию подлежит не тот смысл, который законодатель хотел или планировал вложить в издаваемый им документ, а то содержание, которое действительно в нем присутствует. Так,

Н.Н. Вопленко указывает: «Не намерения и мотивы законодателя, оставшиеся за пределами созданного им нормативного акта, а государственная воля, содержащая в себе меру и объем свободы, официально выраженной и объективно закрепленной в письменной форме, – является объектом познания и интерпретации» [3, с. 14]. Другие авторы обращают внимание на то, что сама идея установления воли законодателя может оказаться неосуществимой хотя бы потому, что сам законодатель (как в случае с представительным органом) в действительности не является каким-то единым лицом, а представляет собой нечто собирательное, коллектив людей, чьи замыслы могут быть совершенно различными: ««Автор текста – весь коллегиальный орган, а не только проголосовавшие за него действующие члены; но коллегиальный уполномоченный орган не может иметь замысла, ибо он не является психическим субъектом. Замысел отдельно взятых членов тоже не подлежит установлению. Например, в парламенте не все проголосовавшие за принятие текста выразили свое мнение в ходе дебатов, а те, кто высказался, могли скрыть свой истинный замысел. Даже если они высказывались искренно, их намерения могли быть неоднозначными и даже противоречивыми» [4, с. 9-10]. Таким образом, «истинным смыслом» права следует считать не исходную волю законодателя, а тот смысл, который вытекает из текста интерпретируемого документа с учетом всех обстоятельств.

Так или иначе, при всех разногласиях в отношении предмета толкования, остается неизменным то, что в основе этого процесса лежит определенный текст, с которым прodelываются познавательные операции, именуемые приемами толкования: анализ значения отдельных слов и языковых конструкций (грамматическое, или филологическое толкование), применение формально-логических процедур (логическое толкование), сопоставление фрагментов текста между собой, постановка их в социальный и юридический контекст (историко-политическое и систематическое толкование) и т.п. Кроме того, практически общепринятым является представление, согласно которому процесс толкования права включает в себя две стороны: уяснение, то есть внутреннюю интеллектуальную работу, которая ведет к пониманию смысла текста самим интерпретатором; и разъяснение, то есть доведение выявленного смысла до сведения других лиц. Таким образом, толкование права – это деятельность двуединая, имеющая внутренний и внешний аспекты.

Специфика судебного толкования такова, что оно не является самостоятельным видом деятельности, а вписано в процесс правоприменения и подчинено ему. Это вполне очевидно, если речь идет о толковании, осуществляемом в рамках судопроизводства по конкретному единичному делу, когда суд изучает норму права, подлежащую применению, с тем чтобы правильно определить ее смысл, и это толкование впоследствии получает свое отражение в судебном решении или приговоре. Но даже если толкование права производится судом отдельно от разрешения конкретного дела (например, в режиме разъяснений, даваемых высшими судебными органами), оно также находится в контексте правоприменительной деятельности. Задача судебного толкования – устранить неясности, пробелы, противоречия и другие

препятствия, мешающие судам применять нормы права. Поскольку суды являются государственными органами, обладают реальными властными полномочиями, а издаваемые ими постановления имеют обязательную силу, то судебное толкование права, безусловно, носит официальный характер. Пояснения, даваемые отдельными судьями в порядке личного мнения и не облакаемые в форму официальных документов, относятся не к судебному, а к другим видам толкования права (к профессиональному, доктринальному и т.п.).

Судебное толкование права, в отличие от «аутентичного» (то есть осуществляемое тем же самым субъектом (органом), который создал интерпретируемую норму), имеет свою законодательную базу, которая, впрочем, носит довольно разрозненный характер; вопросы, связанные с судебным толкованием права, не урегулированы в едином источнике. В Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» само понятие «толкование» упоминается лишь один раз, в контексте полномочий конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации: «может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации... конституции (устава) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации» (ч.1 ст.27). Из высших судебных органов только Конституционный Суд прямо наделен полномочием осуществлять толкование права: он дает официальное толкование Конституции, являющееся обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений (ст. 106 Федерального конституционного закона 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В отношении других судебных органов понятие «толкование» используется в законодательстве лишь эпизодически, например: статьи 379.6, 390, 390.13, 390.15, 391.9 и 391.12 Гражданского процессуального кодекса РФ. Очевидно, что в данном случае речь идет лишь о таком толковании, которое производится в рамках разбирательства по конкретному делу, а не о процессе, имеющем самостоятельное значение и завершающемся изданием интерпретационного акта. Таким образом, несмотря на скудость имеющегося законодательного регулирования, толкование права, несомненно, входит в компетенцию судов Российской Федерации.

Как уже упоминалось ранее, в российской юридической науке наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой правотворчество и толкование права представляют собой два принципиально различных вида юридической деятельности. Один из крупнейших специалистов в данной области А.С. Пиголкин писал по этому поводу: «Важно четко проводить грань между разъяснением уже существующих норм и созданием новых правовых установлений... Толкование не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в норме, раскрывать юридическую волю

законодателя... Интерпретатор не создает право, а лишь выявляет, устанавливает государственную волю, выраженную в нормативном акте» [5, с.69]. Противоположное мнение встречается несколько реже; примером может служить позиция С.И. Орешкина относительно правовой природы разъяснений Пленума Верховного Суда: «То обстоятельство, что данные разъяснения являются актами официального толкования права, несколько не препятствует им одновременно быть источниками права. Собственно, это качество вообще характерно для всех актов официального толкования. Это доказывается тем, что в таких актах содержится не просто повторение разъясняемого закона (в этом не было бы никакой необходимости), а фактически формулируются новые нормативные положения, отсутствующие в исходном тексте закона, подвергаемого толкованию» [6, с. 94].

Таким образом, основная проблема заключается в том, возможно ли создание правовой нормы в ходе интерпретационного процесса. С одной стороны, задачи этих двух видов юридической деятельности явно не совпадают: правотворчество имеет своим результатом появление нового правового предписания, а толкование права направлено на то, чтобы правильно понять и объяснить смысл уже существующих положений. С другой стороны, между правотворчеством и толкованием права нет таких неразрешимых противоречий, которые делали бы их совершенно несовместимыми в одном времени и пространстве.

Если рассмотреть толкование права с точки зрения его механизма, то есть последовательности операций в хронологическом порядке, то оно начинается с выявления неполноты или неясности в правовом регулировании какого-либо общественного отношения. Необходимость толкования права может возникнуть как в правоприменительной деятельности, так и за рамками юридической практики (например, доктринальное толкование может осуществляться при исследовании действующего законодательства вне связи с его применением). Далее интерпретатор проводит анализ нормативного текста с точки зрения использованных в нем языковых средств, логических соотношений, социальных условий и целей его создания, связи с другими элементами правовой системы и т.п. Итогом проделанного анализа выступает избрание конкретного варианта толкования права. В случае официального толкования-разъяснения следующим шагом является издание соответствующего юридического документа, удовлетворяющего всем процедурным и формальным требованиям, где излагается результат толкования права. После этого данное разъяснение считается общеобязательным, и истолкованная правовая норма уже не может пониматься в каком-либо ином смысле.

Правотворческая деятельность также начинается с выявления несовершенства или пробельности действующего права: правотворческий процесс начинается в том случае, если обнаруживается, что те или иные общественные отношения юридически не урегулированы или что имеющееся регулирование по тем или иным причинам является неудовлетворительным (неполным, противоречивым, не соответствует интересам общества и т.п.).

Предполагается, что законодатель (или иной автор нормативного текста), прежде чем приступить к разработке своего проекта, проводит своеобразное исследование, в ходе которого диагностирует сложившуюся ситуацию в обществе, определяет существующие социальные потребности и интересы, проверяет наличие или отсутствие необходимости в правовом регулировании, сравнивает возможные варианты законодательного решения возникшей проблемы, прогнозирует их эффективность и т.п. Разумеется, иногда эта часть правотворческого процесса может и «выпадать» из поля зрения законодателя, что, вероятно, негативным образом влияет на качество принимаемого нормативного акта. Однако в целом существование познавательного аспекта правотворческой деятельности не вызывает особых сомнений. В дальнейшем разрабатывается идея (концепция) нового закона, составляется его текст, который проходит через более или менее сложную процедуру (для законов – внесение проекта лицом, имеющим право законодательной инициативы, предварительное обсуждение, принятие в нескольких чтениях, обсуждение в верхней палате, подписание высшим должностным лицом и др.). Принятый и подписанный закон имеет строго определенную внешнюю форму и обнаружится (публикуется) в установленном порядке.

Таким образом, вполне очевидно, что официальное толкование права и правотворчество строятся по сходным моделям: обнаружение несовершенства правовой системы, оценка существующего положения, выработка решения, его официальное оформление в виде общеобязательного юридического документа. Только при описании толкования акцент в основном делается на познавательной составляющей, в то время как суть правотворческой деятельности видится обычно в принятии властного решения, а подготовительная интеллектуальная деятельность остается несколько «в тени». Что касается результата деятельности, то в обоих случаях он выражается в создании официального документа, обладающего обязательной юридической силой. Разумеется, актом официального толкования не могут вноситься изменения и дополнения в интерпретируемый закон или иной источник права – это противоречило бы самой природе толкования права. Однако, скорее всего, интерпретационный акт будет нести в себе новое юридическое содержание. Как предполагается, происходит лишь уточнение исходного смысла толкуемой правовой нормы, однако это не отменяет того обстоятельства, что акт толкования права содержит в себе такие положения, которые не были предусмотрены в изначальном тексте закона.

Например, в ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ закреплен запрет злоупотребления гражданскими правами (так называемой шиканы): «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах». Но, как отмечает Г.А. Гаджиев, «недостатком современной формулировки злоупотребления правом является то, что в силу излишней категоричности она препятствует судам использовать ее в судебной практике. Квалификация действия в качестве шиканы только в случаях осуществления права исключительно с намерением причинить вред

другому лицу значительно сужает возможности судебного применения ст.10 ГК РФ» [7, с. 105]. Попытка решения этой проблемы была предпринята высшими судебными инстанциями России. В Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. №6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается: «отказ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом... в частности, действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам». Таким образом, в разъяснении Пленумов отсутствует указание на то, что при злоупотреблении правом субъект действует «исключительно» с целью причинения вреда другим лицам. Речь, разумеется, не идет о том, будто бы решением высших судебных инстанций были внесены коррективы в сам Гражданский кодекс – этого не произошло, потому что текст закона остался неизменным. Однако налицо тот факт, что данная судами официальная трактовка кодекса отличается от исходной законодательной формулировки, следовательно, акт толкования права несет в себе новое нормативное содержание.

Таким образом, следует прийти к выводу, что толкование права может одновременно выполнять функции правотворчества, то есть иметь своим результатом появление общеобязательных формально определенных правил поведения. Отсюда следует констатировать, что судебное толкование права – это явление, обладающее чертами принципиальной общности с судебным правотворчеством. Когда суд осуществляет нормативное толкование того или иного законодательного положения, то такая интерпретационная деятельность одновременно может носить нормотворческий характер; акты официального судебного толкования представляют собой особые вторичные источники права, поскольку содержат в себе положения, обладающие свойствами нормативности и общеобязательности.

Список литературы

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 4-е. - СПб., 1897. - 364 с.
2. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. - М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 128 с.
3. Вопленко Н.Н. Толкование права: монография. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. - 126 с.
4. Тропер М. Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. - М.: Институт права и публичной политики. - 2006. - № 1 (54). - С. 136-143.
5. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. - М.: Спарк, 1998. - С. 65-75.
6. Орешкин С.И. Введение в судебную политику. - Элиста: НПП «Джангар», 2007. - 152 с.
7. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). - М.: Юристь, 2004. - 286 с.

Н.Г. Плиева,
Аспирант,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь

N.G. Plieva,
graduate student
Federal State Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University»
Sevastopol
e-mail:nata.plieva@yandex.ru

Коллизии между общими и специальными совместимыми правовыми нормами, регулирующими отношения по поводу возмещения вреда

Conflicts between general and specific compatible legal rules governing relations regarding compensation for the harm

Аннотация: В статье излагаются результаты проведенного исследования проблемы соотношения общей и специальных правовых норм института обязательств вследствие причинения вреда. Автором предпринята попытка показать возможность использования методологических инструментов для разграничения коллизий между общей правовой нормой, установленной п.1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами.

Ключевые слова: возмещение вреда, коллизии, правотолкование, правопименение, общая правовая норма, специальная правовая норма.

Abstract: The article presents the results of the study of the problem between general rule of law and abnormal law of the institution of obligation arising as consequence of causing harm. The author attempted to show the possibility of using methodological tools to differentiate collisions between the general rule of law established by paragraph 1 of Art. 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides compensation for the harm caused in full, and abnormal law concerning to this legal norm.

Key words: compensation for harm, collisions, legal interpretation, application of law, general rule of law, abnormal law

Проблема коллизий между общей и специальными совместимыми с ней правовыми нормами института обязательств вследствие причинения вреда является актуальной в силу целого ряда обстоятельств. Укажем на два из них. Во-первых, правовые нормы этого института обычно не анализируются с применением методологических инструментов правотолкования. Известный немецкий ученый-юрист Г.Ф. Пухта, иногда признаваемый классиком мировой юриспруденции, предлагал юристам-профессионалам при правотолковании положиться на здравый смысл [см.1, с. 57]. Подобной была и рекомендация

общеизвестного классика мировой юриспруденции Ф.К. фон Савиньи [2, с. 389-390]. Этим рекомендациям и следует сегодня и правоприменительная практика и юридическая наука. Но рано или поздно «ползучий здравый смысл» надо будет остановить. Во-вторых, институт обязательств вследствие причинения вреда как предмет толкования является весьма своеобразным. Диспозиции его многих специальных норм лишь повторяют или немного корректируют диспозицию общей для всего института правовой нормы, предусматривающей возмещение вреда в полном объеме. Обычно же особенности устанавливаются гипотезами специальных правовых норм при тождественности их диспозиций. Все это обуславливает особенности коллизий между правовыми нормами института вследствие причинения вреда. При этом особого внимания заслуживают коллизии между указанной общей правовой нормой и совместимыми с нею текстуально закрепленными правовыми нормами.

Проблема, являющаяся предметом исследования в настоящей статье, в науке гражданского права никогда не исследовалась. Но ее исследование было подготовлено научными трудами М.М. Агаркова, Б.С. Антимонова, А.М. Беляковой, К.М. Варшавского, Н.С. Малеина, В.Т. Смирнова, А.А. Собчака, Е.А. Флейшиц, К.К. Яичкова и других ученых.

Целью настоящей статьи является попытка показать возможность использования методологических инструментов для разграничения коллизий между общей правовой нормой, установленной п. 1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей общие основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда и возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами. При этом указанный инструментарий, как предполагается, может быть использован и в других подобных случаях.

Глубокое структурирование законодательных положений, регулирующих отношения по поводу возмещения вреда, требует от субъектов правотолкования и правоприменения умения применять научно обоснованный методологический инструментарий разрешения коллизий между соответствующими правовыми нормами. Но обычно никто и никакой инструментарий не применяет. Это касается и ученых, и судей (судов).

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что «пункт 1 статьи 1085 ГК Российской Федерации ни сам по себе, ни в системной связи с иными положениями гражданского законодательства не содержит каких-либо исключений из общего правила о полноте возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья» (абзац второй п. 3.2. мотивировочной части Постановления от 25 июня 2019 г. № 25-П). В абзаце втором п. 4.1. мотивировочной части того же Постановления указывается на то, что и положения п. 1 ст. 1087 ГК РФ, «находясь в общей системе конституционно-правового и гражданско-правового регулирования, не могут рассматриваться как исключаящее действие общих правил и принципов деликтных обязательств и применяться вопреки их целевой направленности».

Анализ приведенных фрагментов судебного акта начнем с указания на то, что п. 1 ст. 1087 ГК РФ не может применяться вопреки «целевой направленности» «общих правил и принципов деликтных обязательств». Выходит, что специальная правовая норма не может подменяться вопреки не только общим правилам и принципам, но даже и вопреки их целевой направленности. Эта ссылка на целевую направленность вызывает интерес по той же причине, что в научной литературе предпринимаются настойчивые попытки поставить выявляемые самими учеными объективные цели правовых норм (то есть целесообразные законодательные решения) выше самих правовых норм, и соответственно, – толковать последние то ограничительно, то расширительно (см., например, 3, с. 20, 29, 744-745). Представляется, что телеологическое толкование в условиях правовой системы России должно быть выявлением только тех целей правового регулирования, которые можно обнаружить в самом позитивном праве, а не поиском за пределами закона целесообразных вариантов правового регулирования. И применяться телеологическое толкование должно только в тех случаях, когда без этого выяснить содержание соответствующего положения акта законодательства невозможно. Более широкое применение телеологического толкования и его результатов может прийти в противоречие с логикой системы гражданского законодательства.

Вывод же о возможности неприменения специальной правовой нормы вопреки целевой направленности «общих правил и принципов» тем более не может быть признан соответствующим логике законодательства: специальные правовые нормы устанавливают особенности правового регулирования отдельных видов отношений, и если их не применять вопреки целевой направленности общих правовых норм, то они (специальные правовые нормы) и вообще становятся излишними. И хотя анализируемый здесь вывод сформулирован самой авторитетной судебной инстанцией, он вряд ли может быть признан приемлемым методологическим инструментом, который должен использоваться в науке и практике правоприменения.

Оказывается, однако, что применение п. 1 ст. 1087 ГК РФ не только вопреки целевой направленности общих правил и принципов, но и вопреки содержанию этих правил и принципов и вообще является невозможным, поскольку «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья... несовершеннолетнего (это регулирование осуществляется прежде всего упомянутой выше статьей 1087 ГК. – Н.П.), каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит, и, соответственно, возмещению в таком случае – в силу общего правила – подлежат все расходы, которые потерпевший произвел (должен произвести)...» (абзац третий п. 4.1. Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П). И с такой интерпретацией п.1 ст. 1087 ГК следует полностью согласиться: виды расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе несовершеннолетнего, определяются в п. 1 ст. 1085 ГК не исчерпывающе. Этот пункт перечисляет не все виды подлежащих возмещению расходов, поскольку в нем содержится

формулировка «расходы...в том числе...». Следовательно, возможно возмещение и других расходов. И таким образом, п. 1 ст. 1085 ГК приводится в полное соответствие с п. 1 ст. 1064 ГК, устанавливающим правило о полном возмещении вреда.

Но Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая «как буквальный смысл рассматриваемого акта (в данном случае - ст. 1085 и 1087 ГК. – Н.П.), так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой» (часть вторая ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В данном случае правоприменительная практика судов Российской Федерации п.1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК толкует единообразно: считается, что размеры возмещения «дополнительных расходов» определены Временным порядком взаимодействия субъектов и участников системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний по вопросам медико-социальной экспертизы, медицинской, социальной и профессиональной реабилитации застрахованного и оплаты дополнительных расходов на ее проведение (утвержден Министерством труда и социального развития Российской Федерации 19 апреля 2000 года № 2726-ао, Министерством здравоохранения Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 2510/4245-23, Фондом социального страхования Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 02-08/10-943п).

О том, что судебная практика признает возможность применения именно этого Временного порядка для целей определения размера возмещения рассматриваемых расходов (дополнительных расходов) свидетельствует то обстоятельство, что и решение общего суда, которое упоминается в Постановлении Конституционного Суда от 25 июня 2019 № 25-П, обосновано ссылкой на упомянутый выше Временный порядок.

Поэтому Конституционный Суд при разрешении вопроса о соответствии Конституции п. 1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК должен был учесть и эту конкретизацию (официальную интерпретацию) указанных законодательных положений, которая дана в названном Временном порядке, и ту судебную практику, которая сложилась. Но если учесть эту конкретизацию (официальную интерпретацию) и судебную практику, то выйдет, что п. 1 ст. 1085 ГК и п. 1 ст. 1087 ГК противоречат п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда. И тогда для утверждения о том, что «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья такого несовершеннолетнего, каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит...» (абзац третий п. 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П), оснований уже не будет. Такие основания появились бы только при условии, если бы Конституционный Суд сделал выводы о том, что сложившаяся судебная практика не соответствует закону, а поэтому должна быть приведена в соответствие с законом, и что упомянутый Временный порядок распространяется только на отношения по поводу обязательного

социального страхования, указав, что он не распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в гражданско-правовых формах. Но Конституционный Суд такой вывод не делает. Поэтому следует понимать, что коллизия между ст. 1085 и 1087 ГК (с учётом их официальной конкретизации и интерпретации, а также с учетом судебной практики) все-таки имеется. Разрешается эта коллизия в пользу общей правовой нормы, текстуально закреплённой в п.1 ст.1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда, поскольку подзаконные акты не могут применяться в части, в которой они противоречат закону, а судебная практика также не может иметь верховенства над законом.

Однако в других случаях разрешение коллизий в институте обязательств вследствие причинения вреда представляется более сложным. Так, в соответствии с частью первой ст. 1094 ГК «лица, ответственные за вред, вызванный смертью потерпевшего, обязаны возместить необходимые расходы на погребение лицу, понесшему эти расходы». Московский городской суд в апелляционном определении от 22 мая 2014 г. № 33-16534/14 с целью толкования приведенного законодательного положения сначала обратился к ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», где определяется погребение, а затем сделал вывод о том, что проведение поминальных обедов на девятый и сороковой день, в том числе приобретение для этого спиртных напитков, «выходит за пределы обрядовых действий по непосредственному захоронению тела», а поэтому соответствующие расходы возмещению не подлежат.

Президиум Алтайского краевого суда в постановлении от 22 января 2013 г. № 44-Г-1/2013 указал на неправильность позиции апелляционного суда, который отказал в возмещении расходов на изготовление и установку памятника (очевидно, постольку, поскольку изготовление и установка памятника не охватывается понятием обрядовых действий по непосредственному захоронению тела). В постановлении президиума указано, что расходы на погребение не ограничиваются расходами, понесенными в день похорон, а потому к расходам на погребение относятся и расходы на изготовление и установку памятника.

Само по себе стремление судебных инстанций углубиться в содержание части первой ст. 1094 ГК заслуживает поддержки, поскольку такое углубление всегда целесообразно. Но в обоих приведенных случаях, впрочем, как и вообще в судебной практике в подобных случаях, не была учтена системная связь части первой ст. 1094 ГК с п. 1 ст. 1064 ГК. Суть проблемы заключается в том, что в части первой ст. 1094 ГК текстуально закреплена правовая норма, которая является специальной по отношению к правовой норме, которая текстуально закреплена в п. 1 ст. 1064 ГК и устанавливает право потерпевшего на возмещение вреда в полном объеме. Обратим внимание на приведенную выше формулировку «правовые нормы, которые закреплены текстуально». Они существенны для разрешения коллизий в праве, но не используются при разрешении коллизий ни учеными-юристами, ни субъектами правоприменения. Лишь в одном издании не только используются эти слова, но и показывается их

методологическое значение [4, с.179-202]. Положения из этого издания используются в настоящей статье здесь и в дальнейшем.

Правовые нормы, текстуально закрепленные в части первой ст. 1094 ГК и в п. 1 ст. 1064 ГК, соотносятся как специальная и общая. Этот вывод основан на том, что часть первая ст. 1094 ГК регулирует род отношений, возникающих вследствие причинения вреда, а п. 1 ст. 1064 ГК – вид отношений, не выходящих за пределы указанного рода. Иными словами, сфера действия правовой нормы, текстуально закрепленной в части первой ст. 1094 ГК, является частью сферы действия правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, и не выходит за пределы сферы действия этой правовой нормы. Однако соотношение рассматриваемых правовых норм как специальной и общей не дает основания для разрешения коллизий между этими правовыми нормами по правилу «*lex specialis derogat generali*», поскольку диспозиции этих правовых норм являются совместимыми. Общая правовая норма, текстуально закрепленная в п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривает возмещение вреда в полном объеме. И этого общего правила вполне было бы достаточно, в том числе и для регулирования отношений по поводу возмещения расходов на погребение. Но законодатель счел необходимым отношения, однажды урегулированные общей правовой нормой, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, урегулировать повторно, то есть однажды предоставленному потерпевшему общей правовой нормой право законодатель решил предоставить ему еще один раз – специальной правовой нормой. Да и повод установить общую правовую норму вроде бы был – уточнить, кто же будет кредитором в обязательстве по возмещению расходов на погребение. Таковым часть первая ст. 1094 ГК определяет лицо, понесшее эти расходы. Но при определении этого лица не просто указали на это лицо, но также установили, что ему возмещаются «необходимые расходы». Но указание на «необходимые расходы» дает основание для вывода о том, что иные расходы на погребение не подлежат возмещению. Из этого и исходили соответствующие упомянутые выше судебные инстанции, когда ограничивали подлежащие возмещению расходы, теми расходами, которые не связаны с обрядовыми действиями «по непосредственному захоронению тела».

Этот последний вывод требует отдельного внимания. Это - вывод от противоположного (от обратного) или вывод *a contrario*. Он обычно при официальном и доктринальном толковании положений законодательства не игнорируется, а как бы учитывается в содержании текстуально закрепленных норм. В качестве примеров можно взять приведенные выше судебные решения: необходимые расходы возмещаются, а иные расходы (на поминальные обеды на девятый и сороковой день; на установку памятника) - не возмещаются. Между тем, следовало бы признать, что при помощи вывода *a contrario* обнаруживается не часть содержания соответствующей текстуально закреплённой правовой нормы, а правовая норма, которая логически закреплена в соответствующем положении акта законодательства (том же, в котором текстуально закреплена другая норма). Исследование, проведенное группой авторов, позволило им сделать и обосновать вывод о том, что

правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*, по общему правилу, неспособны конкурировать с другими правовыми нормами при правоприменении. Они приобретают такую способность в случаях, когда в законодательных положениях, в которых логически закрепляются такие нормы, используются слова «лишь», «только», «исключительно», «не иначе как». Эти слова придают нормативному тексту признак категоричности. Но вместе с тем, они несколько огрубляют текст, лишают его признака изящной словесности, делают менее гибким [4, с. 338-348].

Можно в порядке «домашнего эксперимента» дополнить часть первую ст. 1094 ГК словом «только» (после слова «возместить» и перед словом «необходимые»). Тогда правая норма, которая логически закреплена в части первой ст. 1094 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой другие расходы возмещению не подлежат, приобретет способность к конкуренции при правоприменении и безоговорочно исключит возможность применения к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК, предусматривающего возмещение вреда в полном объеме. Пока же такого или другого подобного слова в части первой ст. 1094 ГК нет, ни текстуально закреплённая в этом законодательном положении специальная правовая норма (в силу ее совместимости с общей правовой нормой, текстуально закреплённой в п. 1 ст. 1064 ГК), ни логически закреплённая в части первой ст. 1094 ГК правовая норма (в силу ее неспособности к конкуренции при правоприменении) не могут исключить применение к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК.

Поэтому возмещению подлежат все расходы, которые лицо понесло в связи с погребением и соблюдением соответствующих обрядов, круг которых (расходов) определяется в соответствии с обычаями. К таким расходам относятся и расходы на поминальные обеды, в том числе и на девятый и сороковой день (конечно, если речь идет о похоронах в христианской традиции; в других случаях в качестве эксперта разъяснение об обрядах можно получить у духовного лица соответствующей конфессии), и расходы на приобретение спиртного (в христианских и атеистических семьях без этого никогда не обходятся), и расходы на изготовление и установку памятника, и другие необходимые расходы. Их размер должен определяться в соответствии с требованием добросовестности, закреплённым в п. 3 ст. 307 ГК, который распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в силу п. 2 ст. 307.1 ГК, а также в соответствии с принципами справедливости и разумности (п. 2 ст. 6 ГК).

Конечно, такой пространственный дискурс вряд ли будет возможным в обычном судебном решении (уровень загруженности судей исключает это). Но он вполне возможен в судебных актах Верховного Суда и Конституционного Суда. И случай со ст. 1094 ГК не является единичным. Исключительно остро стоит вопрос, касающийся толкования и применения ст. 1084 ГК. Удовлетворительное толкование этого законодательного положения, не

допускающее отступления от буквы закона, возможно только при условии использования того методологического инструментария, который был использован в этой статье при толковании ст. 1094 ГК. При этом существенного значения не имеет то обстоятельство, что коллизия между правовыми нормами, установленными частью первой ст. 1094 ГК с п. 1 ст. 1064 ГК, касается диспозиций этих норм, а ст. 1084 ГК и п. 1 ст. 1064 ГК различаются по содержанию гипотез закрепленных в них правовых норм.

Есть и другие подобные коллизии в институте обязательств из причинения вреда. Они также нуждаются в исследовании, а результаты таких исследований должны обсуждаться в научной и юридической среде, а впоследствии – учтены путем внесения таких изменений в главу 59 Гражданского кодекса, которые радикально упростят толкование положений этой главы.

Список литературы

1. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮр.ИнфоР, 2002. - 508 с.
2. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. – М.: Статут, 2011. - 510 с.
3. Обязательственное и договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-457 Гражданского Кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. - 1120 с.
4. Новейшее учение о толковании права / Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.

УДК 349.23

Д.В. Потанов
кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры гражданского права
Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

D.V. Potapov
PhD in Law
Senior Lecturer at the Department of Civil Law
Crimean branch of FGBOUVO
Russian State University of Justice
e-mail: Potapov.Denis.1990@mail.ru

Защита трудовых прав граждан работавших без оформления трудовых отношений

Protection of labor rights of citizens working without registration of labor relations

Аннотация. Автором систематизированы основные доказательства, которые могут быть представлены в подтверждение существования трудовых отношений между работником и работодателем. По итогам исследования удалось сформулировать основные направления, по которым следует реализовывать меры, которые в последующем приведут к сокращению теневого рынка труда и необходимости защиты нарушенных трудовых прав граждан.

Ключевые слова: теневой рынок труда, неформальная занятость, трудовые отношения, трудовой договор, защита трудовых прав граждан.

Annotation. The author has systematized the main evidence that can be presented to confirm the existence of an employment relationship between an employee and an employer. Based on the results of the study, it was possible to formulate the main directions in which to implement measures that will subsequently lead to a reduction in the shadow labor market and the need to protect violated labor rights of citizens.

Keywords: shadow labor market, informal employment, labor relations, labor contract, protection of labor rights of citizens.

В последние годы в России существенно увеличилась доля теневого рынка труда. Потенциальные работники, желая получать достойную оплату труда, готовы работать неофициально и получать зарплату в конверте. Однако в конечном итоге, недобросовестные работодатели могут задерживать оговоренные выплаты либо вовсе не платить своим сотрудникам, работающим без надлежащего оформления трудовых отношений, не оплачивать им отпуск, больничный, не предоставлять нормальные условия для выполнения трудовых функций и т.д. В этих условиях работники желают защитить свои права и восстановить справедливость.

В соответствии со статьей 15 Трудового кодекса РФ под трудовыми отношениями понимаются отношения, которые основаны на соглашении, заключенном между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем установленных условий труда, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором [5]. Исходя из данной нормы, официальным подтверждением наличия трудовых отношений выступает трудовой договор. Однако в силу определенных обстоятельств бывает так, что работник и работодатель не заключают трудового договора, между ними в лучшем случае действует лишь гражданско-правовой договор. Также встречаются ситуации, когда работник вообще никак не оформлен и получает "серую" заработную плату. В этой связи повышается актуальность изучения вопросов, связанных с защитой трудовых прав граждан, которые работали без должного оформления трудовых отношений.

В настоящем исследовании за основу возьмем тот факт, что отсутствие оформленных должным образом трудовых отношений является неформальной занятостью. Несмотря на то, что до настоящего времени не сформировано

общепринятого подхода к определению данного понятия, можно выделить его характерные черты. К ним целесообразно отнести следующие [1, с. 57]:

- отсутствие трудового договора;
- повышенная уязвимость работника;
- юридическая и социальная незащищенность работников;
- повышенный уровень оплаты труда;
- сложность отстаивания своих прав.

Следует подчеркнуть, что распространенность случаев, когда работник и работодатель не оформляют трудовые отношения официальным образом, приводит к тому, что возрастает неуправляемость процессов, происходит искажение информации о реально существующем спросе и предложении кадровых ресурсов, структуре занятости и доходов и т.д. Поэтому необходимо уделять особое внимание причинам, по которым потенциальные работники соглашаются работать без трудового договора, и почему работодатели идут на этот незаконный шаг.

Если с мотивами работодателя не оформлять трудовые отношения все очевидно (нежелание уплачивать налоги, сборы и другие обязательные платежи), то в случае с работником возникает закономерный вопрос, чем он руководствуется, соглашаясь работать неофициально. Так, Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина и А.В. Русина к таким мотивам относят следующие моменты [2, с. 78]:

- получение высокой оплаты труда;
- сложности с поиском работы с достаточным официальным заработком;
- близость к дому;
- возможность обеспечить себя и свою семью;
- перспективный характер работы и т.д.

В конечном итоге, работник, не оформивший трудовые отношения, может столкнуться с целым комплексом проблем, включая задержку выплаты заработной платы либо ее невыплату, непредоставление отпуска или больничного, выполнение неограниченного круга обязанностей, ненормированный рабочий день, плохие условия труда, беспричинное увольнение и т.д. Для некоторых работодателей важным является наличие записи в трудовой книжке о работе в конкретной организации на определенной должности. Если никаких отметок в этом документе нет, то опыт работы может не быть зачтен. Более того, когда наступает срок выхода на пенсию, отсутствие в трудовой книжке записи о периоде работы на конкретном предприятии существенно снижает размер пенсии. Естественно, закономерным последствием всех перечисленных выше проблем выступает желание защитить себя и свои права и восстановить социальную справедливость. Однако сделать это в условиях отсутствия надлежащего трудового договора крайне проблематично.[3, с. 55]

В то же время, для того, чтобы восстановить нарушенные права работника, работающего без оформления трудовых отношений, потребуется

обратиться в суд. При этом успех процесса будет зависеть от доказательной базы. К основным доказательствам факта наличия трудовых отношений, существующих между работником и работодателем, могут быть отнесены следующие [6, с. 213]:

- показания свидетелей, которые свидетельствуют о том, что работник осуществлял трудовую деятельность в определенной организации по соответствующей специальности;
- журналы ознакомления работников с локальными актами;
- соблюдение работником режима рабочего времени и времени отдыха;
- ежемесячная оплата выполненной работы, отраженная в ведомостях, табелях, перечислениях на банковскую карту без подписания актов выполненных работ;
- фотографии, чеки, проездные документы, записи видеокамер, пропуска на объект и другие документы, подтверждающие факт трудовой деятельности.

Кроме того, нельзя исключать нормы статьи 16 Трудового кодекса РФ, в соответствии с которыми трудовые отношения возникают на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя в том случае, когда трудовой договор не был оформлен надлежащим образом.

Если суд принял решение в пользу истца, то есть работника, защищающего свои права, то данный факт выступает полноценным основанием для проведения проверок работодателя со стороны уполномоченных органов.

Для того, чтобы сократить долю теневого рынка труда, необходимо, прежде всего, разобраться с ключевыми причинами, которые оказывают влияние на его существование и распространение. Так, главная причина состоит в том, что многие компании не вытягивают лежащую на них финансовую нагрузку. При этом они сталкиваются с обязательными платежами в бюджет в виде налогов, сборов и отчислений в государственные внебюджетные фонды, а также вынуждены платить арендные платежи, которые зачастую составляют большую часть их дохода. В этой связи целесообразно провести мероприятия по следующим направлениям [4, с. 44]:

- установление разумных процентных ставок обязательных отчислений;
- введение законодательных ограничений на ставки арендных платежей;
- расширение возможностей льготных условий аренды помещений для отдельных категорий малого и микробизнеса.

Данные меры позволят работодателям сократить финансовую нагрузку и, как следствие, они смогут оформлять на законных основаниях своих работников и обеспечивать им условия труда в четком соответствии с заключенным трудовым договором.

Таким образом, лица, которые официально не оформили трудовые отношения с работодателем, могут осуществить защиту своих прав. Однако сделать это будет более проблематично. Если для тех работников, которые

работают по трудовому договору, установлены способы защиты собственных прав, в том числе самозащита, обращение в профессиональные союзы и т.д., то неофициально занятые работники могут только обратиться в суд, предварительно позаботившись о доказательствах выполнения трудовых обязанностей в конкретной организации.

Список литературы

1. Амутнов А.И. Правовые аспекты неформальной занятости населения в России // Концепт. - 2015.- № 12. - С.56-60.
2. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Мониторинг оплаты труда: специфические качества, распространенность, мотивация // Проблемы развития территории. - 2017. - №5(91). - С.75-87.
3. Донова И.В. Социально-экономические последствия неформального найма и пути его снижения // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). - 2017. - №2. - Т.8. - С.47-60.
4. Соболева И.В. Серая зона российского рынка труда: масштабы и подходы к сокращению // Вестник Института экономики РАН. - 2017. - № 5. - С.36-46.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.
6. Хазамов М.О. Проблемы доказывания факта трудовых отношений // Уникальные исследования XXI века. - 2015. - №5(5). - С.210-216.

УДК 347.44

Т.К. Примак,
доктор юридических наук,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета им. И. Канта
г. Калининград
И.В. Георгиев,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса
Юридического института БФУ им. И. Канта
г. Калининград

T.K. Primak,
Doctor of Law,
Head of the Department of Civil Law and Procedure
in Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia
e-mail: primaktk@mail.ru
I.V. Georgiev,
Post-graduate student

Заключение договоров в сети Интернет: виды и особенности

Conclusion of contracts on the Internet: types and features

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые виды договоров, которые заключаются в сети Интернет, исследованы особенности применения электронной подписи, click-wrap и browse-wrap соглашений, а также смарт-контрактов. Проанализированы проблемы, новеллы в законодательстве, отечественная и зарубежная научная литература, судебная практика.

Ключевые слова: договор, Гражданский кодекс, Интернет, электронная подпись, смарт-контракты.

Abstract: the article discusses some types of contracts concluded on the Internet. The author studies the features of using electronic signatures, click-wrap and browse-wrap agreements, as well as smart contracts. Novelties in legislation, scientific literature and judicial practice are analyzed.

Key words: contract, Civil code, Internet, electronic signature, smart contracts.

В последнее десятилетие практически каждый из нас заключал договор посредством сети Интернет. С развитием технологий большинство товаров и услуг приобретаются именно в электронной среде. Так, например, за первые 8 месяцев 2020 года было заключено 11,2 млн электронных договоров ОСАГО, что составляет около половины от всех проданных за этот период страховых полисов¹. Однако, договоры с помощью всемирной сети можно заключить разными способами: путем пересылки электронных документов; непосредственно в виртуальном пространстве при помощи клика мышкой по соответствующей кнопке; смарт-контракты.

Обмен электронными копиями договоров с подписями уполномоченных лиц является обычной практикой для российских организаций. Правда, перед контрагентами подчас вставал вопрос надлежащего волеизъявления лица, подписывающего отсканированный документ, на который наука и судебная практика нашли ответ в виде рекомендаций соблюдать определённые критерии к качеству документа, использовать только корпоративную электронную почту и т.д.

Снять проблемы в этой сфере была призвана электронная цифровая подпись (далее по тексту – ЭЦП). Согласно Федеральному закону от 06.04.2011 № 63-ФЗ, электронная подпись, это ни что иное, как информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией

---

¹ За первые 8 месяцев 2020 года было заключено 11,2 млн электронных договоров ОСАГО. Новости РСА. [Электронный ресурс]. URL: https://autoins.ru/novosti/tekushchie/?ELEMENT_ID=578931. (дата обращения – 08.11.2020).

и которая используется для определения лица, подписывающего информацию¹. Существует определенная классификация электронных подписей: простая электронная подпись и усиленная электронная подпись. В свою очередь, усиленные подписи бывают также двух видов: усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная. Использование кодов, паролей и подобных средств относится к варианту простой электронной подписи. Неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая создается в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа и средств электронной подписи, а также позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ и обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания.

К описанию квалифицированной электронной подписи прибавляется два дополнительных критерия: ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате; для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям закона 63–ФЗ.

Вместе с тем, несмотря на то, что электронная подпись положительно повлияла на гражданский оборот и значительно его ускорила, проблемы остались, в частности, надлежащей идентификации субъектов, неправомерного использования ЭЦП. Несколько лет назад резонансным случаем была «кража» жилого помещения у гражданина путем ЭЦП, выданной на имя собственника недвижимости. При этом, суд постановил, что использование электронной подписи с нарушением конфиденциальности соответствующего ключа не освобождает владельца от ответственности за неблагоприятные последствия, наступившие в результате такого использования².

В 2020 году в целях создания более безопасной цифровой среды в законодательство были внесены значительные изменения - участники электронного взаимодействия признают усиленную квалифицированную ЭЦП; появились доверенные третьи стороны, предоставляющие услуги, например, по подтверждению действительности ЭЦП и сертификатов на момент создания документа, наличия аккредитации удостоверяющего центра, выдавшего сертификат и т.д.; ужесточились требования к удостоверяющему центру; меняются правила выдачи и применения ЭЦП.

Анализируя новые законодательные положения надо отметить, что, во-первых, появление доверенной третьей стороны приведет к удорожанию использования ЭЦП, так как речь, по всей видимости, будет идти о возмездном оказании услуг; во-вторых, ужесточение требований к удостоверяющим центрам может привести к закрытию большей части из них. Так, срок действия аккредитации удостоверяющих центров сокращен до 3 лет, для получения

¹ Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

² Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 14 марта 2016 г. по делу № 05АП-1119/16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс»

аккредитации юридическому лицу необходимо иметь 1 миллиард рублей собственных средств (ранее – 7 миллионов рублей). В этой связи следует приветствовать установление переходного периода до 2020 года, во время которого будут внедряться изменения, и прогнозировать принятие сбалансированных решений, позволяющих сочетать экономическую целесообразность и правовую защищенность участников гражданского оборота.

Следующая группа договоров заключается либо посредством нажатия кнопки (click-wrap), либо по одному лишь факту просмотра веб-страницы (browse-wrap). Наиболее часто в сети встречается первая из названных моделей. Пользователь производит акцепт оферты, нажимая по кнопке, которая, как правило, отсылает на существенные условия соответствующего договора либо непосредственно, либо через иные документы. Следовательно, к click-wrap соглашениям применяются нормы о заключении договора посредством конклюдентных действий.

В этой сфере судебная практика крайне неоднородна: одни суды признают юридическую силу таких договоров, другие считают, что одного лишь щелчка компьютерной мышью недостаточно. Необходима, например, оплата услуги или надлежащая идентификация пользователя на веб-сайте. Наличие многообразных подходов является следствием того, что ни высшие судебные органы, ни представители законодательной и исполнительной власти не формулировали какую-либо четкую позицию по этому вопросу. Исключение составляет информация Роспотребнадзора «Об особенностях click-wrap соглашений», опубликованная 5 ноября 2020 года¹. Государственный орган придерживается позиции, согласно которой само по себе наличие подписи под условиями или «галочки» под отдельными элементами соглашения (о приобретении дополнительных услуг) не свидетельствует о том, что данная подпись была получена в порядке свободного волеизъявления и о наличии у потребителя возможности отказаться от данного условия.

Он относит к обстоятельствам, очевидно свидетельствующим о том, что согласие потребителя было явно и осознанно выраженным, в частности, следующие условия: потребителем получена полная и достоверная информация о товаре (услуге); и в веб-форме или программном обеспечении отсутствуют заранее проставленные отметки, которые сами по себе порождают возникновение юридически значимых последствий.

Очевидно, что таким образом Роспотребнадзор предпринял попытку защитить потребителей от так называемого «навязывания» дополнительных товаров и услуг. Действительно, многие продавцы в сети часто прибегают к недобросовестным уловкам, вроде неправильных ссылок, мелкого шрифта и так далее, тем самым, подталкивая потребителя к оплате ненужных ему товаров и услуг. Выработанные Роспотребнадзором положения, несомненно, полезны для урегулирования отношений в Интернете, но этого явно недостаточно, так как они носят только информационный характер.

---

¹ Об особенностях click-wrap соглашений: информация Роспотребнадзора от 05.11.2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс»

В целом необходимо признавать действительность соглашений, заключенных по модели click-wrap, так как нажатие компьютерной мышью на кнопку «Я согласен», может выразить проявление согласия на заключение договора. Спорна модель browse-wrap, так как отсутствует возможность ознакомиться с содержанием соглашения, следовательно, отсутствует совпадение воли сторон, необходимое для заключения договора, но говорить о ее недействительности нельзя.

Последним и самым новым являются смарт-контракты. Данный феномен еще до конца не изучен. Одно из определений гласит, что это «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [1, с. 43]. Основной проблемой смарт-контрактов является то, что имплементировать их в законодательство представляется сложной задачей. Применение к ним целого ряда правовых норм вызывает затруднения: например, сделки с пороком воли; отсутствие защиты слабой стороны договора; отказ от договора [2, с. 71]. Такого же мнения придерживаются и за рубежом; некоторые ученые считают, что смарт-контракты смогут преодолеть законодательные препятствия в двух случаях – наличие специального законодательства для них либо существенная модификация самих смарт-контрактов [3, с. 190]. Необходимость модификации, однако, может снизить их преимущества перед традиционными договорами.

Отечественный законодатель принимает факт существования смарт-контрактов, что видно из поправок в нормы Гражданского кодекса. Но вписать их в классическое договорное право сложно, на что обращалась внимание в отрицательном экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Смарт-контракт – это не договор в классическом понимании, на сегодня это форма сделки или обеспечение исполнения обязательства. Как форма сделки смарт-контракт и так урегулирован законодательством (допускается заключение договоров в электронной форме, которая тождественна письменной форме). В сфере исполнения обязательств существует много конкурирующих концепций - исполнение обязательства никогда не является сделкой; исполнение обязательства иногда является сделкой; исполнение обязательства всегда является своеобразной сделкой или сделкоподобным действием. Закреплять в законе одну из конкурирующих концепций нет никакой необходимости. Нет и никакого автоматизированного исполнения обязательства, всегда есть изъявление воли. Совершая соответствующую сделку, условиями которой предусматривается производство исполнения при посредстве программных или аппаратных средств, ее сторона соглашается на такую форму своего волеизъявления при исполнении обязательства, а в некоторых случаях и оказывает воздействие на этот процесс¹.

---

¹ "Экспертное заключение по проекту федерального закона N 424632-7 "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации" (принято на заседании

На первых взгляд, при такой концептуальной не разработанности принимать нормативные акты преждевременно, но очевидно, что независимо от законодательного закрепления, если использование смарт-контрактов будет выгодно с экономической точки зрения, то бизнес-сообщество и без правовых норм будет их использовать в соответствии со свободой договора, закрепленной в ГК РФ.

В заключение отметим, что, во-первых, процессы, связанные с заключением договоров в Интернете, нуждаются в упорядоченности и нормативном регулировании, так как это стабилизирует гражданский оборот, сокращает количество споров; во-вторых, законодатель и судебная система не должны создавать препятствий к использованию такого рода договоров, поскольку в противном случае экономического развития не происходит; в-третьих, необходимо внедрять систему гарантий защиты прав, законных интересов участников договоров, в том числе и с помощью разработки новых технологий, например, идентификации субъектов.

Список литературы

1. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016 - № 3. - С. 32–60.
2. Казакова, Г.В. Примак, Т.К. Смарт-контракты: настоящее и будущее / Г.В. Казакова. Т.К. Примак // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. - №2. – С.69-72.
3. Danielle D'Onfro. Smart Contracts and the Illusion of Automated Enforcement / Danielle D'Onfro // Washington University Journal of Law & Policy. – 2020. - №173. – С.172-192.

УДК 378:37.02

В.Г. Ротань,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета,
Севастополь

V.G. Rotan,
Professor, Doctor of Sciences in Jurisprudence,
Professor of the Department of civil law and procedure
Law Institute
Sevastopol State University

Гражданское законодательство как предмет преподавания (изучения) и научного исследования

Civil legislation as a subject of teaching (study) and scientific research

Аннотация: В статье доказывается, что предметом преподавания (изучения) и исследования должно оставаться законодательство. Однако при этом необходимо перейти от интуитивной его интерпретации в сочетании с оторванным от него преподаванием (изучением) и исследованием гражданско-правовых категорий и понятий к использованию методологических инструментов познания юридического содержания положений гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское законодательство; положения законодательства; юридическое содержание законодательных положений; текстуально закрепленные правовые нормы; логически закрепленные правовые нормы.

Abstract: The article proves that the subject of teaching (study) and research should remain legislation. However, at the same time, it is necessary to move from its intuitive interpretation in combination with the teaching (study) and research of civil law categories and concepts detached from it to the use of methodological tools for understanding the legal content of the provisions of civil law.

Keywords: civil legislation; provisions of legislation; legal content of legislative provisions; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms.

Опыт преподавания и изучения гражданского права, как и опыт его научного исследования, накопленный к настоящему времени, казалось бы, должен быть достаточным для того, чтобы определиться и с предметом преподавания и изучения и с предметом научных гражданско-правовых исследований. Но что-то пошло не так. И нерешенность вопросов, которые тут обозначены, буквально бьет в глаза при чтении учебников гражданского права, и диссертаций, представленных на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по соответствующей юридической специальности, и издаваемых монографических работ. И даже тогда, когда ненормальность ситуации осознается, обосновываются предложения сделать ненормальное, так сказать, еще более ненормальным.

К проблеме гражданского законодательства как предмета, который преподается в учебных заведениях юридического профиля и изучается обучающимися в таких заведениях, и предмета научных исследований обращались, пожалуй, все ученые-цивилисты, издававшие учебники гражданского права или участвовавшие в их подготовке, а также все ученые, защищавшие диссертации. Специально эту проблему осмысливали немногие – Б.И. Пугинский, Д.Н. Сафиуллин, Е.А. Суханов, В.А. Белов, С.В. Третьяков.

Целью настоящей статьи является попытка убедить читателей в необходимости смещения центра тяжести в изучении и исследовании гражданского права в сторону законодательства. Это – банально. Это – немодно. Это – вопреки мнению тех, кто имеет возможность высказаться

громче. Но это – добросовестный, свободный от какого-либо постороннего влияния поиск истины, той истины, потребность в которой велика особенно.

Д.И. Мейер, которого Е.А. Суханов назвал родоначальником российского гражданского права [1, с. 55], выделял в науке гражданского права три элемента – исторический, догматический и практический [2, с. 47]. Нетрудно заметить, что здесь догматический элемент среди других элементов поставлен в центре. При этом под догматическим элементом Д.И. Мейер понимал изложение законов, регулирующих имущественные отношения [2, с. 48].

Подобным был и подход Г.Ф. Шершеневича, который выделял историческое, догматическое, социологическое и критическое направления гражданского правоведения, а под догматическим направлением понимал систематическое изложение норм гражданского права [3, с. 13-15].

Такой подход предполагает две цели обучения праву: 1) дать знания о положительном праве (дать возможность обучающемуся набрать эрудицию); 2) научить умению и навыкам работать с источниками права, как минимум, на 90 процентов – с гражданским законодательством. Что касается изучения гражданско-правовых категорий и понятий, то это отнюдь не цель, а освоение средств, с помощью которых юрист работает с нормативными текстами.

Очевидно, под влиянием немецкой науки гражданского права это не подвергалось сомнению в дореволюционной России, хотя в Европе во второй половине XIX века ветер дул уже в противоположную сторону. Не было сомнений на этот счет и в советское время. В постсоветское время С.С. Алексеев применительно к праву вообще сформулировал мысль, в соответствии с которой позитивное право в виде объективированных юридических реалий – догма права стала основой правовых знаний, исконным предметом юридической науки [4, с.152-153]. Такой подход к пониманию места гражданского законодательства в системе юридического образования и юридической науки сохранился и в настоящее время. Так, Н.Д. Эриашвили в предисловии к одному из учебников гражданского права пишет: «Систематика изложения учебного курса существенно приближена к структуре Гражданского кодекса Российской Федерации. Как показывает многолетний опыт преподавания, такой подход позволяет с большим успехом последовательно усваивать подотрасли и основные институты гражданского права в неразрывной связи с гражданским законодательством, наукой гражданского права и правоприменительной практикой [5, с. 6].

Этот подход основывается на разработанных Р.ф. Иерингом научных положениях, в соответствии с которыми юриспруденция (в контексте изложения автора, – юридическая наука) начинается с толкования, которое является «первым приемом, используемым по отношению к сырому материалу закона» [6, с. 358]. Далее осуществляется восхождение на более высокие ступени познания права.

Е.В. Васьковский использовал метод такого восхождения в главе «Догматическая переработка» своей книги [7, с. 391-446]. И это представляется в высшей мере правильным, а главное – плодотворным. В.А. Белов, однако, пришел к выводу о том, что Е.В. Васьковский описал «юридическую научную

деятельность в ее традиционном понимании», то есть путем формирования абстрактных категорий и понятий на основе законодательных норм [8, с. 138]. Я так понял В.А. Белова, что он полагает, что Е.В. Васьковский в упомянутой главе показал, как не надо делать.

Образцом В.А. Белов признает подход Б.И. Пугинского и Д.Н. Сафиуллина, которые критически оценили ситуацию, при которой «предметом исследования науки и «ядром» преподавания в юридических вузах, по сути, остается право, отождествляемое с системой норм [9, с. 14]. Указанные авторы, справедливо упрекают юридическую науку в проведении «антиделовой традиции», в оторванности от жизни. Но они решили, что эти недостатки юридической науки возможно преодолеть, если перестать «плясать от нормативной печки» [9, с. 137].

Развивая антинормативистский подход к изучению и исследованию гражданского права, В.А. Белов пришел к выводу о том, что предметом университетского изучения должны стать, «в первую очередь, гражданско-правовые категории и методы (приемы) оперирования с ними (Общая часть гражданского права): лишь после этого можно приступить к изучению отдельных гражданско-правовых институтов (Особенная часть), но безотносительно к содержанию современного ему (очевидно, - изучению. – В.Р.) законодательства, а в том виде, в котором они сконструированы юридической наукой» [10, с. 103]. Нечто подобное, правда, гораздо менее радикальное, ранее высказывал Е.А. Суханов: «Предметом обучения должно стать правоведение, а не законоведение... Это означает, что основой преподавания гражданского права должны стать не только конкретные нормы закона, а прежде всего цивилистические понятия и конструкции, способы и формы их практического использования...» [11, с. 11]. Несколько позднее Е.А. Суханов высказывает ту же мысль, но «конкретные нормы закона» уже не упоминает: «Для магистратуры целесообразна подготовка особого учебного пособия, в котором содержатся не систематическое изложение основ гражданского права, а прежде всего доктринальные подходы к его основным, наиболее важным подотраслям и институтам, научная оценка современных тенденций законодательного развития в отдельных сферах гражданско-правового регулирования и серьезный анализ сложившейся в них правоприменительной практики» [1, с. 18]. Но разве не изучали и не исследовали право по такой методике? Да, изучали же! И получили результат, ну прямо-таки феноменальный. Обучение студентов на первом курсе юридического факультета (института, академии, университета) начинают с изучения фундаментальных категорий и понятий правоведения, а потом повторяют при изучении отраслевых юридических дисциплин. Об этом свидетельствует и содержание последнего учебника гражданского права под редакцией Е.А. Суханова. А результат такой. Во-первых, сам этот монстр – «конкретные нормы закона», или просто «нормы закона», или «законодательные нормы». Ну, какому понятию теории права или науки гражданского права соответствует упомянутый монстр? Да, никакому, потому что это – выведенный в процессе перехода науки гражданского права с языка

научных понятий на птичий язык гибрид положения закона с нормой гражданского права. Как же так – изучали, преподавали и исследовали общетеоретические и гражданско-правовые категории и методы, а в процессе такого изучения, преподавания и исследования удовлетворялись птичьим языком? Во-вторых, как раз упомянутый монстр разрушает грань между законодательством и правом. И напрасно, используя этого монстра, пытаться разграничить нормы гражданского права и положения гражданского законодательства, средством отграничения которых (правовых явлений) они (категории) являются. Это – тупик.

Покажем это на конкретных примерах. В соответствии с п. 1 ст. 406.1 ГК «стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим согласием предусмотреть обязанность одной стороны возместить потери другой стороны...». А.Г. Карапетов комментирует это законодательное положение следующим образом: «В силу указанных положений условие о возмещении потерь не может быть согласовано, если хотя бы одной из сторон договора является гражданин, не выступающий в качестве предпринимателя» [12, с. 744]. В.А. Белов пишет о том, что правовую норму из законодательных положений надо сконструировать [8, с. 134]. О том, же писал и Р.Ф. Иеринг (толкование «должно быть всегда первым приемом», используемым юриспруденцией «по отношению к сырому материалу закона») [6, с. 358]. А.Г. Карапетов прекрасно знает и категорию правовой нормы, и понятия гипотезы и диспозиции. Но он не конструирует правовую норму, как тому учит В.А. Белов, и не использует приемы толкования для обработки сырого материала закона, как тому учил Р.Ф. Иеринг. Он берет «указанные положения» (из контекста процитированного выше фрагмента данного А.Г. Карапетовым комментария явствует, что под «указанными положениями» он понимает именно приведенное выше положение п.1 ст.406.1 ГК) как «сырой материал закона», и в таком виде (без конструирования на его основе правовых норм) разъясняет, как этот «сырой материал» применять.

Такая, с позволения сказать, методология дала следующий результат. В «указанных положениях» текстуально закреплена правовая норма, гипотеза которой охватывает отношения, возникающие между сторонами, которые (обе) осуществляют предпринимательскую деятельность, и при осуществлении такой деятельности, а диспозиция предоставляет указанным сторонам права согласовать условие о возмещении потерь. А.Г. Карапетов утверждает, что «указанные положения» не разрешают, а запрещают согласовывать условие о потерях. И распространяются «указанные положения», по А.Г. Карапетову, не на отношения, складывающиеся при осуществлении предпринимательской деятельности, а на отношения, в которых хотя бы одной из сторон является гражданин, не выступающий в качестве предпринимателя. Я не буду далее анализировать п. 1 ст. 406.1 ГК. Это сделал другой автор [13]. И вернусь к теме своей статьи.

Приведенный пример показывает результат изучения гражданско-правовых категорий и понятий безотносительно к современному ему (изучению) гражданского законодательства (описанная выше идея

В.А. Белова): ученый (А.Г. Карапетов) отлично владеет гражданско-правовыми категориями и понятиями, превосходно знает комментируемое им законодательное положение, прекрасно видит те общественные отношения, на которые это положение распространяется, но комментарий дает без использования указанных категорий и понятий. Вместо того, чтобы обратиться к правовым нормам, текстуально и логически закрепленным в п.1 ст. 406.1 ГК, определить их гипотезы (сферы действия) и диспозиции, выявить конкурирующие правовые нормы, определить их соотношение с правовыми нормами текстуально и логически закрепленными в п.1 ст. 406 ГК (являются ли они совместимыми или не совместимыми и как разрешаются коллизии между ними), уважаемый ученый комментирует «указанные положения» закона.

Содержание п. 1 ст. 426 ГК хорошо известно, поэтому я не буду здесь его воспроизводить. Но комментарий В.А. Белова к этому законодательному положению приведу: «Возможно ли в такого рода высказываниях заменить слово «должна» словом «обязана» (в смысле «несет юридическую обязанность»), а слова «может исходить из того» - словом «вправе требовать» (имеет субъективное право)? Ответ на первый вопрос столь же спорен, сколь однозначен и несомненен ответ на вопрос второй, - ни в коем случае! Ни о каком «субъективном праве всякого и каждого требовать заключения публичного договора» не может быть и речи» [10, с. 327]. Какой-либо спор по поводу наличия обязанности заключить публичный договор и корреспондирующего этой обязанности субъективного права вообще исключается при наличии в абзаце втором п. 3 ст. 426 ГК указания на возможность понуждения лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, к заключению публичного договора (с учетом ссылки в п. 3 ст. 426 ГК на п. 4 ст. 445 ГК). Да и содержание абзаца первого п. 3 ст. 426 ГК достаточно определенно указывает на обязанность лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, заключить публичный договор, и корреспондирующее этой обязанности субъективное право. И если это оспаривается, то причина этого в том, что, призывая к переносу центра тяжести в изучении и исследовании гражданского права на правоотношения и последующие стадии правового регулирования, В.А. Белов и его единомышленники по существу предлагают и на будущее законсервировать сложившуюся ситуацию. А суть этой ситуации выше охарактеризована. Это – фрагментарное понимание юридической наукой, а соответственно – и юридической практикой нормативной основы правового регулирования.

На примере п.1 ст.426 ГК указанная ситуация выглядит так. В этом пункте текстуально непрямо закреплена правовая норма. Такой способ закрепления правовых норм в науке не исследуется. Но интуитивно ощущается, что такое явление как не прямое закрепление правовых норм, их гипотез и диспозиций, их фрагментов существует. Поэтому В.А. Белов на одной странице одного из своих произведений трижды употребляет слово «прямо» (предусматривается законом) или «прямое» (указание закона) [14, с.75]. Обращает В.А. Белов внимание и на то, что определенная диспозиция из закона может «вытекать» (в соответствующих грамматических формах). Иногда взятое

в кавычки слово заменяется более изящным словом «следовать» (ст.7, 60, 165.1, 168, 173.1, 181.3, 358.1 ГК). Когда правовая норма, ее структурная частица или отдельный фрагмент правовой нормы текстуально закрепляются в законе непрямо (вытекают или следуют из него), для их текстуального формулирования требуется грамматическое преобразование законодательного текста. Грамматическое преобразование, конечно же, затрагивает и логическую структуру преобразуемого текста. Поэтому В.А. Белов пишет о «логическом» преобразовании им п.1 ст.426 ГК [10, с.326]. Мы предпочитаем термин «грамматическое» (преобразование), поскольку термин «логическое» (преобразование) целесообразно прибегать для последующих операций, направленных на выявление всего юридического содержания законодательных (нормативных) положений.

В диспозиции правовой нормы, текстуально непрямо закрепленной в п.1 ст.426 ГК, предусматривается, что индивидуальный предприниматель или коммерческая организация «должны осуществлять в отношении каждого, кто к ним обратится», соответствующую деятельность по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг. «Должны» («должно»), вне всякого сомнения, в законодательных текстах означает ничто иное как «обязаны» («обязано»).

Из формулировки п.1 ст.426 ГК, обязывающей предпринимателя или коммерческую организацию осуществлять деятельность по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг в отношении каждого, кто к ним обратится, при толковании обнаруживается логически закрепленная в этом законодательном положении правовая норма, в соответствии с диспозицией которой индивидуальный предприниматель или коммерческая организация обязаны заключить с покупателем, заказчиком соответствующий договор. Эта правовая норма, точнее, - ее диспозиция, обнаруживается при толковании при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему: раз соответствующее лицо обязано каждому, кто к нему обратится, продать товар, выполнить работу, оказать услугу (последующее правовое явление), оно также обязано и заключить договор. Что касается права на приобретение товара, получение результата работы, на получение услуги, то оно логически закреплено в п.1 ст.426 ГК.

Обязанности, если она установлена нормой прямого действия, корреспондирует субъективное право, иначе правовое регулирование становится невозможным. Право регулирует общественные отношения, а поведение людей оно регулирует лишь постольку, поскольку это поведение осуществляется в общественных отношениях. Если же речь будет идти о поведении, а более широко – о деятельности Робинзона Круза на необитаемом острове, то там правовое регулирование невозможно. Так же логически (как и право на приобретение товара, результата работы, на получение услуги) закреплено в п.1 ст.426 ГК и субъективное право на заключение публичного договора.

Правда, в гражданском праве встречаются субъективные права, которым не корреспондируют обязанности. Есть и обязанности которым не

корреспондируют субъективные права. Но это – исключение из правила. Правилom же является корреспонденция между субъективным правом и обязанностью. Поэтому диспозиции правовых норм, как правило, являются сложными (включают в себя формулировки и права и обязанности), но едиными. С этой точки зрения общепринятое выделение управомочивающих, обязывающих и запрещающих норм [15, с. 66] не может быть признано правильным, ибо основная масса правовых норм являются управомочивающе-обязывающими, а запрет – это разновидность обязывания (к пассивному поведению, обязывание к воздержанию от действий).

Таким образом, гражданское законодательство должно являться предметом преподавания (изучения) и предметом юридических исследований. Но это не признается. Более того, предлагается вообще отойти от нормативной основы, сместить центр тяжести юридических исследований на правоотношения, субъективные права, юридические обязанности, их осуществление и выполнение, на защиту права, то есть на то, что находится в сфере правопорядка. Да никто и не возражает против строительства этого дома наукой гражданского права. Стройте, уважаемые строители. Только не забывайте об исследовании фундамента, каковым является гражданское законодательство. А его – то вы изучили на одну треть. И сколько ни повторяйте слова о системно-структурном методе, который вы используете уместно и неуместно, ни системы ни структуры не выйдет, поскольку вы забыли о фундаменте.

Список литературы

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2019. Т.1. Общая часть. – 576 с.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
4. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут. 1999. – 712 с.
5. Гражданское право. В 2 ч. Ч.1: учебник / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 543 с.
6. ф.Иеринг Р. Избранные труды. В 2 т. Т.II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с.
7. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
8. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт – Издат, 2007. 993 с.
9. Пугинский Б.И., Сафиулин Д.Н. Правовая экономика. Проблемы становления. – М.: Юридическая литература, 1991. – 240 с.
10. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1. Введение в гражданское право. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
11. Суханов Е.А. Преподавание гражданского права в современных условиях / Сборник научно-методических материалов по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. С.4-16.

12. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

13. Онищенко В.В. Вывод a contrario как одно из логических средств толкования положений гражданского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т.6 (72). - №1. С.147-155.

14. Белов В.А. Гражданское право. Т.IV. Относительные гражданско-правовые формы. – М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.

15. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т.II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.

УДК 347.45/.47

А.В. Руденко,
старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права
Юридического факультета
Таврической академии
(структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Симферополь

A.V. Rudenko,
Senior Lecturer,
Department of Civil and Labor Law,
Faculty of Law, Taurida Academy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol
e-mail: Yaltinka88@ukr.net

Определение абонентского договора как самостоятельной гражданско-правовой конструкции

Definition of a subscription agreement as an independent civil legal structure

Аннотация. Автором статьи рассматривается вопрос определения места и функционального назначения договора с исполнением по требованию (абонентского договора). Отдельные характеристики и условия данного вида договора до сих пор вызывают у ученых-цивилистов разногласия в связи с его кратким описанием в законодательстве. Автор также высказывает свою точку зрения, рассматривая абонентский договор в сравнении с отдельными видами договоров и анализируя это сравнение.

Ключевые слова: *договор с исполнением по требованию, абонентский договор, договор купли-продажи, договор подряда, договор возмездного оказания услуг, расторжение договора, срок договора.*

Annotation. The author of the article discusses the issue of determining the place and functional purpose of the contract with execution on demand (subscription contract). Certain characteristics and conditions of this type of contract still cause disagreements among civil scientists in connection with its brief description in legislation. The author also expresses his point of view, considering the subscription agreement in comparison with other contracts and analyzing this comparison.

Key words: *contract with performance on demand, subscription contract, purchase and sale contract, contract for work, contract for the provision of services for compensation, termination of the contract, term of the contract.*

В современных условиях жизни необъятность правоотношений характеризуется не только основополагающими принципами о свободе договора и беспрепятственного осуществления гражданских прав, но и широким спектром предложений на рынке гражданских сделок. Часть договоров, перенятая российским законодателем и имплементированная в национальное поле или даже та, которая еще не была урегулирована, но довольно активно прижилась и нашла свою область потребителей, нуждается в обозначении ее места и закрепления в законодательстве, а также, как любое из развивающихся правоотношений, требует своевременного нормативного описания. К одним из таких договоров можно отнести договор с исполнением по требованию или, как его еще называют, абонентский договор.

Изначально законодательное регулирование подобного договора осуществлялось на основе падектности системы гражданско-правовых отношений, а именно п.1 ст. 8, п. 2 ст. 421 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Однако, «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации», одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009, которая была подготовлена на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», хоть и прямо не предусматривает введения дефиниции договора с исполнением по требованию, однако рекомендации по анализу существующих пробелов и их внедрения в поле гражданско-правовых отношения содержит. Благодаря стремительному развитию информационных сетей, в 2015 году в ходе реформирования ГК РФ появляется новая дефиниция - в ст.429.4 указывается, что абонентский договор - это такой вид договора, который предусматривает внесение абонентом периодических платежей или иного предоставления за право требовать от исполнителя предоставления определенных услуг, которые вытекают из договора или определены абонентом. Данный договор используется во многих сферах жизнедеятельности современного общества, например, услуги кабельного телевидения или сотовой связи, оказание услуг консультанта по спортивным тренировкам, услуги систематического доступа до базы данных библиотеки или акватории бассейна.

На доктринальных просторах существует точка зрения, что абонентским может быть, по сути, любой договор, предусмотренный ГК РФ. Однако, подобное утверждение может считаться спорным. Например, не представляется возможным заключение абонентского договора купли-продажи. Рассмотрим данный пример на основе договора энергоснабжения как одного из видов договора купли-продажи и такого схожего на первый взгляд по терминологии. По договору энергоснабжения абонент должен заплатить за использованное количество энергии, которое фиксируется установленными средствами учета. То есть абонент, не воспользовавшись определенным видом энергии, может и не осуществлять платеж за расчетный период. В свою очередь плата по абонентскому договору взимается обязательно, вне зависимости от того, воспользовался потребитель обозначенной услугой или же нет (п. 2 ст. 429.4 ГК РФ). При этом может ввести в заблуждение тезис о том, что законом или соглашением сторон может быть предусмотрена оплата энергии не только в соответствии с данными учета энергии (например, тариф оплаты потребленной воды из расчета количества зарегистрированных граждан в жилом помещении, устанавливается городским или региональным правительством).

Представляется, что договор с исполнением по требованию относится к договору возмездного оказания услуг. Значение услуг зависит непосредственно от деятельности исполнителя и не является материальным объектом. Однако, также не представляется возможным заключение абонентского договора подряда, поскольку по правовой природе последнего, его объектом является та работа, которая определена в договоре и имеет вещественную форму, иначе говоря - это переработка или изготовление определенной вещи. Договор подряда предполагает достижение того результата, который изначально был определен сторонами в момент его заключения. Исходя из законодательной конструкции абонентского договора, не представляется необходимым составление сметы, установление цены на работу и способ ее определения, в отличие от договора подряда, в котором, как показывает практика, оплата производится именно после выполнения предусмотренной договором работы. В том случае, если оплата выполненной работы будет производиться в промежуточный период, то отличие абонентского договора от договора подряда будет обозначена в том, что такие элементы, как порядок приемки, отражение недостатков выполненной работы, процесс исправления указанных недостатков в абонентском договоре отсутствуют. Законодатель предусматривает договор субподряда, а, следовательно, процесс выполнения услуг не связан с личностью подрядчика.

Так же не может не вызвать дискуссию вопрос о сроках действия абонентского договора. Анализируя научную литературу по данному вопросу можно обнаружить одно крайне противоречивое мнение. Нередко отождествляется абонентский договор с договором по оказанию услуг онлайн фитнес-студий. Данные общества предоставляют бессрочные абонементы, следовательно, можно было бы утверждать, что абонентский договор является бессрочным. Однако Кушнарченко Д. указывает на то, что подобные студии могут закрыться в силу отсутствия тренеров или иных обстоятельств, а,

следовательно, действие договора прекратиться [2]. Тем самым автор утверждает, что абонентский договор не может являться бессрчным. Однако, ознакомившись с данной точкой зрения, моментально возникает вопрос - корректно ли отождествлять понятия ненадлежащего исполнения договора или неисполнение обязательств в силу независящих от исполнителя факторов со сроком договора. Представляется, что такое смешение понятий подобных невозможно и противоречит существу гражданско-правовых отношений. В том случае, если обязательства по договору были не надлежаще исполнены или не исполнены вовсе, то ответственность исполнитель будет нести на основании одностороннего расторжения договора.

Далее может возникнуть вопрос об установлении в абонентских договорах условий о праве исполнителя приостановить исполнение обязательства, установленного договором, до момента получения предоплаты от абонента. Предполагается, что в описанной ситуации исполнитель освобождается от права требования оплаты со стороны абонента за период приостановления выполнения своих обязательств. Однако, на практике все же некоторые виды договоров реализуются с некоторыми особенностями. Например, договоры в области оказания услуг телефонной мобильной связи. Исполнитель может не приостанавливать оказание услуг даже после просрочки абонентом очередного платежа, при этом подобный вариант развития событий возможен лишь до достижения определенного минимума. Встречаются такие договоры, которые предусматривают, что абонент имеет право заявления требования о приостановлении оказания ему услуг, и в том случае, если оказание данных услуг ему не представляется необходимым, в таком случае исполнитель должен вернуть неизрасходованные денежные средства или удержать их на своем счете до заявления абонента о восстановлении предоставления услуги.

Однако, одним из основных является вопрос расторжения абонентского договора исполнителем в том случае, если абонент просрочил внесение абонентской платы. Законодательно данный вопрос не урегулирован, следовательно, это и порождает на практике различные варианты правоприменения. Обоснованной можно считать необходимость законодательного расширения норм об абонентском договоре и положений о том, что по требованию исполнителя договор с исполнением по требованию может быть расторгнут, если абонент не вносит абонентскую плату в течении двух раз подряд по истечении срока, установленного договором. Необходимым так же является закрепления в данной норме требования о том, то исполнитель имеет право досрочного расторжения договора только в том случае, если им было направлено абоненту письменное предупреждение о необходимости исполнения обязательства в срок. Считаем, что данная норма должна носить диспозитивный характер.

В настоящее время активно ведутся споры о правовой природе абонентского договора, ряд ученых сравнивает данный вид договора с рамочным. Представляется, что данное сравнение может являться лишь антонимичным, ведь рамочные договоры - неимущественные, определяют

общие условия обязательств, в свою очередь, абонентские договоры - имущественные. На практике довольно часто можно встретить смешение сравниваемых договоров. Например, договор оказания консалтинговых услуг. Исполнитель оказывает консультационные услуги, услуги по организации обучения, различных семинаров и тренингов. Абонент в каждом определенном случае обязан делать заявку и описывать ту услугу, которую ему необходимо оказать. Форма оплаты устанавливается в твердой денежной сумме, а так же стоит учитывать факт перерасчета оплаты в случае, например, увеличения объемов заказа. Исходя из приведенного анализа можно прийти к выводу, что данный договор корректней отнести именно к рамочным, а не абонентским.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что абонентский договор - это динамично процветающая на практике, но, к сожалению, недостаточно урегулирована на законодательном уровне правовая конструкция, которая требует большей нормативной детализации с целью осуществления корректного процесса правоприменения.

Список литературы

1. Кирпичев А.Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 2. - С. 51 - 58.

2. Кушнаренок Д. Абонентский договор: особенности и проблематика // https://zakon.ru/blog/2017/5/28/abonentskij_dogovor_osobennosti_i_problematika

УДК 347.63

Е.С. Сагалаева,
доктор философских наук,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
С.Н. Ивахненко,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет

E. S. Sagalaeva,
doctor of philosophy,
candidate of law, associate Professor,
Professor of the Department of civil law and procedure

law Institute
Federal STATE Autonomous educational institution "North-Caucasian Federal
University
e-mail: 9624390000@mail.ru
S. N. Ivakhnenko,
candidate of law, associate Professor,
associate Professor of the Department of civil law and procedure
law Institute
Federal STATE Autonomous educational institution "North-Caucasian Federal
University
e-mail: lana.iva.m@mail.ru

**Содержание и проблемы реализации права ребенка
жить и воспитываться в семье**

**Content and problems of realization of the child's right
to live and be brought up in a family**

Аннотация: в статье раскрывается содержание права ребенка жить и воспитываться в семье через призму рассмотрения сущности таких прав детей, как: право ребенка знать своих родителей; право на заботу со стороны родителей; право на совместное проживание с ними, а также выявляются, связанные с этим, проблемы реализации и защиты права ребенка жить и воспитываться в семье.

Ключевые слова: права ребенка, воспитание, семейное воспитание, надлежащее воспитание, содержание прав, реализация прав.

Abstract: the article reveals the content of the right of the child to live and grow up in a family through the prism of the consideration of the nature of such children's rights as: the right of the child to know their parents; right to be cared for by parents; the right to live with them, and identifying related problems of realization and protection of the right of the child to live and grow up in a family.

Key words: child rights, education, family education, proper rearing, the content of the rights, the exercise of the rights.

Семейное законодательство регламентирует приоритет семейного воспитания детей (ст. 1 СК РФ), закрепляет право ребенка жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ), а при невозможности реализации данного права отдает предпочтение таким формам устройства, как: усыновление (ст. 124-144 СК РФ), приемная семья (ст. 152 – 153.2 СК РФ), опека (попечительство) (ст. 145, 146, 148, 148.1 СК), приближенным к семейному воспитанию.

В настоящее время актуальным является вопрос реализации права ребенка жить и воспитываться в семье, для решения которого, прежде всего, необходимо четкое понимание определения семейного воспитания детей, а также содержания права ребенка жить и воспитываться в семье на законодательном уровне.

Правам детей, их защите, всегда придавалось огромное значение и уделялось особое внимание. На протяжении последнего столетия были приняты

такие важные правовые акты, как: Женевская декларация (1924 г.); Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Декларация прав ребенка (1959 г.); Хартия прав человека (1966 г.), Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.); Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.); Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.) и другие.

На уровне Российской Федерации, помимо Конституции РФ, Семейного кодекса РФ и иных законов (ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.), ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.), ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (1996 г.), ФЗ «Об опеке и попечительстве» и др.), в целом регламентирующих и гарантирующих защиту материнства и детства, в том числе защиту прав детей, в последние годы было разработано немало количество в данной сфере юридических документов, таких как: Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы, Стратегия развития воспитания до 2025 года, Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года, что говорит о значимости данного института для государства, а также является одной из составляющих механизма реализации права ребенка жить и воспитываться в семье.

Анализируя российскую и международную нормативно-правовую базу, содержание права ребенка жить и воспитываться в семье составляют следующие права: право ребенка знать своих родителей, право на заботу со стороны родителей, право на совместное проживание с ними (ст. 7 Конвенции ООН, ст. 54 СК РФ).

В свою очередь все вышеперечисленные права также имеют свое содержание и состоят из определенных правомочий, которые четко не закреплены, но все же в большей либо меньшей степени отражены на законодательном уровне.

Право знать своих родителей, на наш взгляд, является одним из самых неоднозначных с точки зрения его понимания и ограниченных, в первую очередь рамками закона.

Так, с одной стороны, оно может выражаться в праве ребенка, воспитывающегося одинокой матерью, знать своего отца, путем установления отцовства в судебном порядке. В данном случае, как закон, так и действия должностных лиц компетентных органов, а также законных представителей ребенка полностью содействуют и направлены на реализацию данного права ребенка.

С другой стороны, в ситуации, связанной с усыновлением (удочерением), у ребенка нет возможности обратиться в государственные органы с целью выяснения вопросов своего происхождения, усыновления либо удочерения, тем самым реализуя свое право знать своих биологических родителей, так как законодательно закреплена тайна усыновления (ст. 139 СК РФ).

По мнению многих экспертов, психологов, юристов тайна усыновления в первую очередь защищает интересы усыновителей, а не усыновленных детей, за исключением усыновления новорожденных и грудных детей, когда сохранение тайны усыновления логично как в интересах усыновителей, так и в интересах ребенка. Но все же, в некоторых ситуациях бывает жизненно необходимо узнать своих биологических родителей, в случаях, например, понимания своего здоровья, наличия генетических заболеваний. Помимо этого, как правило, документы в органы ЗАГС запрашиваются совершеннолетними гражданами, желающими узнать о своем происхождении, которые по семейному законодательству не являются уже детьми, то есть в данном случае речь даже не идет о защите прав ребенка, но презумпция тайны усыновления распространяется и на эти случаи. На практике, усыновленный может получить от органов ЗАГС сведения о своих биологических родителях только с согласия приемных родителей на это. В случае смерти усыновителей, либо отсутствия их согласия, усыновленному практически невозможно узнать о своем происхождении.

Не смотря на это, в 2015 году Конституционный суд РФ все же признал тайну усыновления не абсолютной, постановив, что смерть усыновителей не прекращает тайну усыновления, но в некоторых случаях усыновленные и их потомки могут получить от государства такую информацию, в частности, если это необходимо для раскрытия генетической истории семьи, выявления и диагностики наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками¹.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сказать о неоднозначном отношении общества к проблеме тайны усыновления, а также о различном понимании содержания и раскрытия права ребенка знать своих родителей, что, безусловно, требует переосмысления и конкретизации на уровне законодательства.

Право ребенка на совместное проживание с родителями подкрепляется и полностью согласуется с положениями гражданского законодательства, закрепляющего местом жительства ребенка место жительства его родителей (ст. 20 ГК РФ).

Помимо этого, с 2019 года дети получили преимущественное право приема в детские сады, а также в начальную школу, в которых обучаются их братья и сестры (абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ), что на наш взгляд видится верным, с позиции интересов, как детей, так и родителей, что, несомненно, в целом способствует укреплению института семьи.

Также в данной статье было конкретизировано, что ребенок имеет право на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов,

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П “По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной” / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70986562/>

всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства (абз. 3 п. 2 ст. 54 СК РФ), что на наш взгляд полностью раскрывает право ребенка на заботу со стороны родителей, прописанное в абз. 1 п. 2 ст. 54 СК РФ.

Таким образом, мы видим тенденцию расширения и уточнения на законодательном уровне содержания права ребенка жить и воспитываться в семье, что, бесспорно, является важной составляющей механизма реализации и защиты данного права.

При этом, говоря о праве ребенка жить и воспитываться в семье, нельзя забывать о том, что воспитание детей, забота об их благосостоянии и развитии, являются не только правом, но и обязанностью родителей (ст. 38 Конституции РФ). Родители не только вправе, но и обязаны воспитывать своих детей (ст. 63 СК РФ). И должны осуществлять воспитание надлежащим образом.

В целом термин «воспитание» является общим и его понимание зависит от области применения. В философском смысле под воспитанием понимается формирование общественно-необходимых отношений к миру, стране, обществу, самому себе. С позиции педагогики процесс воспитания представляет собой выработку устойчивых, допустимых в обществе привычек поведения.

Исходя из данных определений, семейное воспитание, как разновидность воспитания общественного, на наш взгляд, можно сформулировать, как формирование общественно-необходимых отношений не только к миру, стране, обществу, но и к семье как к ячейке общества, а также между членами семьи, путем выработки устойчивых и допустимых не только в обществе, но и в семье привычек поведения.

При этом важно понимать, что для права, для применения правовых норм, значение имеет не столько само определение воспитания, сколько границы дозволенного, допустимого в рамках закона поведения, осуществляемого в ходе воспитательного процесса. Другими словами, важна правильная оценка воспитания как надлежащего, либо ненадлежащего, что в свою очередь, в соответствии с законодательством, может повлечь определенные юридические последствия для родителей (законных представителей).

На сегодняшний день понятие надлежащего воспитания на уровне законодательства не закреплено, как и не определены четкие критерии надлежащего и одновременно ненадлежащего воспитания, что, на наш взгляд, является неверным и в свою очередь затрудняет реализацию, а также защиту права ребенка жить и воспитываться в семье, так как бесспорно, что формулируя данное право ребенка, законодатель исходит из понимания воспитания, как надлежащего, основанного на осуществлении родителями своих прав (обязанностей), предусмотренных ст. 63-64 СК РФ, в интересах ребенка, исключая при этом пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление и эксплуатацию детей (п. 1 ст. 65 СК РФ).

Исходя из этого, под надлежащим воспитанием ребенка следует понимать осуществление родителями (законными представителями) прав (обязанностей),

предусмотренных семейным законодательством, а именно их заботу о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, включая их обязанность по обеспечению получения детьми общего образования, ограниченных в интересах ребенка пределами осуществления родительских прав, о которых говорилось выше.

На наш взгляд, в целях усовершенствования и эффективности механизма реализации и защиты права ребенка жить и воспитываться в семье, необходимо на законодательном уровне закрепить понятия «воспитание», «семейное воспитание», «надлежащее воспитание», обозначив тем самым рамки надлежащего, а также ненадлежащего воспитания.

С этой же целью, видится правильным и необходимым продолжать процесс, сопряженный с конкретизацией самого понятия и содержания права ребенка жить и воспитываться в семье.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00567

УДК 340.131

A.S. Tarasov,
старший преподаватель, б/с
кафедры конституционного и административного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань

A.S. Tarasov,
Assistant professor
Kazan Federal University
Kazan
e-mail: ASTorkzn@mail.ru

К вопросу о месте постановлений Конституционного Суда в системе источников Российского права.

Question about the place of decisions of the Constitutional Court in the system of sources of Russian law.

Аннотация: Основной целью исследования является изучение постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, путем выявления характерных черт.

Ключевые слова: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, судебный прецедент Конституционного Суда Российской Федерации.

Abstract: The main objective of the study is to examine legal decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, by identifying characteristics.

Keywords: The legal decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, legal precedent of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Согласно действующему законодательству под постановлениями Конституционного права понимаются все разновидности данного вида решения. Под источником права понимается способ выражения правовых норм.

В отечественной науке отсутствует целостная концепция исследования места и роли постановлений Конституционного Суда в правовой системе Российской Федерации, по этому поводу встречаются лишь отдельные высказывания, не сопровождающиеся развернутой системой аргументации.

Однако, по мнению автора, нельзя недооценивать акты суда, так как в них содержится правовая позиция Конституционного суда, необходимая для осуществления контрольной функции.

По мнению М.А. Митюкова, сама практика органов государственной власти уже *de facto* придает итоговым решениям и определениям "с позитивным содержанием" характер нормативных актов[1, с. 16]. Л.В. Лазарев отмечает, что постановления Суда придают свойства, присущие нормативным актам, ибо такие акты направлены не только на установление, но и на изменение и отмену норм права или на изменение сферы их действия [2, с. 47]. Во-первых, итоговые решения Конституционного Суда России имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же общее значение¹; во-вторых, они, так же как и нормативные акты, рассчитаны на многократность применения[3, с. 54]; в-третьих, особые полномочия по проверке конституционности нормативных актов и толкованию Конституции РФ и иных нормативных актов позволяют говорить о том, что Суд способен своими решениями создавать правовые нормы[4, с. 3-5]; в-четвертых, так же как и нормотворческий орган, Суд через свои решения оказывает воздействие на правовую систему в целом.

В отличие от иных значимых судебных решений, например от актов пленума ВС РФ, постановление Конституционного суда РФ является обязательным для применения всеми субъектами права без исключения, что роднит его с правовыми нормами. Суды обязаны руководствоваться выводами КС при принятии решений. Законодательные органы обязаны приводить нормы права в соответствие с позицией КС.

Несмотря на то, что постановления КС не содержат норм права как таковых, в юридической литературе признают их источником права, так как роль постановлений Конституционного суда РФ в формировании законодательства очень велика. Они оказывают значительное влияние на законодательство, удаляя из него несовершенные нормы, противоречащие

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 1998 г. N 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. N 5.

Конституции. Схожесть с нормами права также заключается в непосредственном действии содержащихся в постановлениях КС выводов.

Немаловажным фактором для отнесения постановлений Конституционного суда Российской Федерации к источникам Российского законодательства является и то, что решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов государственной власти.

Решение Конституционного Суда РФ (постановление и определение) - это правовой акт, изданный органом государственной (судебной) власти, содержащий конкретные правовые нормы и принципы, распространяющийся на всю территорию Российской Федерации, являющийся обязательным для исполнения всеми представительными, исполнительными и судебными органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами, гражданами и их объединениями, обладающий важнейшими юридическими качествами неоспоримости, неотменяемости, окончательности, непосредственности действия и немедленного приведения в исполнение с момента его принятия. Неисполнение или ненадлежащее исполнение решения Конституционного Суда РФ либо воспрепятствование его исполнению влечет установленную федеральным законодательством ответственность. Законодательные и иные органы государственной власти Федерации и ее субъектов, уполномоченные принимать законы и другие правовые акты, не имеют права воспроизводить в принимаемых ими актах нормы, признанные Конституционным Судом РФ неконституционными. Более того, указанные органы обязаны выявлять в ранее принятом законодательстве положения, признанные неконституционными, и отменять их в установленном порядке.

Некоторые авторы определяют решения Конституционного Суда как форму выражения официальной конституционной доктрины[5, с. 64].

Правовая доктрина, в том числе конституционная, понятие многогранное применительно к анализу правовой системы. Это и правовые теории, и авторитетное мнение ученых-юристов по правовым вопросам, и признанные научные труды в области права и государства, и комментарии законодательства. Однако конституционная доктрина формируется лишь совокупностью решений Конституционного Суда.

Чаще всего в научной литературе решения Конституционного Суда РФ и содержащиеся в них правовые позиции рассматриваются как судебные прецеденты (Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев [6, с. 52], Б.С. Эбзеев [7, с. 6,7], Г.А. Гаджиев [8, с. 18],

Понятие прецедента, равно как и любого другого источника права, весьма сложное и многостороннее. Оно отражает исторические, социальные, политические и иные традиции и специфические условия существования той правовой среды, в пределах которой прецедент возникает и функционирует, и в то же время в значительной степени зависит от них. В каждой национальной правовой системе и правовой семье имеют место свои особенности судейского права и, соответственно, судебного прецедента, а нередко - свое собственное

представление о том, что собой представляет судебный прецедент. Поэтому говорить о том, что российский прецедент должен быть точной копией, скажем, английского "классического" прецедента, безусловно, ошибочно, и опыт применения прецедента в разных странах убедительно доказывает это [9,с.106].

Следовательно, не относясь в полной мере ни к одному из существующих источников права (официально признанных и формально не признанных), постановления Конституционного Суда РФ вбирают в себя те или иные их черты (признаки), становясь самостоятельным источником права. С.А. Карапетян в своей работе указывает на то, что решения Конституционного Суда выступают как особенный национальный источник конституционного права [10,с.50].

Таким образом, Конституционный Суд способствует развитию общих представлений о праве, в том числе об источниках права. Если решения Конституционного Суда РФ признаются источниками права, то следует обратиться к вопросу о месте этих решений в общей системе источников права в России. Наличие особых последствий принятия, юридической силы и объема решений Конституционного Суда придает этому правовому явлению относительно независимое, новое и уникальное качество.

Поскольку формой этого источника права является судебное решение, оно, безусловно, приближает его к судебному прецеденту, что позволяет использовать положения доктрины судебного прецедента в отношении постановлений Конституционного суда России. В то же время специфика деятельности органа конституционного правосудия проявляется в том, что правовые нормы, содержащиеся в таком решении, по сути, всегда направлены на толкование смысла конституционных положений. Таким образом, можно констатировать появление особого источника права, который называется «конституционный прецедент».

Согласно определению Н.А. Вересовой под "конституционным прецедентом" понимается судебное решение, принимаемое в порядке конституционного судопроизводства специализированным органом конституционного контроля, характеризующееся наличием таких признаков, как общеобязательность, окончательность, непосредственное действие и непреодолимость, составная часть которого имеет нормативно-правовое значение, заключающееся в толковании конституционного акта [10, с. 79]. Данная дефиниция, несомненно, заслуживает особого уважения за внедрение новой правовой категории в систему источников российского права. Однако само понятие прецедента не может употребляться ко всем решениям Конституционного Суда без исключения, к тому же нельзя упускать из виду такие важные признаки судебного прецедента как публичность и неоднократность применения. Нормативно-правовое значение конституционного прецедента заключается не только в истолковании конституционного акта, но и в разрешении правовой коллизии посредством отмены либо формирования правовых норм. С учетом изложенных уточнений понятие "конституционный прецедент" присуще исключительно

постановлениям Конституционного Суда и определениям "с позитивным содержанием".

Следовательно, "конституционный прецедент" можно определить как особый источник права, представляющий собой такие решения Конституционного Суда России, которые обладают признаками общеобязательности, окончательности, непреодолимости, непосредственного действия и незамедлительного опубликования в официальных изданиях, содержащие нормативные положения и характеризующиеся неоднократностью применения, направленные на разрешение конституционно-правовых споров. Формирование конституционного прецедента в России является правовой реальностью и требует не только теоретического признания, но и официального придания ему государством статуса легального источника права. Ведь такой новый и эффективный источник права, несомненно, будет способствовать обогащению как теории источников, так и самого российского права¹.

Независимо от обозначения (названия) источника права постановления Конституционного Суда РФ являются особым источником, порождающим новые юридические нормы, создавая тем самым своеобразный самостоятельный канал правообразования, являясь ответной реакцией на возникновение новых общественных отношений. Данный источник права, безусловно, влияет на укрепление российской государственности, развитие федерального и регионального законодательства и обеспечивает в конечном итоге верховенство Конституции на всей территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Митюков М.А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. - 2001. - N 6. - С. 16
2. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. - М.: Формула права, 2006. - С. 47.
3. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: Дисс. канд. юрид. наук. - Пенза, 2004. - С. 54.
4. Марокко Н.А. О правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. - 2006. - N 6. - С. 3-5.
5. Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 1997. N 3. - С. 64.
6. Лазарев Л.В. Указ. соч. С. 52.
7. Эбзеев Б.С. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы. Обзор научно-практической конференции // Государство и право. - 1997. - N 5. - С. 6, 7.
8. Гаджиев Х. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и жизнь. - 2000. - N 26. - С. 18.
9. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. N 6. С. 106.

---

¹ Линская Ю.В. Судебный прецедент как источник конституционного права // Конституционное и муниципальное право. - 2006. - N 5. - С. 16.

10. Карапетян С.А. Источники конституционного права Российской Федерации: Дисс. канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 1998. - С. 50.
11. Вересова Н.А. Конституционный прецедент в странах романо-германской группы права (Формирование нового источника права) // Власть. - 2006. - N 11. - С. 79.

УДК 340.14

М.В. Филиппова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Е.Б. Хохлов,
доктор юридических наук, профессор,
зав.кафедрой трудового и социального права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

M.V. Filippova,
PhD in Law, Associate Professor,
Sankt-Petersburg State University
e-mail: m.v.filippova@spbu.ru
E.B. Hohlov,
Doctor of law science, Professor,
Sankt-Petersburg State University
e-mail: e.hohlov@spbu.ru

Акты судебного толкования как источник субъективного права

Acts of judicial interpretation as a source of subjective law

Аннотация. Акты судебного толкования, выступающие в правовом обороте в виде судебных актов – решений по конкретным делам, обзоров судебной практики и собственно судебной практики – могут быть источниками не только объективного, но и субъективного права. Они порождают новые и изменяют существующие субъективные права и обязанности не только у участников соответствующего дела, но и у иных лиц, которые могут стать сторонами судебного разбирательства в схожих обстоятельствах.

Ключевые слова: объективное и субъективное право, источники права, акты судебного толкования, судебная практика

Abstract. Acts of judicial interpretation that appear in legal circulation in the form of judicial acts – decisions on specific cases, reviews of judicial practice and judicial practice itself – can be sources of not only objective, but also subjective law. They create new and change existing subjective rights and obligations not only for participants in the relevant case, but also for other persons who may become parties to the proceedings in similar circumstances.

Keywords: objective and subjective law, sources of law, acts of judicial interpretation, judicial practice

Вопрос о способности актов судебного толкования выступать в качестве источников субъективного права следует рассматривать в контексте системы источников права, при этом имея в виду, что все позитивное право делится на право *объективное*, т.е. систему правовых норм, и право *субъективное*, т.е. совокупность прав и обязанностей, а также ответственность конкретных субъектов. Обе эти части права представляют собой *систему*, т.е. взаимосвязаны и взаимообусловлены, так что не могут мыслиться отдельно друг от друга. И если с источниками объективного права все более или менее ясно, то применительно к субъективному праву вопрос их источников рассматривается в литературе крайне редко, если вообще рассматривается. Между тем он имеет важнейшее теоретическое и практическое значение.

Очевидно, что субъективные права и юридические обязанности возникают прежде всего из норм *объективного права*. Механизм, в рамках которого находит выражение это взаимодействие, достаточно хорошо известен: наступление соответствующего юридического факта приводит в действие диспозицию (а при определенных условиях – санкцию) соответствующей нормы объективного права, которые преобразуются в совокупность прав и обязанностей участников конкретного правового отношения. Другими словами, в качестве источника субъективных прав и юридических обязанностей в этом случае выступают правовые нормы, составляющие содержание всех известных нам форм объективного права (нормативных актов, правовых обычаев, прецедентов, договоров с нормативным содержанием), а юридический факт лишь «включает» их действие, сам по себе не формируя этих прав и обязанностей.

Но в ряде случаев источниками субъективного права становятся сами юридические факты, которые с этой точки уже не просто «включают», а «генерируют» права и обязанности субъектов. Такими юридическими фактами бесспорно являются административные акты (акты управления), а также *договоры*, причем не только договоры-соглашения (или нормативные договоры), но и договоры-сделки. Административный акт – это акт *власти*, содержанием которого является одностороннее управомочивание или обязывание тех лиц, которым он адресован (например, приказ работодателя о переводе работника на другую работу в порядке ч. 2 ст. 72.2 ТК РФ). Что касается упомянутых договоров обоих типов, то соглашением сторон этих договоров определяются *условия*, на которых они будут взаимодействовать в рамках возникшего правового отношения, то есть круг их взаимных прав и обязанностей (классическим примером может служить трудовой договор).

Вопрос о возможности (и допустимости) судебного нормотворчества дискутируется в юридической литературе уже более ста лет [2, с. 92 и далее], и полемика по этой проблеме продолжается в настоящее время. Свою позицию по этому поводу формулировали и мы [5, с. 45-50; 6, с. 103-136; 7, с. 139-143]. Кратко она сводится к тому, что формальных оснований для отнесения актов судебного толкования к источникам права нет, однако фактически некоторые из них (постановления Конституционного Суда РФ, содержащие правовые

позиции, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также акты судебных органов всех уровней, признающие нормативные правовые акты недействующими) безусловно содержат нормы права [3, с. 91-93]. Кроме того, несомненное регулирующее воздействие на общественные отношения оказывает и единообразная судебная практика [5, с. 49-51]. Акты судебного толкования, содержащие такие квази-нормы, являются, таким образом, также и источниками субъективного права.

Закономерно возникает вопрос - а могут ли акты судебного толкования быть источником *субъективного* права, породить субъективные права и обязанности, и если могут - каков механизм, наделяющий их такими свойствами, что, собственно, и дает основания для их отнесения к источникам субъективного права.

Прежде всего следует определиться с тем, о каких именно актах судебного толкования может идти речь в данном контексте. Толкование, в том числе судебное, может быть нормативным или казуальным. Акты *нормативного толкования* разъясняют, в каких случаях (при каких обстоятельствах) применяется данная *норма*; они способны при определенных обстоятельствах быть источником объективного права. Поскольку они содержат нормы объективного права, они становятся и источником субъективного права. Типичный пример - постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые не только толкуют, но и фактически формируют новые правила. Еще более очевидна ситуация с теми актами Конституционного Суда РФ, которые в результате конституционно-правового толкования признают акты противоречащими Конституции России и потому недействующими [3, с. 92-93]

Акты *казуального толкования*, напротив, разъясняют, какие *нормы* следует применять в данном конкретном *случае*; именно они и могут быть источником субъективного права. На наш взгляд, к ним можно отнести судебные акты по конкретному делу (единичные судебные акты), обзоры Верховного Суда РФ с обобщением судебной практики и собственно судебную практику.

В судебном акте по конкретному делу осуществляется судебное толкование конкретных норм материального и процессуального права с точки зрения того, применимы ли они к данной ситуации и если применимы, - то в каком порядке следует их применять. Сила такого акта исчерпывается пределами того дела, по которому он вынесен [1, с. 44]. В этом смысле никаких новых субъективных прав и обязанностей помимо тех, которые и так уже существовали на основании применяемой правовой нормы, такой судебный акт не создает. Однако в некоторых случаях закон наделяет суд дискреционными полномочиями, и тогда помимо обычного толкования в своем акте суд выражает также свое усмотрение, и в этом случае его акт порождает (или изменяет) субъективные права и обязанности. В тексте нормативного акта эти правомочия закрепляются такими словами, как «суд может», «суд вправе». Так, принимая решение о привлечении работника к материальной ответственности, суд на основании ст. 250 ТК РФ *может* с учетом степени и формы вины,

материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащего возмещению, и тогда вместо вытекающего из ст.ст. 20, 232, 238 и 241 ТК РФ права на полное возмещение ущерба (в пределах прямого действительного ущерба и, как правило, среднего месячного заработка работника) работодатель в силу судебного решения будет обладать правом только на частичное возмещение причиненного ему ущерба. Таким образом, в судебных актах с применением дискреционных полномочий суд создает новое субъективное право, а его акт становится источником этого субъективного права.

Мы видим, что даже решение по конкретному делу при определенных обстоятельствах может стать источником субъективного права. Это касается всех судов судебной системы и всех инстанций. У актов же Верховного Суда РФ есть и другой способ приобретения признаков нормативности. В соответствии Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ Верховный Суд РФ (Пленум, Президиум и судебные коллегии Верховного Суда РФ) изучает, анализирует и обобщает судебную практику. Наиболее значимые для формирования судебной практики судебные акты Верховный Суд РФ включает в обзоры по определенным категориям дел, придавая им тем самым качество образца правоприменения, ориентируя суды на то, как им следует подходить к рассмотрению такого рода дел. Несмотря на отсутствие обязанности строго следовать данному им образцу, судьи, безусловно, ориентируются на него, что, собственно, и является целью такого анализа и обобщения (подп. 1 п. 7 ст. 2 3-ФКЗ прямо говорит о том, что это делается «с целью обеспечения единообразного применения законодательства РФ»). И это дает участникам процесса основания полагать, что и по их делу будет принято соответствующее решение. В этом - в способности выступать основанием прогнозирования правовых последствий юридически значимых действий - и заключается не только регулирующее воздействие такого рода судебных актов, но и их свойство выступать источником субъективных прав и обязанностей. Именно тех прав и обязанностей, которые и возникают в результате вынесения спрогнозированного судебного акта. Так, в Обзоре судебной практики № 2 за 2020 год Верховный Суд РФ опубликовал свое определение № 29-КГ19-6, в соответствии с которым непредставление гражданином справки о среднем заработке либо ее представление в произвольной форме при соблюдении иных условий, установленных законодательством о занятости, не может служить основанием для отказа в регистрации в качестве безработного. В результате, во-первых, Верховный Суд РФ указал органам службы занятости на недопустимость отказа в регистрации по этим основаниям, породив для них новую по содержанию обязанность осуществлять регистрацию даже при неполном комплекте документов, а, во-вторых, осуществил новое толкование п. 4 Правил регистрации безработных граждан (утверждены постановлением Правительства РФ от 7 сентября 2012 г. № 891), согласно которому органы службы занятости определяют статус как безработного с учетом фактически представленных им документов. И как следствие - данное определение Верховного Суда РФ путем его опубликования

в Обзоре судебной практики приобрело свойство порождать субъективные права иных граждан на их регистрацию в качестве безработных даже при отсутствии указанных в п. 4 Правил регистрации документов.

Сложнее дело обстоит с судебной практикой. Речь идет о единообразной судебной практике, под которой мы понимаем совокупность судебных актов, характеризующую устоявшуюся линию в деятельности судебных органов по рассмотрению определенных категорий дел. Сложность ее существования в качестве источника субъективного права заключается в том, что, в отличие от единичных судебных актов и от обзоров судебной практики, она не формализована, не оформлена вербально, и поэтому судить о ее единообразии можно только на основании обобщения, изучения и анализа всей совокупности таких судебных актов [4, с. 112]. Другими словами, судебная практика существует только в виде совокупности судебных актов. Тем не менее, наряду с несомненным регулирующим воздействием на общественные отношения она способна также и порождать субъективные права и обязанности. Конечно, руководствоваться непосредственно судебной практикой правоприменители не могут, ибо руководствоваться они должны нормами права. Однако учитывать ее при принятии правовых решений они не только могут, но и должны под страхом признания в суде их решения неправомерным. Суды же, следуя стихийно сформированному, а не продиктованному свыше пониманию правовой нормы, дают ей единообразное толкование и принимают единообразные решения. На этом основании граждане и иные субъекты правовых отношений приобретают необходимую определенность правовых норм, позволяющую им не только приспособлять свое поведение к требованиям права, но и ожидать, что в случае, если в их деле суд примет решение, идущее вразрез со сложившейся судебной практикой, вышестоящий суд отменит или изменит его в порядке надзора, поскольку такое решение нарушает единообразие в применении и толковании норм права. Более того, если в конкретном деле будет принято иное решение, чем это вытекает из единообразной судебной практики, заинтересованная сторона сможет считать себя подвергнутой дискриминации и прибегнуть к вытекающим из этого способам защиты своих прав. Дискриминацией же, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, являются не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах. Следовательно, если судебная практика признает субъективные права за одними субъектами, то такие же права должны быть признаны и за иными лицами при тех же обстоятельствах дела. Пример такой единообразной практики мы уже приводили ранее [4, с. 113-114].

Подведем итог. Итак, акты судебного толкования, то есть единичные акты всех судебных инстанций по конкретному делу, обзоры Верховного Суда РФ с обобщением судебной практики, а также судебная практика в виде совокупности единообразных судебных актов по конкретному делу могут выступать в качестве источников субъективного права. Они не только выявляют и подтверждают содержание субъективных прав и обязанностей участников данного дела, но и изменяют это содержание. Более того, они

содержат такое толкование правовых норм, которое становится *de facto* обязательным для всех судов, рассматривающих аналогичные дела, а потому также *de facto* порождают аналогичные субъективные права и обязанности у всех иных лиц, которые являются или могут являться участниками аналогичных дел в перспективе. Именно в том и проявляется не только их нормативное свойство, но и способность выступать в качестве источников субъективного права.

Список литературы

1. Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права Судебная практика в российской правовой системе. - СПб.: Питер, 2003. - С. 9-68
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М: «Статут», 2003. – 351 с.
3. Право социального обеспечения: учебник и практикум для вузов/ под ред. М.В. Филипповой. М: Издательство «Юрайт», 2020. - 406 с.
4. Филиппова М.В. Акты судебного толкования в системе регулирования социально-трудовых отношений // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. - 148 с.
5. Филиппова М.В. Роль судебной практики в регулировании социально-обеспечительных отношений // Петербургский юрист. - 2016. - № 3. - С. 43-51.
6. Хохлов Е.Б. Судебные акты как источник российского трудового права // Судебная практика в российской правовой системе. - СПб.: Питер, 2003. - С. 103–136.
7. Хохлов Е.Б. К проблеме источников современного российского трудового права // Российский ежегодник трудового права. - 2011. - № 7. - С. 128-155

УДК 347.447

Ю.В. Черткова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь

I.V. Chertkova,
Associate professor of the Department of civil and labor law
Faculty of Law, Taurida Academy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol
ychertkova@mail.ru

Три аспекта понятия причинной связи в гражданском праве

Three aspects of the concept of causal relationship in civil law

Аннотация. Проблема причинности в гражданском праве имеет важное научное и прикладное значение. При этом изменение содержания понятия причинной связи в зависимости от рассматриваемого аспекта никогда не учитывалось. В рамках данной статьи впервые предпринята попытка исследовать три аспекта понятия причинной связи.

Abstract. The problem of causality in civil law is of great scientific and applied importance. At the same time, the change in the content of the concept of causal relationship, depending on the aspect under consideration, was never taken into account. This article is the first attempt to explore the three aspects of the concept of causal relationship.

Ключевые слова: причинная связь, убытки, гражданско-правовая ответственность, вред.

Key words: causal relationship, losses, civil liability, damage.

В научных трудах, посвященных проблеме причинной связи в гражданском праве, никогда не обращалось внимание на то обстоятельство, что понятие причинной связи в гражданском праве имеет разное содержание в зависимости от того аспекта, в котором это понятие рассматривается. В частности содержание этого понятия, рассматриваемого в аспекте *de lege lata*, не может совпадать с тем его содержанием, которое должно учитываться в процессе законопроектной деятельности. Да и содержание понятия причинной связи, с которым работает законодатель, не обязательно совпадает с выявленным наукой объективным явлением, которое должно отражаться в понятии причинной связи. Таким образом, уже изложенное позволяет выделить три аспекта понятия причинной связи. Можно было бы выделить и четвертый аспект понятия причинной связи, поскольку, по крайней мере, в философии и юридической науке причинная связь не может пониматься одинаково. Как писал Т.М. Яблочков, «чисто юридическая доктрина... не могла реципировать философскую теорию без всякой модификации» [1, с. 5]. Но этот четвертый аспект выходит за пределы настоящей статьи.

Изложенное свидетельствует об актуальности постановки проблемы трех аспектов проблемы причинной связи в гражданском праве и её исследования. В данной статье излагаются результаты такого исследования, насколько это возможно в рамках такого рода публикации.

Данное исследование основывается на исследованиях, осуществленных в разное время Т.М. Яблочковым, М.М. Агарковым, А.Н. Трайниным, А.А. Пионтковским, Т.В. Церетели, Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе, Г.К. Матвеевым, Л.А. Лунцем, В.Б. Малининым, Ю.Э. Монастырским и другими учеными.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые могли бы направить в конструктивное русло исследование причинной связи в науке гражданского права, способствовать совершенствованию гражданского законодательства и практики его применения в части, касающейся причинной связи как условия гражданско-правовой ответственности.

Несмотря на кажущуюся очевидность необходимости различения трёх аспектов понятия причинной связи, такое неразличение ведущие учёные-цивилисты допускали всегда, а Е.А. Флейшиц в работе, посвящённой причинной связи, прямо указывала на то, что «практика советских судов на разных этапах их деятельности с ясностью свидетельствует о последовательном совершенствовании работы судов, всё глубже овладевающих основами марксизма-ленинизма, основными началами диалектического материализма» [2, с. 382]. Это написано в 1951 году, в период жесткого идеологического контроля над научной мыслью с целью пресечь инакомыслие. Но все же указание на овладение судами философской теорией при том, что автор безразлично относится к овладению судьями содержанием законодательных положений, касающихся причинной связи, и соответствующей доктриной (во всяком случае Е.А. Флейшиц об этом не пишет), является показательным: для целей правоприменения это будто бы не имеет существенного значения. И ведь Е.А. Флейшиц не одинока в таком подходе к проблеме причинной связи при правоприменении. Это - проявление общей тенденции, а Е.А. Флейшиц лишь неосторожно высказала то, что думали многие другие (или даже все), но от соответствующего высказывания воздерживались. Да и сама Е.А. Флейшиц в своей цитированной выше работе не выделяет её структурную часть, посвященную положениям законодательства о причинной связи, но зато выделяет параграф под заглавием «Основные положения диалектического материализма о причинной связи и их применение к ответственности за внедоговорный вред» [2, с. 382]. Выходит, что суды применяют (и должны применять) не положения гражданского законодательства и не нормы гражданского права, а «положения диалектического материализма о причинной связи». И на фоне глобальных диалектико-материалистических положений обращаться к анализу положений гражданского законодательства становится просто неуместным. И вот уже, несмотря на статью 42 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года («условно обязанный не должен своими действиями вызывать положение вещей, которое ухудшало или уничтожало бы зависящее от условия право. В противном случае, по наступлении условия, он обязан возместить причиненные убытки»)[3], действовавшего на то время и предусматривались возмещение «причиненных убытков» и «причиненного вреда», Е.А. Флейшиц выделяет причинно-необходимые и причинно-случайные связи [2, с. 384], а условием гражданско-правовой ответственности признаёт только необходимую причинную связь [2, с. 384].

Не только Е.А. Флейшиц, но и другие ведущие советские цивилисты при построении концепций причинной связи начисто игнорировали положения гражданского законодательства. Это касается и ученых, признававших условием гражданско-правовой ответственности только необходимую (а не случайную) причинную связь (Л.А. Лунц, Б.С. Антимонов, Т.Л. Сергеева, В.А. Тархов). Это же касается и Т.М. Яблочкова, и М.М. Агаркова, обосновывавших идею адекватного (типичного) причинения, и О.С. Иоффе - разработчика теории абстрактной и реальной возможности и действительности, и Н.Д. Егорова, признававшего условием гражданско-правовой ответственности

только прямую причинную связь. Обобщающим для всех упомянутых концепций причинной связи является то, что они делят причинную связь на юридически значимую и юридически не значимую. Такое деление видов причинной связи А.А. Ягельницкий осуществляет прямо [4, с. 528].

Выделение юридически значимой причиной связи означает, что есть и юридически незначимая причинная связь. Автор, однако, не проводит разграничения двух выделяемых им видов причинной связи на конкретном примере, не предпринимает попыток поиска критериев их разграничения, поиска, который мог бы помочь и законодателю - единственному, который имеет полномочия признавать причинную связь в одних случаях юридически значимой, а в других - нет.

Здесь не отвергаются все эти концепции причинной связи, оспаривается лишь предание им универсального характера, при котором они в равной степени оказываются пригодными и для познания «природы вещей», и для совершенствования гражданского законодательства, и для правоприменения.

Неразличение указанных трех аспектов причинной связи вводит читателя в заблуждение. Он не может понять, о чём вообще идёт речь - о применении действующего законодательства, о совершенствовании действующего законодательства или о познании закономерных связей, объективно существующих в структуре общественных отношений, регулируемых гражданским правом. Универсальный подход к познанию причинной связи в особенности неприемлем тогда, когда соответствующие публикации адресуются студентам. Так, А.А. Ягельницкий в одном из учебников пишет: «Установление причинно-следственной связи осуществляется в два этапа. Вначале устанавливается возникли бы у потерпевшего убытки, если бы нарушитель не совершил атрибутируемых ему действий» [4, с. 527]. Это создает впечатление, что автор учит студентов правоприменению. Но учебный материал излагается в полном отрыве от законодательства, а вопрос об альтернативной причинности излагается вообще в противоречии с действующим законодательством. В обоснование причинности бездействия дается ссылка на иностранную литературу, как будто это может помочь толкованию и применению национального законодательства. В итоге возникает впечатление, что автор не учит студентов правоприменению, а просто излагает материал, способный вызвать интерес у читателя.

Есть опыт законодательного выбора и нормативного закрепления причинной связи законодателем (ст. 8 Уголовного кодекса Грузии) [5]. Есть опыт такого выбора и в документе частной кодификации (Модельные правила европейского частного права) [6]. Заметим, что в обоих случаях избрана концепция *conditio sine qua non*. В гражданском законодательстве России такой выбор не сделан. Но это отнюдь не означает, что правоприменитель в силу указанной ситуации волен или даже обязан напрямую обращаться к научной юридической и даже к философской литературе. Это – возможно, но только после того, как правоприменитель исчерпал все возможности выяснить, какое понимание причинной связи вытекает из положений актов гражданского законодательства.

Прежде всего, следует констатировать, что термин «причинная связь» в Гражданском кодексе Российской Федерации употребляется всего один раз (в пункте 5 статьи 720). Однако не прямое указание на причинную связь вытекает из формулировок «причиненные убытки» (ст. 15, 393 ГК), и «причинённый вред» (ст. 1064 ГК). Уже из этих законодательных положений явствует, что законодатель не допускает деления убытков или вреда, которые причинены необходимо или случайно, прямо или непрямо, непосредственно или опосредованно, на убытки, являющиеся типичным (адекватным) и не типичным (неадекватным) следствием определенного действия или бездействия.

Далее, для выяснения того, как понимает законодатель категорию причинной связи, важно учесть, что в соответствии с п. 2 ст. 15 ГК понятием причиненных убытков охватывается и упущенная выгода (неполученные доходы). Упущенная выгода (неполученные доходы) не может быть прямым или непосредственным следствием определенного действия или бездействия. Важно также и то обстоятельство, что законодатель признаёт следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей лицом, лишенным родительских прав, вред, причинённый несовершеннолетним ребенком в течение трех лет после лишения родительских прав (ст. 1070 ГК).

Но особое значение для выяснения того, как понимает законодатель категорию причинной связи, имеет ч. 3 ст. 1080 ГК («лицо, неправомерно завладевшее чужим имуществом, которая в дальнейшем было повреждено или утрачено вследствие действий другого лица действовавшего независимо от первого лица, отвечает за причиненный вред указанное правило не освобождает непосредственного причинителя вреда от возмещения вреда»). Законодатель совершенно определенно указывает на непосредственного причинителя вреда, а следовательно, - и на непосредственное причинение вреда, и на непосредственную причинную связь между действиями лица, названного в части третьей ст. 1080 ГК и «другим» наступившим вредом. А раз есть непосредственный причинитель вреда, то должен быть и опосредованный причинитель вреда, и опосредованно причиненный вред, и имеющая гражданско-правовое значение опосредованная причинная связь. Таким образом, для целей правоприменения концепции прямой и не прямой (косвенной), непосредственной и опосредованной причинной связи оказываются непригодными. Часть третья статьи 1080 ГК опровергает *de lege lata* также и концепцию необходимой и случайной причинной связи, ибо противоправное изъятие из владения собственника вещи и последующие её оставление в неизвестном для собственника вещи месте не может с неизбежностью влечь за собой завладение этой вещью третьим лицом.

Против изложенного можно выдвинуть такое возражение что ст. 1175 и ст. 1080 ГК устанавливают исключения из общего правила, а потому и не могут рассматриваться как такие законодательные положения, которые раскрывают понимание законодателем категории причинной связи. Однако же никаких исключений ст. 1075 и ст. 1080 ГК не устанавливают. Эти законодательные положения лишь конкретизируют содержание понятия причинения, на которое содержится не прямое указание в общих правовых нормах, установленных

статьями 15, 393, 1064 ГК. Поэтому специальные правовые нормы, установленные статьями 1075 и 1080 ГК, не исключают применения общих правовых норм, закрепленных в ст. 15, 393, 1064 ГК, а применяются вместе с последними. Наоборот, именно одновременное применение указанных общих правовых норм и, например, специальных правовых норм, закреплённых в части 3 ст. 1080 ГК, позволяет осуществлять надлежащее правоприменение. Первоначально имеется лишь одно лицо, изъявшее вещь из владения собственника и причинившее тем самым вред последнему. По правилам статей 15 и 1064 ГК этот вред возмещается только его причинителем в полном объеме. Такой вывод вытекает из части 3 ст. 1080 ГК. Заголовок ст. 1080 ГК («Ответственность за совместно причиненный вред») не препятствует возложению обязанности возместить вред, возникший до момента завладения другим лицом брошенной вещью, на лицо, противоправно изъявшее вещь из владения собственника, поскольку вытекающее из заголовка правило (в данном случае, - правило о признании вреда причиненного совместно) не может конкурировать при правоприменении с другими правовыми нормами (хотя бы и общими). В научной литературе обращалось внимание на то, что заголовки структурных частей законодательных актов не лишены регулятивного значения, но они в первую очередь являются средствами рубрикации, а потому и не способны к конкуренции при правоприменении [7, с. 464].

Что касается вреда, возникшего после завладения другим лицом вещью, неправомерно изъятой у собственника и брошенной, то он является следствием противоправных действий и лица, изъявшего вещь из владения собственника и бросившего её, и лица, завладевшего брошенной вещью. Это - действительно «совместно причиненный» вред. В соответствии с ч. 1 ст. 1080 ГК он возмещается солидарно, а впоследствии обязанность его возмещения распределяется между лицами, причинившими вред, в соответствии со степенью вины каждого из них (п. 2 ст. 1080 ГК).

Понимание причинной связи в аспекте *de lege ferenda* может существенно отличаться от понимания этой же категории в аспекте *de lege lata*. Это различие обусловлено особенностями функции, которые выполняют правоприменитель и законодатель. Правоприменитель воплощает в жизнь волю законодателя применительно к конкретным общественным отношениям. Законодатель должен учесть закономерности развития регулируемых общественных отношений, «природу вещей», специфику ситуации, а там, где выявить требования этих объективных факторов невозможно, - принять целесообразное законодательное решение. Поскольку законодатель не должен слепо следовать объективным потребностям и поскольку выявление последних всегда проблематично, у законодателя всегда остается определенный простор для собственного усмотрения, для поиска таких законодательных решений, которые представляются ему целесообразными. Так, никакие, по крайней мере, мыслимые сегодня научные исследования не могут дать обоснованный вывод о том, что срок, который установлен ст. 1075 действующего ГК, должен составлять именно три года. Имея определенную свободу выбора, законодатель исключает возможность признания причинной связи между ненадлежащим

исполнением родительских обязанностей и вредом, непосредственно причинённый несовершеннолетним, если вред был причинен по истечении трех лет после лишения родителей родительских прав. Правда прямо в ст. 1075 ГК речь идёт о сроках для возложения ответственности, но обоснованием такого ограничения может быть только признание законодателем отсутствия причинной связи при превышении трехлетнего срока, поскольку на другие условия ответственности срок влиять не может.

Изложенное предопределяет различия между чисто научным пониманием причинной связи и тем пониманием, на основе которого осуществляется совершенствование действующего законодательства. Кроме того, возможность законодательного усмотрения обусловлена также отставанием науки от потребностей совершенствования законодательства и склонностью учёных вести научную дискуссию по одним и тем же вопросам в течение многих десятилетий и даже столетий. Так, законодательное решение, которое нашло свое отражение в части третьей ст. 1080 ГК, является, на наш взгляд, оптимальным. Но оно найдено законодателем без опоры на науку. Очевидно, этим обусловлено редакционное несовершенство указанного законодательного положения. Но в науке никогда не было разработок, которые можно было бы оценить как предпосылку рассматриваемого законодательного решения. В тех случаях, когда наука не в состоянии добыть достоверное знание, она не должна строить искусственные преграды на пути законодательных решений, которые устанавливают ответственность за причинение убытков или вреда. Имеется в виду, что законодатель сам примет соответствующее целесообразное законодательное решение. Между тем, для ученых поиск утверждений, ограничивающих возможность признания наличия причинной связи, и обоснование таких утверждений стало своеобразным хобби. Перечень таких утверждений, возможно, следовало бы начать с утверждения Г.Ф. Шершеневича о том, что концепция *conditio sine qua non* позволяет привлечь к ответственности родителей, которые родили ребёнка, который вырос и совершил убийство [8, с. 265-266]. Очевидно, законодательное положение, которое допускало бы ответственность в подобном случае, действительно было бы неразумным или нецелесообразным. Но есть сомнение в том, что препятствием для привлечения к ответственности в подобных случаях должно быть именно отсутствие причинной связи.

Список литературы

1. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Том первый. Часть теоретическая / Т.М. Яблочков. – Ярославль, 1910. – 460 с.
2. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2 / Е.А. Флейшиц. – М.: Статут, 2015. – 720 с.
3. Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm (дата обращения: 10.09.2020).
4. Ягельницкий А.А. Гражданское право: учебник: в 4-х т. Т. 1 / Под ред. Суханова. – Л.: Статут, 2019. – 527 с.

5. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

6. Рассказова Н.Ю. Модельные правила европейского частного права / Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.

7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 682 с.

8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие. В 2-х т. Т. 2 / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995 г. – 698 с.

УДК 342.94

А.П. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина–
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

A.P. Yakovleva,
candidate of Sciences (Law),
Docent of the Civil Law and Procedure,
Povolzhsky Institute of Management named afte P.A. Stolypin,
Branch of the Rassian Presidentail Akademy
of National Economy and Public Administration
e-mail: yakovleva-anna1@yandex.ru

Становление электронного цивилистического процесса в Российской Федерации

Formation of the electronic civil process in the Russian Federation

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения цифровых технологий в гражданском судопроизводстве, проводится сравнительное исследование с арбитражным процессом, рассматриваются вопросы электронного обращения в суд, электронных извещений и вызовов

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровые технологии, обращение в суд

Abstract: the article deals with the use of digital technologies in civil proceedings, conducts a comparative study with the arbitration process, discusses the issues of electronic appeals to the court, electronic notifications and calls

Keywords: electronic justice, digital technologies, appeal to the court.

Внедрение цифровых технологий является неизбежным следствием бурного развития технического прогресса в современном обществе. В ускорении этого процесса немалую роль сыграла и пандемия COVID-19,

которая обострила необходимость внедрения цифровых технологий практически во все сферы нашей жизнедеятельности.

Судебная же система начала внедрение цифровых технологий в судопроизводство еще до пандемии, что показало в целом ее готовность к использованию электронных ресурсов.

Цифровое развитие судопроизводства явилось реализацией Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], которая включает в себя электронное правосудие, обеспечивающее возможность электронных обращений в суд, допустимость электронных доказательств и дистанционное участие в судебных процессах, как лиц, участвующих в деле, так и иных участников судопроизводства.

Согласно этому вектору развития нововведения коснулись гражданского и арбитражного процессуального законодательства, однако это происходило в различные временные рамки, определившими разные этапы формирования электронного правосудия в указанных судах. Как уже отмечалось в литературе, лидером явился АПК РФ по внедрению цифровых технологий в судопроизводство [2, с. 74], что, однако, не помогло избежать различных проблем в этом развитии судопроизводства.

Таким образом, цифровизация затронула несколько сторон современного судопроизводства. Это, во-первых, возможность подачи различных обращений в суд в сети «Интернет», во-вторых, извещение участников судопроизводства посредством цифровых технологий, в-третьих, возможность вынесения акта правосудия на основе электронных доказательств, в-четвертых, применение видеоконференц-связи при рассмотрении дела или при совершении отдельных процессуальных действий.

Несомненным достоинством внедрения новых технологий является возможность подачи заявлений заинтересованным лицом в любое время суток с любого удаленного доступа через соответствующие цифровые платформы, таких как интернет-сервисы «Мой Арбитр» для арбитражных судов и Государственную автоматизированную систему (ГАС) «Правосудие» для судов общей юрисдикции.

Тем не менее, использование указанных платформ порождает определенные проблемные вопросы, поскольку они могут быть применены только при наличии у заинтересованного лица необходимой технической возможности и определенных навыков в использовании цифровых технологий. Причем умение использовать технологии должно сочетаться со знанием процессуальных правил подачи заявления в суд. Обращение в суд в электронном виде обладает дополнительными требованиями, которые устанавливаются не кодексами, а подзаконными актами, а именно – Приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Например, для обращения в суд посредством сети «Интернет», заявитель должен выполнить требования, установленные Приказом Судебного департамента при Верховном суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (далее – Порядок подачи электронных

документов). Порядок подачи электронных документов изобилует специальными техническими требованиями, например, сканированный документ 200-300 точек на дюйм, 30 Мб, формат PDF, RTF, JPEG (JPG), электронный документ, электронный образ документа, внедренные сценарии и т.д. Поэтому лицо, обращающееся в суд через сеть «Интернет», должно уметь использовать современные IT-технологии, т.е. быть опытным пользователем.

Для подачи в суд, например, заявления об обеспечении иска, требуется усиленная квалифицированная электронная подпись, значит физическому лицу следует подготовиться заранее – получить указанную подпись, поскольку без нее обращение в суд в электронном виде будет невозможно.

Проблемами, на наш взгляд, в данном вопросе являются не только оснащение судов соответствующей аппаратурой и техническими возможностями, а также умение работников суда и судей использовать данную коммуникацию. Как отмечают Д.Х. Валеев и Е.В. Базилевских, введение электронного документооборота требует наличия определенных пользовательских навыков у судей и работников аппаратов судов. Нельзя забывать и о психологическом аспекте, касающемся освоения новых технологий в короткие сроки [3, с. 34]. Соответственно переход к новым технологиям вызывает определенные трудности, включая психологические, что требует также комплексного изучения и подхода.

Например, в соответствии с данными управления Судебного департамента в Саратовской области в судах обеспечен постоянный круглосуточный доступ в сети Интернет к информации о вынесенных судебных актах, размещаемых на модуле «Судебное делопроизводство» [4, с. 12], также расширена информационная база в сети Интернет, созданы аккаунты в Facebook, Telegram и Twitter, что отвечает задачам внедрения мобильного и электронного правосудия в соответствии с Федеральной целевой программой. Это, несомненно, позволяет заинтересованным лицам знакомиться с интересующей их информацией. Но воспользоваться этими возможностями может только лицо, которое обладает достаточной цифровой грамотностью.

Показательными, на наш взгляд, являются некоторые статистические данные по пользованию интернетом населением. Так, по данным на февраль 2020 года в цифровую среду вовлечены 82% россиян. О ежедневном использовании Сети сообщает 71% наших соотечественников, также почти каждый десятый использует интернет несколько раз в неделю (7%). Не пользуются интернетом 18% сограждан [5]. Показатели по использованию Интернета лицами старше 34 лет уменьшаются по мере увеличения возраста. Поэтому можно сделать заключение о том, что активными пользователями являются довольно молодые люди. Но, тем не менее, нельзя не отметить ежегодную положительную динамику интернет-активности у лиц старшего поколения [6]. Таким образом, электронные технологии являются уделом более молодых людей и могут затруднить обращение в электронном виде лиц более старшего возраста. Полагаем, что при судах могла бы быть организована бесплатная консультационная помощь по оформлению электронных

процессуальных документов, хотя бы на этапе становления электронного правосудия.

Отсутствие навыков владения технологиями может сказываться, на неточном оформлении документов, поступающих в суд в электронном виде, а это, в свою очередь, повлечет за собой неблагоприятные последствия для заинтересованных лиц.

В соответствии с Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной Приказом Судебного департамента при ВС РФ (далее – Инструкция), при поступлении в суд документа в электронном виде без заполнения специальных форм такие документы отклоняются судом как поданные с нарушением. Указанное процессуальное действие проводится работником аппарата суда, на которого председателем соответствующего суда возлагается действие, позволяющее не принять поданные документы (пп. 2.1.1., 2.1.2 Инструкции). Одним из оснований, например, является отсутствие графической подписи в электронном образе документа, подаваемом в суд. Таким образом, решение о непринятии заявления в суд принимаются работником аппарата суда без участия в этом процессуальном действии судьи.

Неподписанное исковое заявление, поданное в суд на бумажном носителе, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ возвращается судом, о чем судья выносит мотивированное определение. На определение судьи о возвращении заявления может быть подана частная жалоба (ч. 3 ст. 135 ГПК РФ). В связи с этим напрашивается вывод о том, что лица, обращающиеся в суд посредством сети «Интернет», и лица, подающие заявления в суд на бумажном носителе, поставлены в неодинаковые условия, у них разная возможность для реализации права на судебную защиту, а также доступность правосудия для них реализуется по-разному.

Внедрение цифровых технологий в судопроизводство внесло еще одно, новое правило, которое, на наш взгляд, является удобным, но его регламентация несколько двойственная. Развитие цифровых технологий в системе правосудия переложили некоторые обязанности суда на лиц, участвующих в деле.

Речь идет об извещении лиц, участвующих в деле, посредством современных средств связи, и связанных с ними новыми правилами. Так, в арбитражном процессе введено общее правило, которое обязывает лиц, участвующих в деле, самостоятельно отслеживать движение дела в системе «Интернет» после получения первого судебного извещения. В соответствии со ст. 121 АПК РФ участники судопроизводства изначально извещаются судом копией судебного акта о принятии искового заявления к производству и возбуждении производства по делу на бумажном носителе и в сети «Интернет». Однако, как отмечается в п. 15 Постановления Пленума № 57 получением первого судебного извещения или первого судебного акта лицом, участвующим в деле, иным участником процесса следует понимать получение, в том числе по электронной почте, судебного извещения либо вызова в предварительное судебное заседание, судебное заседание и (или) копии определения по делу. После этого указанные лица обязаны самостоятельно предпринимать меры по

получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. Лица, участвующие в деле, несут риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по получению информации о движении дела (ч. 6 ст. 121 АПК РФ).

В гражданском же процессе такое императивное правило, за некоторыми исключениями, установлено в отношении органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, являющихся сторонами и другими участниками гражданского процесса (ст. 113 ГПК РФ). Поэтому указанные субъекты уже четко представляют себе способ их извещения.

В отношении других же участников гражданского судопроизводства такого правила нет. Однако, как отмечено в п. 15 Постановления Пленума № 57 суд по заявлению лица, участвующего в деле, обязан направлять ему извещения, вызовы и иные документы, направление которых предусмотрено законом (их копии), в электронном виде. Но, как дальше разъясняет Пленум в абз. 2 п. 19 Постановления № 57 согласие на извещение по электронной почте может быть выражено, в частности, посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд, а также при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет». Таким образом, согласием является указание электронного адреса и/или заполнение электронной формы на портале. Никакого дополнительного письменного согласия на извещение по электронной почте лица, участвующие в деле, не дают, что тоже вызывает вопрос, правильно ли это. Тем более что в соответствии с ч. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении может быть указан адрес электронной почты, и лицо, указывающее свой электронный адрес в заявлении, может и не подозревать, что дает согласие только на электронное извещение. Таким образом, предоставленное современным законодательством право подачи электронных документов в сети «Интернет» одновременно возложило и обязанность на лиц, участвующих в деле, самостоятельно отслеживать движение дела, причем это лицо может и не подозревать об этом.

Другое правило извещения, имеющее менее скрытый порядок дачи согласия на его использование, существует в отношении СМС-сообщений. Необходимо отметить, что такой вид извещений прямо предусмотрен только КАС РФ и не указывается ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 96 КАС РФ, лицо, участвующее в деле, с его согласия может извещаться путем отправки ему СМС-сообщения. Суды этот порядок применяют, используя аналогию закона, и извещают лиц, участвующих в деле посредством СМС-сообщений.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 (ред. от 27.08.2019) утвержден Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, (далее — Регламент), который достаточно детально регламентирует порядок извещений лиц, участвующих в деле, путем СМС-сообщений. В Регламенте указано, что такой порядок извещения осуществляется только с согласия

участника судопроизводства, то есть на добровольной основе, о чем у лица, участвующие в деле дают расписку. Полагаем, что данный порядок более правильный прозрачный, поскольку лицо, собственноручно составляющего расписку на бумажном носителе, четко представляет себе на что оно дает согласие и понимает последствия такого процессуального действия, в отличие от извещений по электронной почте, где согласие на данный вид извещения носит, по-нашему мнению, скрытый характер.

Таким образом, развитие цифровых технологий требует развитие процессуального законодательства, которые в совокупности должны упростить обращение в суд и обеспечить еще большую доступность правосудия.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaja-programma-tsifrovaja-ekonomika-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 01.11.2020).

2. Яковлева А.П., Блинков И.А. Плюсы и минусы электронного правосудия: поиск баланса // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6.

3. Валеев Д.Х., Базилевских Е.В. Система нормативных регуляторов «Электронного правосудия» // Российская юстиция. 2019. № 8.

4. Ефименко В. Итоги работы управления Судебного департамента в Саратовской области в 2018 году // Судебный вестник. 2019. № 20.

5. Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения 02.11.2020)

6. Распределение населения в возрасте 15-74 лет, использовавшего сеть Интернет, по возрастным группам в Российской Федерации: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/PublishData%5CReports%5CReports_2016.html; https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fednabl-roc/PublishData%5CReports%5CReports_2017.html; https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/PublishData%5CReports%5CReports_2018.html (дата обращения 01.11.2020).

УДК 347.4

А.М. Ярошевская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Симферополь

A.M. Yaroshevskaya,
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor
of Civil and labor law sub-faculty
of the Law Faculty of the Tavric academy
V. I. Vernadskiy Crimean Federal University
Simferopol
e-mail: anna_yaroshevskaya@mail.ru

**Проблемы правового регулирования и толкование судами отдельных
аспектов в договоре с использованием эскроу-счетов**

**Problems of legal regulation and interpretation by courts of certain aspects in an
agreement using escrow accounts**

Аннотация. В статье подчеркнута, что в Гражданском кодексе Российской Федерации договор участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости не закреплен в качестве самостоятельного вида договора, анализируются место и роль судебных актов в правовой системе, констатируется неоднозначность подхода и различные точки зрения в данном вопросе.

Ключевые слова: договор, счета эскроу, депонент, эскроу-агент, бенефициар.

Abstract. The article emphasizes that in the Civil Code of the Russian Federation, the contract for participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects is not enshrined as an independent type of contract, the place and role of judicial acts in the legal system are analyzed, the ambiguity of the approach and different points of view on this issue are stated.

Keywords: contract, escrow accounts, depositor, escrow agent, beneficiary.

В данной работе мы постараемся исследовать обязательственные отношения, связанные с заработавшим после проведенной реформы механизмом покупки новостроек через счета эскроу, осветить некоторые теоретические и практические нюансы в рассматриваемой сфере отношений.

Не является секретом тот факт, что в последнее время рынок недвижимости в Российской Федерации продолжает активно развиваться, а жилье от застройщика пользуется у населения особым спросом. Статьей 40 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) закреплено право каждого на жилище. При этом, органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище [1].

В последнее время, одной из самых распространенных форм привлечения средств в строительство многоквартирных домов стало долевое строительство, предполагающее выстраивание правоотношений между участниками долевого строительства, вкладывающими свои денежные средства в строительство и застройщиками по вопросу организации, финансирования и обеспечения

строительства многоквартирных домов, а также обеспечения ввода их в эксплуатацию.

При этом, возникшая в 2017 году в Российской Федерации проблема «обманутых дольщиков» подтолкнула законодателя принять решение о внесении масштабных поправок в Федеральный закон от 30.12.2004г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №214-ФЗ), направленных на поэтапное замещение средств граждан, привлекаемых для создания многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, банковским кредитованием и иными формами финансирования, которые минимизировали бы риск для граждан.

Согласно новым правилам, по которым начал «жить» рынок, деньги дольщиков поступают не напрямую застройщику, а на специальный счет эскроу в банке, который является гарантом сохранности средств покупателя. Деньги со счета девелопер может получить только после окончания строительства, а в случае нарушения обязательств банк вернет их дольщику. Деньги на строительство застройщики получают за счет проектного финансирования – то есть по сути кредита в том же банке, но под более низкий процент.

Появление и дальнейшее развитие в законодательстве договора участия в долевом строительстве, являющегося самым востребованным способом реализации конституционного права гражданина на жилище, имеет важное значение для решения жилищной проблемы в Российской Федерации.

Предмет договора участия в долевом строительстве прописан в Федеральном законе №214-ФЗ. Согласно пункту 1 статьи 4 Федерального закона №214-ФЗ, По договору участия в долевом строительстве (далее также - договор) одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости [2].

В литературе встречается мнение, которого придерживается один из ведущих цивилистов страны К.И. Скловский, о том, что договор участия в долевом строительстве носит комплексный характер, так как объединяет черты разных договоров. Характеризуя договор участия в долевом строительстве, нужно отметить, что он является двухсторонним, консенсуальным, возмездным, sinalлагматическим, заключаемым путем присоединения. При этом, такая характеристика актуальна как для договора участия долевого строительства, который заключался по старой схеме, так и для договоров с применением проектного финансирования, с использованием эскроу-счетов.

В продолжение тезисов, мы перейдем к рассмотрению правовой природы, уже ставшего привычным для сферы долевого строительства, вида договора – договора счета эскроу, а также отдельных вопросов в реализации механизма исполнения договорных обязательств сторонами договора.

Вначале остановимся на самом понятии «ЭСКРОУ». В соответствии с Большим юридическим словарем, составленным авторами А. Я. Сухаревым, В. Е. Крутских, А.Я. Сухаревой, «эскроу» (англ. escrow) – в англо-американском праве депонирование у третьего лица денежной суммы на имя другого лица с тем, чтобы она была выдана ему лишь после выполнения известного условия [3]. Другими словами, это обязательство, в соответствии с которым должник (депонент) передает денежные средства третьему лицу (эскроу-агенту), который обеспечивает исполнение обязательств должника перед кредитором.

Несмотря на большую популярность и распространение за рубежом реализации такого механизма исполнения обязательств, положения о договоре счета эскроу введены в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) только в 2013 году (Федеральный закон от 21.12.2013г. №379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). При этом, широко применяться он стал лишь после внесения масштабных поправок в законодательство о долевом строительстве.

Далее обратимся к законодателю. Пункт 1 статьи 860.7 ГК РФ гласит, что «По договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты – бенефициару. Распоряжение денежными средствами, находящимися на счете эскроу, осуществляется в порядке, предусмотренном настоящим параграфом.» [4].

В рамках рассмотрения данного вопроса интересным было бы обратиться к обязанностям эскроу-агента по возврату имущества депоненту при прекращении договора.

Так, в статье 860.10 «Закрытие счета эскроу» ГК РФ указано, что: «Если иное не предусмотрено договором эскроу, закрытие счета эскроу осуществляется банком по истечении срока действия или прекращения по иным основаниям договора эскроу...

... при расторжении договора счета эскроу остаток денежных средств перечисляется или выдается депоненту либо при возникновении оснований для передачи денежных средств бенефициару перечисляется или выдается бенефициару.» [5].

В пункте 2 статьи 926.1 «Договор условного депонирования (эскроу)» ГК РФ содержится положение о том, что если указанные в договоре эскроу основания передачи имущества бенефициару в течение срока действия договора эскроу не возникают, эскроу-агент обязан вернуть полученное имущество депоненту [6]. Статья 926.8 «Прекращение договора эскроу» ГК РФ

указывает на обязанность эскроу-агента возвратить денежные средства депоненту при прекращении договора эскроу, если не наступили условия для передачи права собственности бенефициару.

В то же время необходимо признать, что после проведенной реформы, нормы законодательства не регулируют ситуацию, когда бенефициар исполнил свое обязательство перед депонентом, но не успел передать документы до истечения срока договора. А что же происходит на практике? А на практике, участники спора, апеллируя действующими нормами законодательства, толковать их могут по-разному.

Например, такая проблема встречается в деле по договору счета эскроу (Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2019 №11АП-17320/2018 по делу №А65-17385/2018).

Так, в рамках данного спора было установлено, что бенефициар произвел передачу права на недвижимое имущество в Едином государственном реестре недвижимости, но не успел предоставить документы эскроу-агенту до момента прекращения договора, допустив задержку в один день. Банк, при этом, не уточнил у бенефициара вопрос о возникновении оснований для передачи денежных средств по договору счета эскроу и вернул денежные средства депоненту для погашения долга последнего перед банком по договору кредитной линии. В дальнейшем на депонированные средства был наложен арест, а депонент потребовал через суд вернуть ему сумму. Судья в этом случае указал, что требование истца не подлежит правовой защите, так как последний злоупотребляет правом, а просрочка в один день не может быть основанием для отказа со стороны банка бенефициару в законном требовании. Суды первой и апелляционной инстанции постановили, что банк должен перевести денежные средства бенефициару сразу после снятия ареста.

При этом, в отмеченных судебных решениях содержится один важный вывод. В ходе судебного разбирательства банк привел довод о том, что его законный правовой интерес связан с погашением кредитных обязательств депонента по кредитному соглашению. Банк утверждал, что при кредитовании его цель состоит именно в долгосрочных кредитных отношениях с надежными заемщиками, обеспечивающими прибыль, а вовсе не в досрочном расторжении кредитных сделок. В ответ на приведенный довод суды обеих инстанций указали, что банк должен выполнять свои обязанности в роли эскроу-агента добросовестно и не преследовать свой интерес в получении денежных средств по обязательствам между ним и одной из сторон договора счета эскроу.

В описательной части решения Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2019 №11АП-17320/2018 по делу №А65-17385/2018 указано следующее: «Принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что в условиях надлежащего соблюдения бенефициаром требований депонирования денежных средств до истечения срока действия договора счета эскроу незначительная просрочка предоставления банку предусмотренных договором документов не может повлечь лишение его права на получение депонированных денежных средств. Банк, выступая эскроу-агентом и реализуя

предоставленные ему контрольные функции, должен в меру имеющихся у него правовых возможностей обеспечить защиту добросовестного участника договора. Данный подход в большей степени соответствует природе института расчетов с использованием счета эскроу, реализуемых в них гарантий для участников с точки зрения надлежащего исполнения основных по отношению к расчетам обязательств.

... формальный подход к исполнению договора эскроу в рассматриваемом случае может повлечь защиту недобросовестных участников гражданского оборота, что недопустимо» [7].

Кроме этого, в том же решении судом установлено, что «Довод заявителя жалобы о том, что из обжалуемого решения непонятен порядок его исполнения, поскольку на денежные средства наложен арест, также отклоняется.

Судом первой инстанции установлено, что на момент рассмотрения дела действующими являются аресты, наложенные на денежные средства, на основании постановления ... суда ... от ... В связи с этим, суд первой инстанции в мотивировочной части решения правильно указал, что указанные меры носят временный характер, связаны с приостановкой исполнения обязательства по выплате депонированных денежных средств, вместе с тем не влияют на содержание обязательств банка по договору счета эскроу и не делают их исполнение объективно невозможным. Руководствуясь частью 2 статьи 174 АПК РФ и условиями договора банковского счета, суд первой инстанции указал, что обязанность по перечислению денежных средств в размере ... руб. должна быть исполнена первым ответчиком в течение 3 рабочих дней после снятия арестов в отношении распоряжения счетом» [7].

Обратимся к первому решению по данному судебному разбирательству, принятому Арбитражным судом Республики Татарстан (решение от 6 сентября 2018 года по делу №А65-17385/2018). По мнению суда (председательствующий судья Гиззятов Т.Р.): «Договор счета эскроу по своей правовой природе характеризуется тесной связью с основными договорными обязательствами депонента и бенефициара, в рамках которых происходит расчеты между ними. Банк, выступая в качестве эскроу-агента, осуществляет функцию контроля за проведением операций по счету эскроу и соблюдением сторонами установленных договором счета эскроу ограничений распоряжения денежными средствами, находящимися на счете. ...

В указанном случае ... Банк ... должно на первое место ставить надлежащее с точки зрения духа и буквы закона исполнения обязательств в качестве эскроу-агента, а не правовой интерес, связанный погашением кредитных обязательств третьего ответчика по кредитному соглашению № ... от ...» [8].

Как отметил Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в своем решении от 21.01.2019 №11АП-17320/2018 по делу №А65-17385/2018: «Довод заявителя жалобы о необоснованном выводе суда о правовом интересе Банка, связанном с погашением кредитных обязательств третьего ответчика по кредитному соглашению, в связи с тем, что о подобном интересе Банк и истец в судебном процессе не заявляли, отклоняется, поскольку указанные выводы суд

первой инстанции сделал исходя из содержания пункта ... договора банковского счета, согласно которому в случае непредоставления перечисленных в пункте ... документов в установленный настоящим договором срок, а также в случае их несоответствия внешним признакам условиям настоящего договора Банк возвращает находящиеся на счете денежные средства депоненту на ссудный счет по кредитному соглашению ... с целью погашения основного долга.» [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что обязанность эскроу-агента по возврату имущества депоненту при прекращении договора имеет проблемы в регулировании, так как на практике возникают ситуации, когда бенефициар рискует остаться без взаимного предоставления.

На данном примере мы увидели, что судебная практика выводит общую обязанность эскроу-агентов не злоупотреблять своими полномочиями при их исполнении, если эскроу-агент и сторона по договору имеют обязанности в рамках других правоотношений.

Как видим, данный вопрос остается открытым, в настоящее время различные и противоречивые точки зрения на правовую природу договора участия в долевом строительстве свидетельствуют о назревшей необходимости в дальнейшем совершенствовании законодательной базы, а также закреплении договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве самостоятельного вида договора, определение которого содержало бы необходимые признаки, позволяющие разграничить рассматриваемый договор со смежными гражданско-правовыми конструкциями.

Список литературы:

1. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-2/statja-40/>, свободный. – Загл. с экрана.

2. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/214_FZ-obuchastii-v-dolevom-stroitelstve-mnogokvartirnyh-domov-i-inyh-obektov-nedvizhimosti/, свободный. – Загл. с экрана.

3. Портал slovaronline.com «Сборник энциклопедических словарей» [Электронный ресурс]: Толковый словарь иностранных слов онлайн. – Режим доступа: <https://rus-jur-terms.slovaronline.com/7239-ЭСКРОУ>, свободный. – Загл. с экрана.

4. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании

действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-45/ss-3/statja-860.7/>, свободный. – Загл. с экрана.

5. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-45/ss-3/statja-860.10/>, свободный. – Загл. с экрана.

6. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-47.1/statja-926.1/>, свободный. – Загл. с экрана.

7. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: база данных содержит законодательство РФ кодексы и законы в последней редакции. Удобный поиск законов кодексов приказов и других документов. Ежедневные обзоры законов. Консультации по бухучету и налогообложению. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=147228#019277419136850127>, свободный. – Загл. с экрана.

8. Официальный сайт Арбитражного суда Республики Татарстан tatarstan.arbitr.ru [Электронный ресурс]: содержит картотеку арбитражных дел. Удобный поиск судебных решений и другой информации. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/11837a7b-4876-4018-829e-e9165e762aa7/a3abf92e-3dbd-484e-85a0-ab5596b636f8/A65-17385-2018_20180913_Reshenie.pdf?isAddStamp=True, свободный. – Загл. с экрана.

УДК 347.9

А. О. Яценко,
канд. юр. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского
и арбитражного судопроизводства, заместитель
руководителя магистерской программы «Юрист в
сфере гражданского, уголовного и
административного судопроизводства»,
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»,
Симферополь
E-mail: Yatsenkoao@mail.ru
А. А. Фирсова,
преподаватель кафедры гражданского
и арбитражного судопроизводства
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»,
Симферополь
E-mail: alyonafirsova@gmail.com

А.Л. Люманова,
студентка 3 курса 35 группы юридического факультета,
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»,
295006, РФ, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь,
ул. Павленко, д. 5
E-mail: sufyanova01@inbox.ru

A.O. Yatsenko,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
and arbitration proceedings, Deputy
head of the Master's program " Lawyer in Law
civil, criminal and
administrative proceedings»,
Crimean Branch of the Russian
State University of Justice,
Simferopol

A.A. Firsova,
teacher of the Department of Civil Law
and arbitration proceedings
Crimean Branch of the Russian
State University of Justice,
Simferopol

A.L. Lyumanova,
3rd year student of the 35th group of the Faculty of Law,
Crimean Branch of the Russian
State University of Justice,
Simferopol

Проблемы сроков в кассационном производстве, а также восстановление пропущенного срока

Problems of deadlines in cassation proceedings, as well as the restoration of the missed deadline

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятие сроков в кассационном производстве, а также проблемы исчисления сроков для подачи кассационной жалобы.

Ключевые слова: сроки кассации, кассационное производство, кассационный суд общей юрисдикции, обжалование.

Abstract. This article discusses the concept of time limits in cassation proceedings, as well as the problems of calculating the time limits for filing a cassation complaint.

Keywords: civil procedure; preparation of a civil case; trial; stage in civil proceedings; court; claims; claim; court session.

Для совершения ряда определённых действий Гражданским процессуальным кодексом установлены определённые сроки. Предусматривается такой срок и для кассационного обжалования судебных актов.

Актуальность проблемы обуславливается спорными делами в судах по восстановлению сроков в кассации, так как сроки являются гражданско-правовым институтом, значение которого состоит в его осуществимости, в возможности посредством реализации заложенных в нем правомочий получить известную практическую пользу, что на практике не является достижимым в полном объёме.

Предметом исследования законодательное регулирование сроков в кассационном производстве для более детального рассмотрения данного вопроса.

Объектом исследования в работе институт кассационного производства, регулирующий сроки в кассации.

Цель исследования работы являлось рассмотрение проблемы сроков в кассационном производстве и пути восстановления пропущенного срока.

Для достижения цели по написанию работы использовались эмпирические метод, а именно анализ, аналогия, дедукция.

Так, согласно положениям статьи 376. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) кассационная жалоба может быть подана в срок, не превышающий трех месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления [1]. В данной статье указывается, что срок подачи кассационной жалобы в кассационный суд общей юрисдикции, пропущенный по причинам, признанным судом уважительными, может быть восстановлен судьей соответствующего суда кассационной инстанции.

Согласно п. 1 ч. 4 ст. 379. 1 ГПК РФ в случае если при рассмотрении вопроса о принятии кассационной жалобы к производству установлено, что она подана с пропущенным сроком подачи кассационной жалобы, и в ней не содержится просьба о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы или в его восстановлении отказано, то кассационный суд возвращает такую жалобу.

Однако, как показывает судебная практика, вопрос о принятии кассационной жалобы с истечением срока подачи на кассационное обжалование (даже несколько дней) и не содержащее ходатайство о восстановлении пропущенного срока, разрешается судами по-разному.

Так, согласно п. 16 "Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) следует, что в качестве уважительных причин пропуска срока подачи кассационной жалобы могут быть признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п., но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного

постановления в установленный законом срок, включая разумный срок для ознакомления с судебным актом и для подготовки документа лицом, которому судебный акт был направлен по почте [2].

В п. 4 абз. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 N 25 "О некоторых вопросах, связанных с началом деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции" следует, что в случае признания причин пропуска указанного процессуального срока уважительными заявителю восстанавливается шестимесячный срок на подачу кассационных жалобы, представления, установленный ч. 2 ст. 376 ГПК РФ в редакции, действовавшей до дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции [3].

Так, судебная практика на данный вопрос является разнообразной, а именно Решение № 2-1615/2019 2-1615/2019~М-924/2019 М-924/2019 от 15 июля 2019 г. по делу № 2-1615/2019 Братский городской суд (Иркутская область) рассматривалось заявлению ФИО1 к ФИО2 о расторжении договора на оказание юридических услуг, взыскании денежных средств, компенсации морального вреда, судебных расходов [4]. Из-за ненадлежащего исполнения была подана кассационная жалоба, которая была возвращена назад, но письмо благополучно пролежало на почте, по этой причине был пропущен срок подачи кассационной жалобы, который истекал, в связи с чем, кассационная жалоба была возвращена. Далее подаётся заявление о восстановлении срока на подачу кассационной жалобы, где уважительной причиной пропуска является это ее отсутствие в стране, так как она была в командировке и были поломаны почтовые ящики. Суд не посчитал данные обстоятельства уважительными. После подаётся частная жалоба на восстановление пропущенного срока. Однако, в апелляционном определении указывается, что нахождение в командировке объективно не исключало возможность подачи кассационной жалобы. Данные обстоятельства были исключительно по вине представителя истца, которая не была заинтересована в положительном результате дела, а имела только корыстные цели. Исходя из этого, следует отметить, что недобросовестное исполнение своих обязанностей представителем истца повлекло грубые нарушения, а также негативный результат рассмотрения дела.

В данном случае целесообразно выделить две проблемы регулирования вопроса о сроках в кассационном производстве, такие как некачественное исполнение представителем профессиональных обязанностей, что повлекло за собой пропуск срока подачи кассационной жалобы, а также суд посчитал пребывание в командировке неуважительной причиной, то есть в данном случае ущемляется право на подачу кассационной жалобы, так как суд определил возможность подачи жалобы объективно реальной.

Следует отметить такой аспект как трёхмесячный срок подачи кассационной жалобы в суд, являющийся недостаточным для полного рассмотрения дела заявителем и подачи кассационной жалобы, так как для этого требуется больше времени. В связи с этим на практике часто встречаются случаи из-за «нехватки времени» по которым происходит пропуск срока для подачи кассационной жалобы. При таком сроке кассация перестанет быть

эффективным средством защиты, а именно установление ограничения срока не приведёт к ожидаемому результату сторон, в связи с этим целесообразно увеличить трёхмесячный срок. Законодательство даёт перечень уважительных причин для восстановления срока, однако «недостаточность времени» для подачи кассационной жалобы не является уважительной, что влечёт за собой негативные и долгие последствия по восстановлению срока подачи.

В соответствии с Определением СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2020 г. № 5-КГ20-71-К2 в котором Верховный Суд Российской Федерации восстановил пропущенный на год срок кассационного обжалования, указав на совокупность уважительных причин для пропуска: низкие доходы истца, не позволяющие нанять адвоката, инвалидность, ряд тяжелых заболеваний, проживание на значительном удалении от места спора, а также ненаправление ему копий судебных постановлений. срок на обжалование пропущен по делу о возмещении вреда здоровью [5]. По мнению истицы, больница оказала ей ненадлежащую медицинскую помощь, причем вследствие дефектов спорной медпомощи произошло ее заражение вирусом гепатита "С". В связи с чем, суд удовлетворил требование истицы и восстановил срок для подачи жалобы.

Поэтому следует предложить расширить перечень уважительных причин для подачи кассационной жалобы, так как в данном случае обстоятельства конкретизированы, а в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 N 25 "О некоторых вопросах, связанных с началом деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции" в п. 4 абз. 2 указываются уважительные причины широко, что является затруднительным для понимания «конкретно является ли данная причина уважительной» или суд посчитает иначе.

Самое актуальное для настоящего времени решение Верховного суда Российской Федерации, указывающий возможным согласиться с истцом, который пропустил срок подачи кассационной жалобы [6]. В защиту своей позиции гражданин утверждает, что он из-за антикоронавирусных ограничений не мог вовремя собрать нужные документы, Верховный суд посчитал серьёзными. Когда гражданин обратился в Первый кассационный суд общей юрисдикции, ему возвратили кассационную жалобу, так как был пропущен срок на обжалование, главной причиной назвал пандемию, дело касалось неуплаты алиментов. Верховный суд Российской Федерации указывает, что из-за введённых ограничений «лицо не смогло совершить необходимое процессуальное действие». В связи с чем у Первого кассационного суда нет оснований для возврата жалобы.

Тут может возникнуть недопонимания у нижестоящих судов при разрешении такого дела, а именно «почему при неуплате алиментов восстанавливается срок» ведь объективно гражданин мог уплатить вовремя денежные средства.

Существует и ряд противоположной судебной практики, где суды отказывают в восстановлении срока на подачу кассационной жалобы, пропущенного из-за коронавирусных ограничений, из Определения Верховного

Суда Российской Федерации №307-ЭС21-4358 от 03.03.2021 «О восстановлении срока на подачу кассационной жалобы, пропущенного из-за коронавирусных ограничений», что ООО требует восстановить срок подачи кассационной жалобы из-за ограничений, связанные с распространением коронавирусной инфекции [7]. Суд просит предоставить доказательства, подтверждающие факт уважительной причины для восстановления срока, так как сама пандемия не является такой причиной. Заявителем не были предоставлены доказательства, в связи с чем суд посчитал причину не уважительной и не восстановил срока для подачи жалобы.

В связи со всем вышеуказанным всё-таки есть возможность восстановления срока в кассационном производстве, законодательство предусматривает пути восстановления, а именно ст. 112 ГПК РФ предусматривается восстановление срока, пропущенного по уважительным причинам, путём подачи заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока в тот суд, в котором надлежало совершить процессуальное действие. И при рассмотрении обстоятельства и посчитавшим его уважительным суд удовлетворит требование о восстановлении пропущенного срока.

Предложение увеличить срок является обоснованным и важным, так как значительно понизит поток работы на подачу кассационных жалоб о восстановлении пропущенного срока, а также у граждан будет возможность более тщательно знакомиться с материалами дела в шестимесячный срок, так как три месяца не позволяет детально понять всю суть жалобы из-за времени. Увеличение срока до шести месяцев, как было раньше будет актуально и разумно, данное изменение положительно повысит динамику у кассационных судов.

Касательно «уважительных причин» о восстановлении срока для подачи жалобы. В законодательстве нет чёткого определения термина «уважительных причин», что явно затрудняет и усложняет задачу судов по «определению уважительной причины», возникают пробелы в судебной практики, так одни суды считают причину уважительной, другие нет. Конкретизировать и дать понятие термина «уважительных причин» необходимо, так как вышестоящие суды начинают отменять решения нижестоящих. Если ввести чёткое определение и перечень «уважительных причин», то не возникнет спорных и сомнительных отказов в восстановлении пропущенного срока кассационной жалобы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 22.04.2021).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341600/ (дата обращения: 21.04.2021).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 25 "О некоторых вопросах, связанных с началом деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции" [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328769/ (дата обращения: 22.04.2021).

4. Решение № 2-1615/2019 2-1615/2019~М-924/2019 М-924/2019 от 15 июля 2019 г. по делу № 2-1615/2019 Братский городской суд (Иркутская область) [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2xEPKvkKsHJ5/> (дата обращения: 24.04.2021).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2020 N 5-КГ20-71-К2 [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28092020-n-5-kg20-71-k2/> (дата обращения: 24.04.2021).

6. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/29569/ (дата обращения: 24.04.2021).

7. Определение Верховного Суда РФ №307-ЭС21-4358 от 03.03.2021 о восстановлении срока на подачу кассационной жалобы, пропущенного из-за коронавирусных ограничений [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03032021-n-307-es21-4358-po-delu-n-a56-781852019/> (дата обращения: 23.04.2021).

УДК 349.2

А.О. Яценко,
канд. юр. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского
и арбитражного судопроизводства,
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь
Д.С. Цыганова,
Студентка,
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»,
г. Симферополь

A.O. Yyatsenko,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
and arbitration proceedings,
Russian University of Justice (Crimean Branch)
Simferopol
e-mail: yatsenkoao@mail.ru
D. S. Tsyganova ,
Student,
Russian University of Justice (Crimean Branch)

Электронная трудовая книжка: особенности и перспективы внедрения

Electronic employment record: features and prospects of implementation

Аннотация: В статье анализируется правовая природа электронной трудовой книжки, а также ее особенности. Очерчен круг проблем, которые возникают при применении бумажной трудовой книжки. Рассмотрены достоинства и недостатки внедрения электронной трудовой книжки. Выявлены пробелы в нормах применения данного явления, которые необходимо решить на законодательном уровне для благоприятного перехода на электронные трудовые книжки. Помимо этого приведены примеры споров на основе обобщения судебной практики.

Ключевые слова: цифровизация, электронная трудовая книжка, трудовая деятельность, трудовая книжка, электронный документооборот.

Abstract: The article analyzes the legal nature of the electronic employment records, as well as its features. The circle of problems that arise when using an electronic employment record is outlined. The advantages and disadvantages of the introduction of electronic employment records are considered. There are gaps in the rules of application of this phenomenon that need to be addressed at the legislative level for a favorable transition to electronic employment records. In addition, examples of disputes based on the generalization of judicial practice are given.

Keywords: digitalization, electronic employment record book, labor activity, workbook, electronic document management.

В связи с динамичным развитием социума возникают различные модификации во всех сферах жизнедеятельности человечества. Немалое значение на стабильность коммуникативных, социальных, экономических отношений оказывают нормы трудового права.

Потребности общества на протяжении всей истории человечества видоизменялись. На современном этапе развития, с каждым годом степень цифровизации растет в геометрической прогрессии, происходит интеграция всевозможных IT-технологий для внедрения во все области, в том числе в социально-трудовой сфере.

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплено положение о том, что труд свободен, а также то, что каждый человек может выбирать род деятельности, а также профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Согласно ч. 1 ст. 66 ТК РФ основным документом, подтверждающим трудовую деятельность и трудовой стаж работника, является трудовая книжка.

Впервые трудовые книжки были введены Кодексом законов о труде (КЗоТ) в 1918 году¹. Однако в силу различных политических причин, легальной датой возникновения трудовых книжек является 20 декабря 1938 г., в силу принятия постановления СНК СССР № 1320 «О введении трудовых книжек»².

¹ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. – № 87-88. – Ст. 905.

² Постановление СНК СССР от 20.12.1938 № 1320 «О введении трудовых книжек» // СПС Консультант Плюс (утратил силу).

Стоит отметить, что в последние годы, в частности по причине осуществления различных реформ в Российской Федерации, активно обсуждался вопрос о фактической отмене трудовых книжек в бумажном виде и полной замене данного формата электронным.

Одним из шагов продвижения данного замысла стало введение ФЗ от 16.12.2019 г. № 439-ФЗ « О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» (далее – ФЗ № 439)¹. Данный нормативно-правовой акт регламентирует основные моменты, касающиеся непосредственно нового формата трудовых книжек.

Стоит заметить, что данная модернизация в сфере трудовых отношений происходит в рамках реализации Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.» и национальной программы «Цифровая экономика РФ», элементом которой является федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»².

В соответствии, с вышеупомянутым проектом, предполагается, что будет обеспечено нормативное регулирование цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства. В частности при учете сведения о трудовой деятельности работника в электронном виде («электронная трудовая книжка» – далее ЭТК), помимо того планируется заключение, изменение, расторжение и хранение трудовых договоров, внедрение кадрового документооборота также в электронном формате. Срок реализации данного явления – 31.12.2020 г., ответственным исполнителем является Заместитель Министра труда и социальной защиты РФ – Вуколов Всеволод Львович. То есть привычный формат трудовой книжки, в век бурного развития информационных технологий, приобретет электронную оболочку.

Необходимо отметить тот факт, что все чаще появляются объяснения уполномоченных органов, касающиеся введения, формы, правил ведения ЭТК, а также общих положений, имеющих отношение к данному институту. Одной из причин является непонимание отдельных вопросов механизма работы и регулирования в целом данного института, как работодателями, так и работниками.

Полагаем, что для лучшего понимания юридической и практической сущности ЭТК, необходимо непосредственно разобраться в основных моментах, затрагивающие основные правила его применения и действия.

Дефиниция «электронная трудовая книжка» не имеет легального закрепления на данный момент. Заметим, что в Постановлении Правления ПФ РФ от 25.12.2019 г. № 730п «Об утверждении формы и формата сведений о

---

¹ Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде»// Российская газета. – 2019. – № 8044.

трудовой деятельности зарегистрированного лица, а также порядка заполнения форм указанных сведений» упоминается, но не раскрывается определение¹.

В проекте данного приказа упоминалось, что электронная трудовая книжка – официальный документ, содержащий всю информацию о сотруднике, истории его должностных переходов и мест работы, представляющая собой файл, загружаемый в общероссийскую базу персонифицированного учета².

Е. Орлова считает, что электронная трудовая книжка представляет некие сведения о трудовой деятельности работников, которые хранятся в электронном виде в информационных ресурсах ПФР [1, с. 3].

Мы поддерживаем первую вариацию определения, так как считаем, что она наиболее полно отображает сущность данного феномена.

П. 2 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 439 гласит о том, что работодатель обязан уведомить по 30 июня 2020 г. каждого работника об изменениях в законодательстве, помимо того разъяснить его права, в связи со сложившейся ситуацией. Следовательно, можно сделать вывод о том, что переход к предполагаемому новому осуществляться будет только с согласия работника, т.е. добровольно.

Согласно п. 2 ст. 2 вышеуказанного нормативно-правового акта³, все работники должны до 31 декабря 2020 года включительно⁴ подать работодателю заявление в письменном виде: либо о продолжении ведения трудовой книжки в бумажном виде (ст. 66 ТК РФ), либо о предоставлении ему сведений о трудовой деятельности (ст. 66.1 ТК РФ).

Данная информация о каждом таком заявлении предоставляется работодателем для хранения Пенсионным фондом РФ в специальных информационных ресурсах.

Стоит отметить, что только после вышеупомянутого уведомления работодателем, возможна подача заявления работником о соответствующем варианте введения трудовых книжек.

Документом, подтверждающим выдачу трудовой книжки на руки, является заявление работника⁵. Однако сроки выдачи трудовой книжки на бумажном носителе, в случае перехода на электронный формат, до сих пор не определены однозначно. Так, в письме Минтруда России от 12.02.2020 г. № 14-

¹ Постановление Правления ПФР от 25.12.2019 № 730п «Об утверждении формы и формата сведений о трудовой деятельности зарегистрированного лица, а также порядка заполнения форм указанных сведений» (вместе с «Порядком заполнения формы «Сведения о трудовой деятельности зарегистрированного лица (СЗВ-ТД)», «Форматом сведений для формы «Сведения о трудовой деятельности (СЗВ-ТД) зарегистрированного лица» в электронном виде») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2020 « 57251) // СПС Консультант Плюс.

² Проект Приказа Правления Пенсионного фонда РФ «Об утверждении формы и формата сведений о трудовой деятельности зарегистрированного лица, а также порядка её заполнения» (подготовлен Пенсионным фондом РФ 05.12.2019) // СПС Гарант.

³ Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // Российская газета. – 2019. – № 8044.

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 № 887 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2020 году» // СПС Консультант Плюс.

⁵ Письмо Минтруда России от 12.02.2020 № 14-2/В-150 // СПС Консультант Плюс.

2/В-150 говорится о том, что при такой ситуации работодатель выдает трудовую книжку в день подачи заявления работником. Однако, месяцем позже, в письме Минтруда России от 13.03.2020 г. № 14-2/В-260, специалисты высказали другое мнение о том, что работодатель в 3-дневный срок может выдать бумажную трудовую книжку. На данном этапе, в своем последнем письме, Минтруд в итоге вернулись к первоначальной точке зрения о целесообразности выдачи трудовой книжки в день подачи заявления¹.

Полагаем, что могут сложиться при постепенном внедрении ЭТК различные варианты стечения обстоятельств, среди которых:

1) работник может не подать работодателю ни одно из вышеуказанных заявлений;

2) работник подал заявление либо о предоставлении сведений о трудовой деятельности электронно, либо о ведения бумажной версии трудовой книжки в дальнейшем.

Важным, по нашему мнению, является то, что в соответствии со ст. 66.1 ТК РФ сведения о трудовой деятельности работника, работодатель независимо от вышеперечисленных обстоятельств, формирует на каждого и отправляет в электронном виде в ПФР².

3) работник не мог предоставить данное заявление, ввиду уважительных причин.

Стоит отметить, что работники, которые впервые начнут свою трудовую деятельность с 2021 года, введение трудовых книжек будет осуществляться исключительно в электронном виде.

Интересным представляется то, что переход на электронный вид будет возможен, даже если работник написал заявление о продолжении введения трудовой книжки на бумажном носителе (ч. 5 ст. 2 ФЗ № 439)³. Но в случае, если работник принял решения о переходе на ЭТК, то вернуться к изначальному бумажному формату будет невозможно.

Что касается информационного состава, то А. Б. Галочкина отмечает, что обе формы трудовых книжек являются практически идентичными [2, с. 4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом механизм внедрения, на данном этапе, работает, но отдельные положения данного явления требуют совершенствования со стороны законодателя.

Для того чтобы понять специфику и целесообразность введения рассматриваемого явления, прежде всего необходимо проанализировать проблемы, возникающие при применении бумажных версий трудовых книжек, а также разобраться в правовой природе электронных трудовых книжек, выделив при этом основные достоинства и недостатки.

Одной из причин для возникновения судебных споров является задержка выдачи трудовой книжки работодателем. В связи, с чем могут наступить

¹ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 12 августа 2020 г. N 14-2/ООГ-12933 // СПС Гарант.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 2001. – № 2868.

отрицательные последствия для работника, к примеру, данное событие может послужить препятствием для заключения трудового договора с другим работодателем.

Так, Судебной коллегией по гражданским делам Тверского областного суда¹ было рассмотрено дело об обвязывании в выдаче трудовой книжки, взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за задержку заработной платы, взыскании компенсации за задержку трудовой книжки и компенсации морального вреда.

Истец (далее – заявитель, работник) указал, что работал на предприятии, на основании трудового договора. В связи с невыплатой заработной платы, им было подано заявление об увольнении по собственному желанию, однако данное заявление не было удовлетворено, и он продолжал работать до определенного момента.

Представитель же ответчика подтвердила, что заявитель, действительно, работал в компании, однако при проведении проверки Государственной инспекцией труда, нарушений трудовых прав данного работника установлено не было. Также указала на тот факт, что последний был принят на работу без трудовой книжки, а после не обращался к работодателю с заявлением о выдаче трудовой книжки, помимо того обратила внимание на то, что доказательств, подтверждающих препятствия в трудоустройстве истца, предоставлено не было.

Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу об изменении решения суда первой инстанции лишь в снижении взыскания сумм, указанных в иске. Остальная часть решения была оставлена без удовлетворения. Суд второй инстанции указал на то, что при увольнении работник на руки не получал трудовую книжку, уведомления явиться для ее получения также не направлялось. Помимо того, доказательств о том, что истец уклонялся от получения трудовой книжки целенаправленно. Касательно непредоставления трудовой книжки истцом при устройстве на работу, суд обратил внимание на то, что согласно ч. 5 ст. 65 ТК РФ работодатель должен был оформить новую трудовую книжку, в случае ее отсутствия.

Помимо того, доводы апелланта о том, что работником не были представлены доказательства нарушения его прав задержкой выдачи трудовой книжки, ее отсутствие не являлось препятствием для трудоустройства истца, не могут повлечь отмену решения по делу, на основании ст. ст. 65, 66, 234 ТК РФ.

Таким образом, необходимо заметить то, что сам факт невыдачи работнику трудовой книжки свидетельствует о нарушении работодателем трудовых прав работника на трудоустройство, в силу того, что этот документ необходим при поступлении на работу и заключении трудового договора. Помимо того, данная позиция широко распространена в судебной практике и отражена в следующих судебных актах: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 февраля 2019 г. № Ф06-41771/18 по делу № А57-

---

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Тверского областного суда от 21.02.2019 по делу № 33-185/2019 // СПС Гарант.

22867/2012¹; Апелляционное определение СК по гражданским делам Новосибирского областного суда от 28 ноября 2017 г. по делу № 33-11563/2017².

Следующей проблемой, приводящей к судебным тяжбам, является нарушение порядка ведения, хранения, выдачи трудовых книжек, а также внесения ложных сведений работодателем.

Так, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Республики Алтай было рассмотрено дело³.

Истица обратилась с иском к ООО «ЭКВЕСТО ИНТЕРНЕЙШНЛ» об установлении факта трудовых отношений, обязанности внести в трудовую книжку запись об увольнении с работы по собственному желанию. При рассмотрении в суде первой инстанции данный иск был оставлен без удовлетворения, на основании того, что со стороны истца не было предоставлено надлежащих доказательств возникновения между ней и ответчиком трудовых отношений.

Суд второй инстанции, исследовав материалы дела, отменила решение первой инстанции и удовлетворила исковые требования истицы частично. Суд установил факт нарушения трудовых прав работника. Данное событие выразилось в неоформлении трудовых отношений, невыплате заработной платы, компенсации за неиспользованного отпуск. Помимо того, сослался на ст. 237 ТК РФ, а также на правовую позицию, указанной в абз. 4 п. 63 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», пришел к выводу об удовлетворении требований о компенсации морального вреда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за подобные ситуации, работодатель несет ответственность, которая выражается в материальном аспекте.

Необходимо отметить, что существуют и другие причины, которые приводят к судебным спорам, связанные с бумажной версией трудовых книжек.

Как упоминалось ранее, для того, чтобы разобраться в рациональности введения института ЭТК необходимо отобразить достоинства и недостатки данного феномена.

На основании анализа мнения ученых и изучения судебной практики, важно сказать, что преимуществами введения электронных трудовых книжек являются:

- 1) минимизация рисков ошибок при заполнении трудовой книжки (на данный момент, при проверках, Инспекции труда выявляют их достаточно много);
- 2) снижение издержек и упрощение в целом кадрового делопроизводства;

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.02.2019 № Ф06-41771/18 по делу № А57-22867/2012 // СПС Гарант.

² Апелляционное определение СК по гражданским делам Новосибирского областного суда от 28.11.2017 по делу № 33-11563/2017 // СПС Гарант.

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Алтай от 30.01.2019 по делу № 33-49/2019// СПС Гарант.

3) минимальные риски потери или порчи трудовой книжки (это обусловлено тем, что ЭТК будет сформирована в информационных базах Пенсионного фонда РФ)

И. Шкловец отмечает, что за сохранность персональных данных работников будут отвечать работодатели, а непосредственно за сохранность сведений о трудовой деятельности, об пенсионных правах работников будут ответственны органы Пенсионного фонда РФ [3, с. 3];

4) предполагается, что часть судебных споров уйдут в прошлое, в частности вышеуказанные ранее, в связи с цифровизацией в данной сфере;

5) повышения уровня законности в соответствующей сфере при обращении с персональными данными работников;

6) быстрый доступ работников к сведениям о трудовой деятельности;

Среди недостатков можно выделить следующее:

1) возможность возникновения проблем с первоначальным наполнением базы.

В частности, из-за массового внесения сведений о работниках, существуют риски допущения ошибок, например, в наименовании должностей, стажа, а также других сведений.

2) безопасность информации, касающейся персональных данных работников. Данная утечка нельзя исключать, так как в век невероятно быстрого скачка IT- технологий, возможны сбои программного обеспечения, хакерские атаки и т.п.

К примеру, в первой половине 2017 года был зафиксирован восьмикратный рост объема утечки персональных и других данных, по сравнению с аналогичным периодом 2016 года.

3) отсутствие у некоторых категорий граждан доступа к сети Интернет или же затруднение в его использовании.

На основании вышесказанного, отметим, что достоинства более весомы, нежели недостатки. Стремление введения ЭТК считаем положительным моментом для общества, с учетом цифровизации современного общества. Однако считаем, что отдельные нормы института электронной трудовой книжки нуждаются в реформировании и совершенствовании со стороны законодателя, так как правовая регламентация и механизм недостаточно полно регламентирован, в силу чего, в будущем, может привести к негативным последствиям на практике.

Список литературы

1. Орлова Е. Перевод трудовых книжек в электронный формат // Налоговый вестник. – 2020. – № 1. – С. 1-20.
2. Галочкина А.Б Переход на электронные трудовые книжки: отдельные вопросы // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – 2020. – № 4. – С. 1-6.
3. Гусенко М. Что следует знать при выборе между бумажной и электронной трудовой книжкой // Российская газета. – 2020. – № 8124.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Басос Е.В.
Толкование принципов жилищного права 3
2. Бахриева З.Р., Мухамедова Э.Э.
Толкование правовой нормы - ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации о заверениях об обстоятельствах 9
3. Зарубенко С.А.
Толкование понятие морского судна: гражданско-правовой аспект 14
4. Молчанов А.А., Зайцева Е.В.
Соавторство при создании служебных объектов патентного права в системе МВД России 21
5. Моцная Ю.Н.
Принцип равенства мужчины и женщины при использовании методов вспомогательных репродуктивных технологий 26
6. Некрасова Е.В.
Реализация способов защиты прав на недвижимое имущество: проблемы правоприменительной практики 30
7. Ногайлиева Ф.К., Ботдаев М.А.
Толкование ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ в контексте правового регулирования трудовых отношений 35
8. Онищенко В.В.
К вопросу поиска методов подходов к исследованию юридического содержания положений гражданского законодательства 42
9. Остапова Е.А.
О перспективах внедрения в гражданское право России понятия распорядительных сделок 47
10. Петров Н.В., Петрова И.В.
Толкование права и судебное правотворчество: соотношение понятий 54
11. Плиева Н.Г.
Коллизии между общими и специальными совместимыми правовыми нормами, регулирующими отношения по поводу возмещения вреда 62

12. *Потапов Д.В.*
Защита трудовых прав граждан работавших без оформления трудовых отношений 69
13. *Примак Т.К., Георгиев И.В.*
Заключение договоров в сети Интернет: виды и особенности 73
14. *Ротань В.Г.*
Гражданское законодательство как предмет преподавания (изучения) и научного исследования 78
15. *Руденко А.В.*
Определение абонентского договора как самостоятельной гражданско-правовой конструкции 86
16. *Сагалаева Е.С., Ивахненко С.Н.*
Содержание и проблемы реализации права ребенка жить и воспитываться в семье 90
17. *Тарасов А.С.*
К вопросу о месте постановлений Конституционного Суда в системе источников Российского права 95
18. *Филиппова М.В., Хохлов Е.Б.*
Акты судебного толкования как источник субъективного права 100
19. *Черткова Ю.В.*
Три аспекта понятия причинной связи в гражданском праве 105
20. *Яковлева А.П.*
Становление электронного цивилистического процесса в Российской Федерации 112
21. *Ярошевская А.М.*
Проблемы правового регулирования и толкование судами отдельных аспектов в договоре с использованием эскроу-счетов 117
22. *Яценко А.О., Фирсова А. А., Люманова А.Л.*
Проблемы сроков в кассационном производстве, а также восстановление пропущенного срока 124
23. *Яценко А.О., Цыганова Д.С.*
Электронная трудовая книжка: особенности и перспективы внедрения 130

